

уральский

следопыт

№1 *** 1976

1. $\Gamma \Gamma \Gamma \Gamma$
 $\Gamma 0 \Gamma 1 \quad \Gamma 0 \Gamma 2 \quad \Gamma 0 \Gamma 3 \quad \Gamma 0 \Gamma 4$
 $\Gamma 0 \Gamma 5 \quad \Gamma 0 \Gamma 6 \quad \Gamma 0 \Gamma 7 \quad \Gamma 0 \Gamma 8$
 $\Gamma 0 \Gamma 9 \quad \Gamma 0 \Gamma 0 \quad \Gamma 0 \Gamma 1 \quad \Gamma 0 \Gamma 2$

2. $\Gamma \Gamma \Gamma \Gamma 9 \delta$
 $\Gamma 4 0 \Gamma 1 \quad \Gamma 4 0 \Gamma 2 \quad \Gamma 4 0 \Gamma 3 \quad \Gamma 4 0 \Gamma 4$
 $\Gamma 4 0 \Gamma 5 \quad \Gamma 4 0 \Gamma 6 \quad \Gamma 4 0 \Gamma 7 \quad \Gamma 4 0 \Gamma 8$
 $\Gamma 4 0 \Gamma 9 \quad \Gamma 4 0 \Gamma 0 \quad \Gamma 4 0 \Gamma 1 \quad \Gamma 4 0 \Gamma 2$

3. $\Gamma \quad \Gamma \quad \Gamma \quad \Gamma$

Γ	Γ	Γ	Γ
Γ	Γ	Γ	Γ
Γ	Γ	Γ	Γ
Γ	Γ	Γ	Γ

 $\Gamma \quad \Gamma \quad \Gamma \quad \Gamma$

4.

Γ	Γ	Γ	Γ	Γ	Γ	Γ	Γ	Γ	Γ
Γ	Γ	Γ	Γ	Γ	Γ	Γ	Γ	Γ	Γ
Γ	Γ	Γ	Γ	Γ	Γ	Γ	Γ	Γ	Γ
Γ	Γ	Γ	Γ	Γ	Γ	Γ	Γ	Γ	Γ
Γ	Γ	Γ	Γ	Γ	Γ	Γ	Γ	Γ	Γ
Γ	Γ	Γ	Γ	Γ	Γ	Γ	Γ	Γ	Γ
Γ	Γ	Γ	Γ	Γ	Γ	Γ	Γ	Γ	Γ
Γ	Γ	Γ	Γ	Γ	Γ	Γ	Γ	Γ	Γ
Γ	Γ	Γ	Γ	Γ	Γ	Γ	Γ	Γ	Γ
Γ	Γ	Γ	Γ	Γ	Γ	Γ	Γ	Γ	Γ

Эту рукописную книгу в буквальный смысле выкопали из-под земли. Она пролежала многие десятки лет, но сохранилась хорошо. Когда ребята из математического кружка средней школы им. Маяковского города Ходжейли осторожно взяли ее в руки, их постигло разочарование: в ней ничего нельзя было прочесть... Пришлось искать людей, знающих древний шрифт «парсы», которым была написана книга. И вот первые сведения о находке. В предисловии сказано, что книга переписана с оригинала в 1825 году [соответствует 1242 году по мусульманскому лунному календарю «Хиджры»], в Хазараспе [ныне Хорезмская область] Абдраманом Максумом, сыном Баба-ишана.

Переписана с чего? Каков был оригинал? Ученые, познакомившись с находкой, отнесли давность оригинала на несколько сот лет назад.

Книга оказалась математическим учебником. Большое место уделяется в ней довольно известной в истории математики теории «Волшебные квадраты». Это — «квадраты, составленные из чисел, сумма которых по горизонтали, вертикали и диагонали одна и та же. На рисунках 1 и 2 представлены два [из сорока описанных] варианта составления «волшебных квадратов» — с четырехзначным числом 8247 и шестизначным числом 184295.

Очень интересен прием умножения многозначных чисел на многозначные способом «решето» (рисунок 3). Приведена в учебнике и треугольная Аль-хорезмийская таблица квадратов (рисунок 4), не утратившая своего методического достоинства и по сей день; изложены способы умножения и деления десятичных дробей, извлечения квадратного корня; даны сведения об окружности, секторе, хорде, диаметре, радиусе; приводятся практические способы определения площади круга...

По утверждению ученых, историков математики, числовым квадратам и умножению способом «решето» отводилось значительное место в учебниках средних веков. Десятичные дроби на одной строке (как пишут их и сейчас), без запятой, писались в трудах среднеазиатских ученых школы Улугбека (XV век).

Все эти сопоставления и детали дают основания утверждать, что автором оригинала, с которого переписывал Абдраман Максум, был один из учеников математической школы великого узбекского ученого Улугбека.

Ю. НУРПЕЙСОВ, преподаватель математики средней школы г. Ходжейли. Кара-Калпакская АССР.

В номере:

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

В. Кобельков ЛЮДИ ПЕРВОЙ СКАЛЫ	2
ШТРИХИ БОЛЬШОГО МИРА. Стихи	6
НТ-76	8
Ю. Липатников НА ГРАНИ ФАНТАСТИКИ	11
А. Тумбасов КОПРЫ НАД ЛЕСОМ	13
А. Кузнецов ПЕЛЕНА. Повесть	17
Е. Княжецкая ПУТЕШЕСТВИЕ В ПЕРСИДУ	36
Г. Базекин УФИМСКИЕ ЛЕРМОНТОВЫ	39
Л. Гаряев КОМЕНДАНТ АДИК	40
С. Смородкин ПОСЛЕДНИЙ КАРАВАН	42
О. Лукьянов ЭЛЬДОРАДО	52
И. Шиманский ГРОТЫ ГОРЫ БЕЛОЙ	60
Б. Рябинин КАЙЗЕР НАХОДИТ ДОМ. Рассказы	62
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	74
С. Казанцев «ХУХРИК»	75
МИР НА ЛАДОНИ	78

Редакционная коллегия:

Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Борис КОЛЕСНИКОВ,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного
редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОЛОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Игорь ТАРАБУКИН
(ответственный секретарь),
Владимир ТРУСОВ.

Художественный редактор
Маргарита ГОРШКОВА.

Технический редактор
Элла МАКСИМОВА.

Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА.

Адрес редакции:

Индекс 620219

Свердловск, ГСП-353,

ул. 8 Марта, 8

Телефоны 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются
Сдано в набор 28/IX 1976 г.
НС 21312.

Подписано к печати 18/XI 1976 г.
Бумага 84×108^{1/16}.

Бумажных листов 2,62

Печатных листов 8,8

Учетно-издательских листов 9,8
Тираж 275 000.

Заказ 551.

Цена 30 коп.

Типография издательства

«Уральский рабочий»,

Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки — рис.
А. КИРПИКОВА.

© «Уральский следопыт», 1976 г.

№1 * 1976

УРАЛЬСКИЙ

СЛЕДОПЫТ

После отпуска или командировки всегда с резким беспокойством оглядываешь котлован — много ли сделали без тебя, сильно ли изменился! Наверное, сказывается родственное чувство, которое появляется от того, что своими руками, как ребенка, лелеешь и поднимаешь плотину, пока еще невидимую постороннему взгляду, но которую сам-то ты уже представляешь во всех подробностях.

И после долгой разлуки вспоминаются сначала те, кто первыми пришел сюда, на Саяно-Шушенскую ГЭС, поднял первый камень, подготовил первый блок. Это у них учились работать последующие. И каждый раз, встречаясь с ними, первыми, среди сутолоки котлована или на остановке автобуса, с какой радостью и удивлением оглядываешь их. И тебя тоже оглядывают:

— Уж думал, не уехал ли ты...

— Давненько не виделась...

Разные смены, разные бригады.

— Да... Ну, а как у тебя!.. Как наши!

Здесь слова — ничто, слова — это только позывные. Как у всех старых друзей, за этим, небогатым внешне обменом приветствий идет своеобразная проверка: как изменились мы! Не ушел ли кто искать легкой работы!

Нет, с этим все в порядке.

И ты начинаешь вспоминать...

Мыкола

Кран поднимает первую бадью с бетоном. Бадья нехотя, тяжело оторвалась от земли, резко хрустнула раздавленной галькой, крутанулась на одном полозе, качнулась, понеслась все выше и выше по кругу, словно бросилась в плясовую, и... завелась на целую смену.

Провожая ее взглядом и не замечая, как подошел новенький шофер, плотный, с крупными губами и носом. Протянул руку:

— Мыкола.

— С Украины? — спрашиваю его.

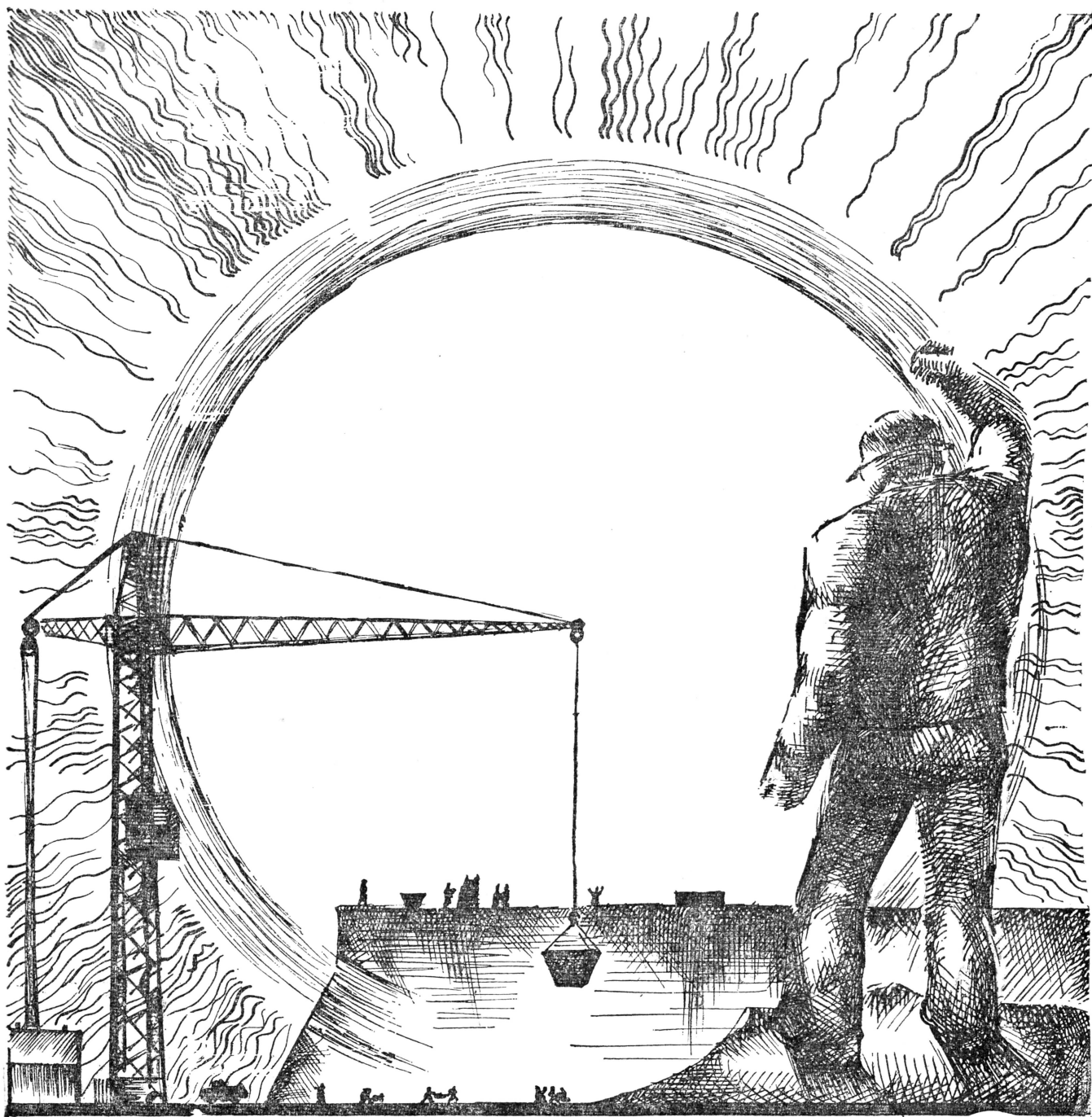
— Не-е. С Новосибирской области. Батьку туда еще трехлетним хлопчиком привезли, а я и вовсе на Украине не был, — рассказывает он и улыбается.

То ли не к месту собрались лучики морщин вокруг карих глаз, то ли улыбка не шла к его крупному лицу, виделись в ней заискивание, просьба о покровительстве. Эта улыбка связывала и чем-то отталкивала.

Водители на бетоновозах часто меняются. Машины на стройке старые, прошедшие не одну автобазу. Как старые ботинки, которые за неимением новых приходится латать и обувать. Когда кран занят перебросками, шоферы собираются в кружок и в разговоре не преминут высказать несколько слов в адрес своих машин.

Василий
КОБЕЛЬКОВ

ПЕРВОЙ СКАЛЫ

Рисунок
В. Домрачева

Приблизительно все в таком духе:

— Не знаю, точно или нет, но слышал от других. В Чехословакии не забирают права за нарушения, — просто садят в наказание на старый МАЗ и посылают в карьер. Месяц-другой отрубил и, говорят, память остается на всю жизнь.

— Не сладко на чуде кататься, — как в схлипе хохотнет кто-нибудь из балагурных шоферов в знак полной солидарности.

Шоферы мало запоминаются. Лишь интуитивно отмечаешь: какой характер у человека, такая сегодня и машина. Водители, что «служили» в Дивногорске, к бадьке подъезжают стремительно и точно. Сразу видишь, человек не год сидел за рулем. Поднимают кузов и в тот момент, когда основная масса бетона двинется вниз, тут же, следом, подгоняя и подхлестывая, включают вибратор. Потом, чуть приспустив кузов, отъезжают, уверенные, что груз сошел полностью.

С новичками сложнее. Недавно получивший права со страхом смотрит на бадьку, крутит в сторону и с мольбой смотрит на тебя: мол, помоги, показывая, куда повернуть руль. Два-три раза подъезжают. Кузова же чаще всего не промытые, корявые, с выбоинами, — бетон не сходит с них.

Наступают ранние зимние сумерки. За ними крадется и мороз. Начинает примерзать бетон. Тут стропалю вдвое прибавляется дел. Обстукиваешь кувалдой бадьку, бегаешь к бадеечке, в которой застыла вода. Ее надо разогреть, насыпать соли и поливать таким раствором бадьку, чтобы не замерзала. Спешись, а все равно не успеваешь: то бадька возвращается — ставить надо, то машина пятится, то в кузове налипает. Сверху, где гуляет пронизывающий ветер, кричат, торопят, чтоб не возился: в работе-то им теплее.

Оборачиваюсь, а огонь уже горит, и Мыкола протягивает к нему руки, потирает с удовольствием. Рядом ведерко — с солярой на дне. На лице все та же непонятная улыбка.

Появляется к Мыколе теплая благодарность, а где-то внутри все не угасает холодное подозрение — будет в конце смены за такую услугу намекать: дай, мол, лишний талончик. Если пройдет ему дармовая ходка — получи лишний рубль. А из кармана нашей организации бетонный завод возьмет шестьдесят — как за машину бетона. Потому такие намеки — самые неприятные для стропала.

Машина у Мыколы старая, корявая, в оспинках от ударов и толчков. Правда, кузов чистый, и бетон остается только по бокам. Вибратор сильный, трясет так, что летят брызги. Мыкола выскочит, посмотрит, много ли осталось, и снова трясет.

Идут и идут бетоновозы. Как у конвейера стоишь. Поставил бадьку — машина уже задом катит. Подходишь к кабине и, расклеивая в кармане талоны, чтобы два сразу не подать, суешь водителю и со скребком спешись смотреть, как вываливается бетон из следующей машины. Ты готов в любую минуту подняться на бадьку, на острый задний борт — подрубить скребком, столкнуть застрявший бетон вниз.

Вот и очередная машина. Подаю талон, а из кабины Мыколина ладонь запрещающе встает передо мной:

— Не надо. В тот раз два дал.

Значит, не расклеил.

— Хорошо! — только и остается мне сказать.

И совестно перед ним. Хочется чем-то его отблагодарить, искупить свою вину. Стараюсь ни на минуту его не задержать. Чисту задний борт, чтобы хорошо закрылся. И наверное, по-идиотски улыбаюсь. В конце смены подчитываю, сколько кто сделал ходок. У Мыколы оказалось больше всех.

— В лидеры вышел, — с удовольствием сообщая ему.

Он подмигивает и улыбается своей особенной улыбкой, которая теперь не кажется мне какой-то неопределенной.

Царегородцев

Как-то Володя Царегородцев сказал:

— Братьев и сестер у меня, как семян в одуванчике. Разлетелись и попробуй теперь за один отпуск объездить — не успеешь. Один в Назарово, другой в Волгограде, третий во Владивостоке... Можно географию изучать.

И мне представляются Царегородцевы вот такими же невысокими, бесхитростными, трудолюбивыми, как часть нашего народа, как и сам Володя.

Во вторую смену должен пойти бетон, а потому с утра в блоке, прикрытом от холода шатром, дым стоит коромыслом. Вообще-то, так кажется только со стороны, — на самом деле каждый занимается своим делом. Сипит сварка. Смачно шлепаются о пол капли металла, и разлетаются маленькими огненными ракетками искры. Мы же, плотники, кто наращивает опалубку, кто набивает «щетиной» — нарезанной арматурой — отверстия в щитах, кто подгоняет рейки под верхнюю наклонную отметку.

Володя мажет горячим битумом стенку. К обеденному перерыву он не успевает выработать свой «раствор».

— Застынет. Потом попробуй его разогрей. Лучше останусь, доделаю, — вслух говорит он, не обращаясь ни к кому определенно.

Оно и так ясно: блок надо сдавать комиссии. Да и хочется Володе, пока никого нет, без помех сделать свою работу, чтобы ребята не ждали и начинали мыть основание.

Возвращаемся, а Володя уже ведра собирает. Даже приклеил мешковину, которую вставляем по краям шва. Довольный. Чумазый. На лбу застыла капля мастики.

— Ты как индийская красавица, — с улыбкой говорит Витя Черников.

— Она не только симпатична, она красавицей слыла, — ответил Володя, и кокетливо виляя, прошелся вдоль стенки, рассмешив всех.

Я не знаю, свои слова сказал Володя или воспринятые, но он довольно часто говорил ямбом или хореем. И у нас, пожалуй, никто не сомневается, что он тайком пописывает стихи.

Продолжаем свою работу, а Володя курит и все не уходит, слоняется по блоку, будто что потерял.

— Поэт мне нашелся. Иди, не мешай! Сделал — отдыхай! — гонит его довольно бестактный наш звеньевой, и Володя нехотя направляется к лестнице.

— Молодец, Володя! — говорит Черников, когда Царегородцев проходит мимо.

Володя приподнимает левое плечо и опускает, мнет, мол, что. И быстро поднимается по железным ступенькам.

Струей воды Черников гонит в угол мусор и не замечает, как шланг стал ходить за ним свободно, не цепляется за растяжки, за пеньки анкером, к которым эти растяжки приварены. Оглядывается и видит, что Володя стоит за его спиной и поправляет за ним шланг.

— Помогать и дальше? — спрашивает.

Шалгинов

Май проходит холодный, дождливый и вьюжный. Даже в редкие солнечные дни в тени можно видеть снег. Окружающие горы по-февральски режут глаза белизной. И это в наших местах, где обычно к Первомаю начинают прорезываться почки на деревьях.

Вечером к рабочим автобусам выходим тепло одетые, большинство в телогрейках, а Прокопий Шалгинов даже в шапке.

— Ага, вот кто напугал весну! — говорю ему.

Проша улыбается в усики и объясняет:

— Холдно будет ночью. Снег будет.

Проша — хакас, высокий, стройный и заметный в шапке рабочей среде. В Хакасии живем, а самих хакасов, считай, с нами нет. По пальцам можно сосчитать: лаборантка Оля Капсаргина, ее муж Алексей (с ними мы работали еще в Дивногорске), шофер бетоновоза, да Шалгинов... Вот и все.

С новым годом работы в котловане расширяются просто по часам: на днях образовалась новая бригада плотников-бетонщиков. А это, если сказать военным языком, пехота стройки. Как ни копай бульдозерами, экскаваторами, дело до конца не доведешь, не окончишь, а придет плотник-бетонщик, подчистит, помоет скалу, уложит бетон — и это место геологи зачеркивают на своих картах: сделано. Поднимаются блоки на первых столбах знаменитой тридцать седьмой секции. Растет стенка у продольной перемычки.

В эти дни у нас, в бригаде Всеволода Ветошкина, каждый день готов новый блок — так требует предводковый график. А если идет богатый бетон, то не выдерживают вибраторы. От чрезмерной нагрузки они жужжат на двух фазах. Бежит звеньевой Василий Чеснок за Шалгиновым, за нашим дежурным электриком: «Выручай!».

Проша приходит со своей неизменной полевой сумкой через плечо. Спокойно и внимательно осматривает нашу работу. Тут кучами навален бетон, прорабатывать надо, а он — аж зло берет — проверяет и осматривает фишки соединений. Потом спрашивает:

— Вы одним кабелем бадью вибрируете?

— Вроде одним.

— Нет, вы и этим работали, — показывает на другой кабель. — Не делайте больше этого. Наплавляются щечки, и фишки горят. Так что один кабель держите для бадьи.

В это время я начинаю понимать его неспешную спокойность: это действия врача, который должен не только лечить, но и предупреждать болезнь. Чтобы работалось без срывов.

Стою на лесах, показываю крановщику, куда подавать бетон. Дует сильный и холодный ветер с верховьев. Летит снег, да такой, что порой вокруг ничего не видно. Поддувает под телогрейку. Мерзнет голова в каске. Шалгинов перебирает фишки на вибраторе, проверяет, как они работают, монтирует следующую. Не поднимая головы, посматривает на меня, дергает в усмешке черныш усик и спрашивает:

— Что, дать шапку погреться?

Рузыкулов

Звездная, холодная ночь. С Уралом Рузыкуловым принимаем на шатре бетон. Мой напарник сразу делит роли:

— Так. Ты маши (подавай, значит, крановщику вниз сигналы), а я буду с бадьей.

Урал сухощавый жилистый узбек. Неугомонный, шепотной, все делающий по-своему. И это «по-своему» частенько приносит ему неприятности. Многие из нас давно уже прошли через массу ошибок, выработали какие-то навыки. Поэтому столкновения во мнениях очень часто складываются не в его пользу. Впрочем, и Урал иногда бывает прав. В то же время меня удивляет, как он, при своем довольно темпераментном и вспыльчивом характере, быстро и близко сходит с людьми. Вроде насмерть переругается, спорит с пенной у рта, а через минуту, глядишь, смеется вместе с соперником. Друзья у него везде. Не пожелаешь и недругу идти с ним рядом по улице в морозный день, — закоченеешь, пока Урал со всеми встречными переговорит.

Мало кто на стройке не знает его. Может, не каждый скажет, кто такой Рузыкулов, но при имени Урал непременно разведет на лице широкую улыбку и скажет что-то вот такое, например:

«Ну как же: это ведь он тогда в свои ворота забил решающий гол!»

Сам он тоже больше пользуется именем, чем фамилией. Подойдет получать деньги к кассиру:

— Я — Урал!

— Вижу, вижу, — улыбнется кассир и спросит: — Все же табельный-то номер у тебя какой?

Раньше я частенько спрашивал себя, в чем сила Урала, что дает ему столько энергии. Неужели только южная кровь? Едва ли. Тогда что? После понял.

Как-то приезжий журналист поинтересовался, почему Рузыкулов оставил свою казахскую целину и приехал сюда, на стройку. Урал ответил, что здесь, на его взгляд, можно дать детям лучшее образование, здесь больше культуры. Журналист не поверил, да и Урал не настаивал на своих словах. После, когда все наше звено сидело за столом в бытовке, в нем будто что прорвалось. С присутствующим ему резкостью и прямотой спрашивал себя и отвечал: — Десять лет вот этими руками хлеб растил? Растил. Скотину кормил? Кормил, — он вытянул над столом свои узловатые, мускулистые и по локоть голые руки. — Мне и моим потомкам на сотни лет этого мяса и хлеба хватило бы.

— Ну и что теперь? — спрашивали у него.

— Что? Теперь я должен строить. Нет, не хлеб, который развалится на втором или третьем десятке лет, а такое, чтобы веками могли люди пользоваться и вспоминать меня.

— Вспомнят ли? Нас же тысячи, — возражали ему.

— Главное, я сам буду знать, что не в долгу перед людьми.

— Да что это тебе даст?

— Много мне это даст! Если я честен перед собой, то и люди поймут меня правильно. И запомнят.

— Ну, а построишь — дальше чем будешь заниматься? — допытывались любопытные.

— Строить.

— А потом?

— Э, а потом я уже пойду на пенсию. Буду ездить по стране, всем буду говорить, что ем свой хлеб, что везет меня и светит мне мое же электричество. Никому не буду должен — ни людям, ни государству.

Спокойно работать с ним нельзя. Уже на втором подъеме возмущается:

— Зачем так точно подводишь к бункерам? Если надо, подтяну, удержу: сил, что ли, нет? Время только теряю.

Или ему кажется, будто стропальщик чересчур медленно принимает машины. Тогда Урал свешивается через перила, кричит, подгоняет. Снизу оправдываются. Вдруг Урал предлагает:

— Засаекай на часах, за сколько цикл сделаю.

Быстро спускается вниз, ставит бадью, торопит шофера, чтобы не тянул, сигналист «подъем», а сам уже взбирается по лестнице. С шатра показывает крановщику, куда подводить груз, дергает за рычаг — бетон высыпается без задержек. Урал уже машет «вира» и по лестнице не сходит, а слетает на землю. Ставит бадью. Вот и все — полный цикл.

— За сколько? — спрашивает он, поднявшись ко мне.

— За две с половиной.

— Двадцать четыре машины в час, а! Это же почти... э... больше полтысячи кубов в смену можно принять!

— Но не всегда, как видишь, машины с бетоном есть.

— Э, все можно оправдать. Я же доказал!

И легко, победно сходит по лестнице под теплый шатер.

ШТРИХИ БОЛЬШОГО МИРА

Рисунки
А. Лебедева

**Анатолий
ПШЕНИЧНЫЙ**

Отец

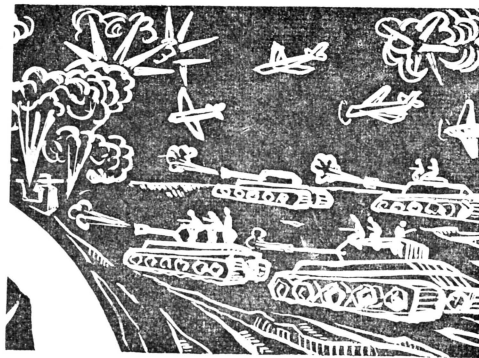
Когда опускались вечерние тени
И день за холмы уплывал на покой,
С братишкой сажал нас отец на колени
И ведал про битву под Курской дугой.
...Солдаты вставали по красной ракете,
Свинец по броне барабанил, как град.
И папка — такой, как на желтом портрете, —
Карабкался к доту со связкой гранат...
Он нам о себе не рассказывал много,
Зато поименно припомнить могли
Мы каждого друга его фронтового —
И тех, кто вернулись,
и тех, кто легли...
От майских салютов светлело в округе,
И, радости утром не пряча в глазах,
Мы шли и держались за папкины руки,
За крепкие руки в пустых рукавах.

**Эдуард
МОЛЧАНОВ**

Колея

*Посвящается изыскателям
Уралгипротранса,
разведчикам трассы Байкало-Амурской магистрали
в районе хребта Удокан.*

Большая белая дорога,
Ты связана в моей судьбе
С какой-то смутной тревогой
В лесной заброшенной избе.
Следы полярной куропатки
Да наледи кипящих рек...
Через таежные распадки
Прошел не снежный человек.
Там куржаком садился иней,
Бродили миражи окрест.
Пронзителен в ночной пустыне
Сиянья северного всплеск.
И на последнем перевале,
Бывало, нас встречал якут,
Когда лавины погребали
Дорогу, что пробита тут.
О, эта белая дорога...
По ней сквозь взгорья и туман,
Как на поклон святым порогам,
Мы пробирались в Удокан.
Валились в зимницах на нары
И молча грелись у огня...
Сквозь сотни верст
день ото дня
Змеится колея до Чары.
По ней прошли, кляня невзгоды,
Как прежде на подъем легки,
Ребята нашенской породы —
Уральцы и сибиряки.
Нас метой метила особой
Сама хозяйка медных гор.
Кто выдержал ее отбор,
Достоин лучшей рудной пробы.
Крещенные кромешной далью
И яростью метельных пут,
О доме мало тосковали, —
Мы думали о магистрали
И о гудках, что нас зовут.

**Тимофей
БЕЛОЗЕРОВ**

Лось

Когда весной в поток бурлящий
Сольются талые снега,
Могучий лось в лесные чащи
Уходит сбрасывать рога.
И, словно воин безоружный,
Домой шагающий с войны,
Он верит в мир большой
и дружный,
Объятый радостью
Весны.

**Николай
ГОДИНА**

Работа

На словах она полегче.
На словах она попроще.
Стынут руки, ноют плечи,
Тянет сыростью от рощи.
Но тайга дается слабо.
И скала берется туго.
Над карьером вместо лампы
Свет луны в две трети круга.
Так вчера, сегодня, завтра...
Экскаватор сбоку ходит.
На каково-то там ...завтра
В темноте слегка походит.
Пыль колышется, как пена,
Невесомая такая.

Привыкаю постепенно,
Трудно, будто отвыкаю.
Оторвавшись от металла,
Шелестя бушлатом старым,
Я домой иду устало,
Притворившись неусталым.
В небе тысяча пробоин.
Веселею, безмятежен,
Светом внешним успокоен,
Миром внутренним утешен.

Все цветики перепеты,
Все звездочки — до одной...
Заигрывают поэты
С рабочим у проходной.
Фуражка венчает темя,
Играют слова, как жесть.
Не то, чтобы модная тема,
Но что-то, похоже, есть.
Эпитет вечный мусоля,
Подштопывая сонет,
Поэты славят мозоли,
Которых уже и нет.
Берут сибирские вехи
Залетные соловьи,
В редакции, а не в цехи
Поэмы несут свои.
Пестрят мазутные пятна
Рисунками между фраз.
И хочется крикнуть: «Ребята,
Вчера б это в самый раз!»
Сегодня ж необходимо
Признаться, что не всегда
Мы видели из-за дыма
Поселки и города.
Стихи патетики трубной
И грохота до небес —
Штрихи истории трудной,
Давнишние, как ликбез.

**Илья
ЕЛИН**

Звуки

И вдруг —
Во всю лягушью мочы!
Хоть и вразброд —
Заквакали,
Усердно вписывая в ночь
Вокальные каракули.

А там,
В мерцанье лунных скал,
Скобля уснувший воздух,
В степи затерянный
Шакал
Начнет скулить на звезды.

Потом все стихнет —
Квак
и стон.
Примолкнут люди,
Звери.
Но — снова звук:
Стучится в сон
Бессонная артерия!

И, тишины взломив печать,
Спугнув безмолвье с места,
На все лады
Пойдет звучать
Всея зверей оркестр!

Трудись,
Горластая семья!
Ревя
Светло и дружно!
И квак,
И пенья соловья,
Все это — жизнь,
Все нужно!

Председатель президиума Уральского научного центра Академии наук СССР академик С. В. Вонсовский назвал главные задачи, которые решает центр науки на Урале. Первое — фундаментальные исследования. Вторая задача — связь с практикой. Третья задача центра — координация действий всех научных учреждений уральского региона. Кроме своих двенадцати институтов и отделов центр направляет исследования, которые ведут ученые в сорока вузах и почти в двухстах НИИ. Как определить профиль, специализацию всего УНЦ? Это не просто. Профиль Урала отражается, как и должно быть, в работе уральских институтов. Ученые УНЦ тесно сотрудничают с металлургами, с горняками, с машиностроителями, чей труд славит Урал.

Чемпион мира среди магнитов

О том, что из себя представляют постоянные магниты, знают школьники, начинающие изучать физику. Но немногим известно: сила магнитов зависит от материала, из которого они сделаны.

Над созданием новых материалов для магнитов работают ученые лаборатории ферромагнетизма Института физики металлов Уральского научного центра Академии наук СССР. Здесь получены сплавы, дающие магнитную «силу» до 26 миллионов гаусс на эрстед. Такой магнит может удерживать или отталкивать тело, вес которого больше его в полторы-две тысячи раз. В лаборатории под руководством члена-корреспондента Академии наук СССР Я. Шура изучены также особенности магнетизма монокристаллов и впервые в мире получены постоянные магниты с рекордной энергией — 32 миллиона гаусс на эрстед.

Кроме жестких магнитных материалов, в институте создаются магнито-стрикционные, то есть изменяющие размер тела в магнитном поле. На основе этих материалов работают, например, приборы-преобразователи для обнаружения косяков рыбы в океане, для промеров глубин.

Чудо купания

Износостойкие детали многих аппаратов и приборов делают на основе редких элементов — ниобия, молибдена.

Открыт другой способ упрочнения металла — в горячей купели. Чтобы покрыть сталь защитной пленкой из бора, ее погружают в расплавленные соли. Это называется борированием. Одеты в такие тонкие, но крепкие доспехи трубы слу-

жат надежнее. Но не только металлом можно защитить металл (сталь титановой пленкой), новый способ позволяет покрыть металлом фарфор и керамику.

Это — работа специалистов лаборатории электрохимии сплавов Института электрохимии Уральского научного центра, которой руководит доктор химических наук, профессор Н. Г. Илющенко.

Озеро чистят комары

В одной из одиннадцати лабораторий Института экологии УНЦ в лаборатории биоэнергетики проведено оригинальное исследование северных комаров, за которое биологи Н. Николаева и Л. Некрасова удостоены звания лауреатов научно-технического творчества молодых ученых на ВДНХ. Они экспериментально доказали, что личинки комаров, питаясь водной ветошью, предохраняют тундровые озера от загрязнения.

На снимке: старший лаборант популяционной экологии позвоночных Института экологии Уральского научного центра Л. Яшкова обследует амурских полозов. Рептилии интересуют ученых тем, что они растут не какой-то определенный период времени, а всю свою жизнь.

Луч исцеляющий

Впервые в стране на Свердловском заводе электроmedizinской аппаратуры выпущена для экспериментальной медицины опытно-промышленная партия противораковых лазерных установок «Импульс».

Операция, в которой применяется вместо скальпеля световой луч, длится доли секунды, безболезненно и легко переносится больными. Методику именно такого хирургического лечения рака и опухолевидных заболеваний кожи и помогут разработать и внедрить в клиниках и больницах свердловские лазеры.

В анабиозе клетки

В Свердловском научно-исследовательском институте вирусных инфекций создан банк-музей клеточных культур. Здесь сохраняются долгое время клетки в замороженном состоянии.

Когда живая ткань помещается при температуре жидкого азота минус двести градусов, она как бы погружается в глубокий сон. Однако, если просто опустить клетки в сосуд Дьюара, в котором, как в термосе, хранится жидкий азот, то они погибнут. Их, словно острые ножи, искромсают кристаллики воды, обращенной в лед. Поэтому охлаждение производится постепенно. Кроме того, охлаждаемые клетки помещаются в раствор глицерина, который заменяет в клетке воду, и размораживание через полгода-год дает свыше девяноста процентов клеток, сохранивших свои былые свойства.

Так вирусологи экономят свое рабочее время, стерильную посуду, питательные среды. А самое главное — могут неоднократно повторять свои опыты на одних и тех же клетках.

Добыча из шлака

В каждой тонне металлургического шлака «консервируется» полтора килограмма никеля, двести граммов ценнейшего кобальта и полтора килограмма железа. Извлечь эти ценности из шлака металлургам до сих пор не удавалось.

Бросовый шлак, содержащий нужные элементы, перестает быть неприступной вещью в себе. Реши-

ли эту проблему ученые лаборатории пирометаллургии цветных металлов Института металлургии.

На Режевском никелевом заводе построена установка, добывающая из шлака никель, кобальт и железо. Экономический эффект от «вмешательства» ученых в практическую металлургию — полмиллиона рублей в год.

Смена вольфраму

Самый надежный резец — из вольфрама. Он тверд и не боится высоких температур. Но вольфрам ныне все труднее добывать, его мало в недрах. Металлурги и химики поэтому давно пытаются создать твердые сплавы, которые бы не содержали дефицитного вольфрама и были надежны в металлообработке.

Вещество, не уступающее по износостойкости вольфрамовому твердому сплаву, синтезировано в лаборатории тугоплавких соединений Института химии Уральского научного центра. А на Кировградском заводе твердых сплавов изготавливаются пластинки для режущего инструмента. Они и дешевле, и легче в два раза.

Сплав, полученный химиками, заменяет ранее незаменимый вольфрам.

Сила быстрых нейтронов

...Надеваем шелковые белые халаты, колпаки, тапочки. Хотя реактор, куда мы идем, еще не действует, таков здесь порядок. Даже при монтаже оборудования в залах должна быть стерильная чистота. Атомная электростанция!

Пока по лабиринту переходов и лестниц добираемся до реакторного зала, наш проводник, один из инженеров-атомщиков, рассказывает «немного из истории и статистики»:

— Экспериментальные и исследовательские энергоблоки на быстрых нейтронах уже существуют. Во Франции это «Феникс», мощностью 250 мегаватт. В Англии есть блок такого же типа. Но подобного нашему в мире нет...

Это — новое слово в атомной энергетике, оно вновь за уральскими атомщиками, — энергоблок с реактором на быстрых нейтронах самой большой мощности в мире — 600 мегаватт.

Внешне реактор не производит впечатления чего-то громадного. По высоте и диаметру он на четыре метра побольше уран-графитового. Но начинка! Свыше четырех тысяч тонн оборудования вмещает этот «укротитель урана». Так непросто путь превращения ядерного изотопа в электричество.

Этот путь ищут ученые-атомщики многих стран. Большой интерес у зарубежных специалистов к Белоярской АЭС, к ее уникальному блоку-гиганту на быстрых нейтронах.

«Ваши достижения в области ядерного перегрева привлекают пристальное внимание ученых мира». (Грэй, председатель национального комитета по атомной энергетике, Канада). «То, что мы видели и слышали, будет способствовать развитию атомной энергетики в Корее». (Тен Ги Дек, заместитель председателя Госкомитета по атомной энергии, КНДР). «Члены делегации были

восхищены высоким уровнем безопасности реактора и квалификации персонала. Ваш опыт будет интересен и полезен для мирного использования атомной энергии». (Пени Вильям, председатель управления по атомной энергии, Англия).

— На атомных станциях с уран-графитовыми реакторами, как известно, используется урановый изотоп 235, — рассказывает директор БАЭС Вадим Михайлович Малышев. — Но его запасы в природе невелики. Реакторы на быстрых нейтронах переводят второй изотоп, уран-238, запасы которого практически неисчислимы, в плутоний. А плутоний сам является делящимся топливом. Таким образом, в быстром реакторе происходит частичное воспроизводство ядерного топлива. Так снимается с повестки дня проблема топлива для атомных электростанций.

В Заречный, на БАЭС, приезжают специалисты из многих стран. Здесь стажировются атомщики из Чехословакии, Болгарии, ГДР. Здесь уже дважды проходили заседания секции постоянной комиссии по электроэнергии стран-участниц Совета Экономической Взаимопомощи.

Укращение урана идет по всем направлениям. Самый эффективный способ получения электричества в то же время является и самым опасным для природы. Поэтому забота об охране окружающей среды, забота об охране труда на АЭС — главное для всех, кто к ней причастен. В этом смысле Белоярская атомная тоже — можно так сказать — «не имеет прецедентов». У тех, кто бывает в Заречном, остается впечатление, что он был где-нибудь в санаторном уголке. Поселок весь в зелени. В Белоярском водохранилище не переводится рыба. Вокруг — базы отдыха, пионерские лагеря.

Словом, следов урана нет никаких. Контроль за радиацией на станциях ведут чуткие приборы. Человек повелевает ураном.

Новь горы Качканар

Хоть и велики запасы железных руд на Урале, но металлургическим заводам не хватает уральского сырья. Руду везут из Казахстана и центральных районов — ежегодно миллионы тонн.

Чтобы не возить руду издалека, и решено увеличить мощность действующих фабрик Качканарского горно-обогатительного комбината и построить на базе титано-магнетитовых руд Качканарского месторождения новый комбинат, который станет перерабатывать сорок пять миллионов тонн руды в год.

Технический проект огромного комбината, названного Среднеуральским, готовили добрый десяток институтов Уральского научного центра и нескольких министерств. Проект получил высокую оценку крупных специалистов страны. Гору Качканар будут разрабатывать скальные экскаваторы. Дробилки руды располагаются прямо в карьере. Затем куски руды с помощью ленточных конвейеров доставляются на обогатительную фабрику, которая находится на триста метров ниже самого карьера, а значит, подача руды потребует минимум электроэнергии. В проекте остроумно решена технология обогащения. Глыбы руды, кувыркаясь во вращающейся мельнице, измельчаются. И в мельницу не надо загружать специальные мелющие тела, как это обычно делается.

Мощное оборудование для нового комбината на Качканаре уже проектируется на отечественных машиностроительных заводах. Например, обжиговые машины. Они самые крупные в мире. На комбинате-гиганте, начиненном могучей и сложной техникой, по проекту предусмотрены автоматизированные системы управления с использованием ЭВМ.

Проект Среднеуральского обогатительного комбината выполнен на самом высоком уровне. Он позволит поднять производительность труда в два раза. А продукцию его ждут металлурги всей страны.

Роса в технике

От дождя и снега трансформатор укрывают в защитный корпус. Но как уберечься от всепроникающей росы и инея, которые появляются на электрических устройствах наружной установки при суточных перепадах температуры? Ведь роса и иней портят изоляцию еще быстрее, чем дождь. А пробой изоляции — это одна из главных причин аварий электрических машин.

В научно-исследовательском институте объединения «Уралэлектротяжмаш» создана изоляция: она долговечна, не боится разрушающего действия росы. Новый материал может быть использован для выпуска трансформаторов, работающих под открытым небом.

На грани фантастики

**Юрий
ЛИПАТНИКОВ**

«Сказания научных фантастов продолжают нынче журналистами-регистраторами земных свершений». Это слова блестящего пропагандиста науки, недавно умершего писателя В. Орлова. У него же есть и другие строки, в них он со свойственной ему яркостью также высказал свое восхищение современной наукой: «От космических кораблей прилетают сведения, в жгучем свете которых трещат и коробятся переплеты фантастических романов».

Давайте вспомним о последних достижениях ученых, сделаем небольшое обозрение передовой науки, что на грани фантастики. Оставим в стороне телепатию, не будем касаться парапсихологии, телекинеза, левитации, а также опытов с «думающими» растениями. Начнем с исследований мозга. Впервые в истории человечества мозг научно познает себя. Тут многое фантастично. Например, всеисилие нейрона, нервной клетки, которая, имеют основания предположить кибернетики, посложнее компьютера новейшей марки. Каждый нейрон снабжен пятью тысячами контактов и, к тому же, способен изменять свое состояние в пяти разных направлениях, то есть у него есть пять степеней свободы. Нейронов в мозгу до пятнадцати миллиардов. Пятнадцать миллиардов сверхклассных ЭВМ! И они связаны между собой не удобной для наблюдения цепочкой, как уличные фонари, а сплелись в джунгли. Когда математики обсчитали эти джунгли, эти связи нейронов, у них набралось столько цифр, что они разместились на ленте, выданной компьютером, длиной около десяти километров. Наука начинается там, где можно считать, и психические явления, мозг тоже взяты на математический анализ...

Американский ученый, лауреат Нобелевской премии Джон Экклс сказал однажды несколько ворчливо о нынешней науке: «...девяносто процентов публикаций не годится для построения большой теории». Это скорее всего характеризует не всю науку, а нейрофизиологию. Уж очень у нее трудный объект исследования — под номером первым. И вопросы к мозгу — это нарастающая лавина. Создана даже международная программа научного сотрудничества социалистических стран в исследовании мозга. Человечество пристально вглядывается в человека. А ответы? Они редки на пути лавины вопросов, прицельно бьющих в загадки мозга.

Когда-нибудь все-таки пронзим буром или мощным лазерным лучом мантию Земли и ухватим сокрытые в глубинах недр сокровища, но и это величайшее достижение нельзя будет сравнить с ожидаемым высвобождением резервов человеческого гения, с использованием хотя бы толики гигантских резервов мозга. Вот почему, найдя безопасные способы, погружают и погружают «буры», электроды в мозг сотни экспериментаторов. Они хотят сквозь мантию сознания ощутить и понять трепет подсознания. Ведь даже гении не используют и миллиардной доли возможностей своего ума. Отчего природа скупится? Почему лишь мизерная доля мозга в действии? Пусть эта цифра — миллиардная доля — «среднепотолочная», как ее назвала Н. П. Бехтерева, директор института экспериментальной медицины, но и уточненная в сторону увеличения она будет производить не меньшее впечатление.

Есть фантастические идеи — дерзновенные мысли ученых. Есть фантастические идеи — ошибки ис-

следователей, даже курьезы. Леонардо да Винчи умещал понятия восприятия, воображения и памяти в три «желудочка», притаившихся в мозгу. Француз Флуранс считал мозг однородной массой. Новая наука опрокинула его прямолинейную гипотезу. В наш век быстрее рассеивается туман заблуждений. Его разгоняет оперативная научная информация. Сведения о фантастической сложности нейрона подтверждены учеными всей планеты. Уходит время, когда ученые лишь объясняли несовершенство мозга, наступает век совершенствования его. И, наверно, не субстрат памяти, не синтезированное «вещество памяти», не таблетки, кои ускорят учебу, помогут мозгу стать всепонимающим, а включение его резервной мощи.

Биология... Она бурлит, фонтанирует новостями, свежие идеи изливаются не только на страницах научных, но и массовых изданий. Биология явно выходит в лидеры.

Синтезирован участок гена глобина голубя. Перспектива — синтез всего гена, управление наследственностью. Френсис Бэкон (17 век) в книге «Новая Атлантида» мечтал о фантастической мощи науки. Его мечта сбывается. Вот голос нашего современника, президента Академии медицинских наук В. Тимакова: «Наука вплотную подошла к созданию искусственным путем объектов живой природы». Это значит, из колбы вначале выйдет рать полезных микробов, а затем и существа посложнее...

Академик Б. Астауров разработал принципы управления полом потомства и продемонстрировал их на шелковичном черве. Самцы дают больше шелка — давайте вызовем к жизни сплошь мужское население червей. Нетрудно представить выгоды управления полом потомства у крупных животных.

Листаем реестр открытий, реестр смелых идей. Еще одно открытие в области биологии. Оно зарегистрировано под № 122. Новосибирские ученые открыли поразительное явление... Проведя пять тысяч экспериментов, они убедились, что нет, ошибки никакой нет — живые клетки «общаются» на расстоя-

нии. Экспериментаторы выращивали в двух сосудах культуры нормальных клеток. Потом в одном сосуде клетки заражали вирусом. И — чудо: почти одновременно клетки в другом сосуде воспроизводили патологический процесс, заболели.равили клетки сулемой — в соседнем сосуде их собратья погибали. Смертельно облучали клетки ультрафиолетовыми лучами — поражение передавалось в другую колбу. И ученые объяснили эту загадку: между клетками двух культур существует электромагнитное взаимодействие...

Факт науки толкает к фантазиям: врач будущего сможет по радио управлять здоровьем своих пациентов, да так, что они и знать об этом ничего не будут. Зачем обременять людей, особенно мнительных, частыми мыслями о недомоганиях?

А вот еще одно из направлений медицины.

Раньше срока можно постареть и из-за нерационального питания, когда организм начнет испытывать биохимическую усталость от накопленных «шлаков». Институт питания Академии медицинских наук тоже ищет резервы долголетия и активной старости. Он уж «выпек» обогащенный хлеб, получил крупную повышенную биологическую активность. Но главное в поиске медиков — открытие небывалых источников питания. Микробы не только возбуждители болезни, они и энергичные производители белка. Одноклеточные — это природные концентраты белковых соединений. Питаются несъедобными для человека вещами, а сами съедобны. Так берут белок от микробов, живущих на углеводородах нефти. Так человек пасет невидимые стада микроорганизмов. Это пока пища для животных, и в конечном счете — сочный бифштекс.

Лес рубят — щепки летят. А затем эти щепки, как правило, либо сжигают, отапливая Галактику, либо они, бесхозные, сгнивают. А щепки — лакомый корм для микробов, продуцентов белка.

Придет время и хозяйка Наука накроет необычный стол. На нем явится и пища, приготовленная микробами. А вмешательство в биологический круговорот веществ на Земле, усовершенствование фото-

синтеза (творца растений) позволит увеличить продуктивность сельскохозяйственных растений в несколько раз. Поэтому стол наших потомков будет благоухать свежеспеченным хлебом и прочим всем, чем был жив человек испокон веков. Стол потомков будет богат круглый год, и в любом климатическом поясе. Уже теперь ученые умеют электрическим полем уничтожать на фруктах и мясе гнилостные бактерии. По два года лежали яблоки в лаборатории — гниение не коснулось их.

А вот и такое предугадывание будущего... Представьте: после долгого путешествия вернулись космонавты на Землю, увидели дорогих землян и неприятно поразились — облик их изменился почти до неузнаваемости. Привиделась эта фантастическая картина вот почему. Загрязнение среды, химическими средствами борьбы с вредителями растений, наркотики, стрессы оказывают сейчас на нас мутагенное действие. Ученых тревожит, что всепланетный шабаш вредных веществ в воздухе и в воде, вызванный технической цивилизацией, может необратимо изменить гены человека. Насколько эта проблема серьезна? В наиболее загрязненной стране мира Америке генетики основали специальное общество, чтобы сообща быстрее выяснить одно-единственное — силу агрессии химических веществ на человеческого организм.

Много удивительного создает современный человек и гордится познанным. Но не забывать бы нам ни на один миг о скромности перед величием непознанного. Худо недооценивать прогресс, но и плохо отдаваться ему безоглядно. Такие мысли вызывает у специалистов реальность неуправляемой реакции генов на загрязнение среды. Оптимистический взгляд на будущее рождает энергичные действия нашего государства по предотвращению порчи природы.

КОПРЫ НАД ЛЕСОМ

**Анатолий
ТУМБАСОВ**

*Рисунки
автора*

Стремительный «Метеор» будто летит над волнами безбрежного Камского моря. Давно ли здесь была река всего метров в шестьдесят. Так что, когда надо было плот пропустить, приходилось бакены оттаскивать.

Разговорился я однажды в Слудке с Александром Сергеевичем Себрениниковым. Он прослужил бакенщиком здесь три десятка лет.

— Только в войну отвлекался с Камы, а в сорок третьем, когда ранило, вернулся домой. Еще раны не зажили — пришлось взяться за весла: мужиков-то не хватало, а бакенить дело не женское. Ветер, волна — лодку так и хропает, а сигналы жечь надо, плоты пропускать тоже. Раза четыре-пять оттащишь бакены днем, да ночью два-три плота пройдет, оно и выходит: круглые сутки на веслах.

Теперь село Слудка оказалось на берегу водохранилища. Волны плещутся под высоким красным мысом и подмывают его. Новые берега, или ложе Камского моря, все еще срабатываются, волны порой в ярости нахлестывают, обрушивая пласты, или слабо накатывают, будто ласкаясь. Вместе с пластами сползают деревья. Вначале они, ухватившись корнями, клонятся, цепляются за жизнь, но все-таки падают в воду. Так будет до тех пор, пока не сработаются берега — молодое море в вечном движении, в работе.

А в доисторические времена, как установлено геологическими исследованиями, здесь разливалось древнее Пермское море. Из него выпадали, оседая на дно, соли, образовавшие пласт толщиной в несколько сотен метров.

«Метеор» мчал нас в Березники. Позади осталась пристань и село Слудка.

Остановки в Чермозе и Пожве. Здесь стояли старинные железодельные заводы, но их, заводы, потеснило Камское море, не существуют они ныне.

Пристань Орел, или Орел-городок — родовое гнездо камских капитанов, лоцманов, баржестроителей. Здесь снаряжали дружину Ермака на покорение Сибири.

А вот бывшая строгановская вотчина — Усолье. Приближаются

каменные палаты Строгановых и высокая колокольня, гордо вознесшая луковичную главку над Камой. А с другого берега панорама березниковских заводов, гудом гудящих вдоль Камы.

Старое — напротив нового. Время противопоставило их друг другу, и архитектурные творения предков признаны народом, как памятники истории. А заводы и город Березники утверждены на Каме героями первых пятилеток!

На выезде из Березников дорога круто уходит вниз. Машины отсюда берут разгон и мчатся попережку — самосвалы, бетоновозы, легковые, автотягачи, степенные автобусы, вертялые «газики», спецмашины всевозможных назначений, грузовики... Автострада, как пульсирующая артерия, день и ночь связывает город с новыми калийными комбинатами.

В 1964 году зарождался второй, а в 1974 году полностью вступил в строй действующих — третий. В одно десятилетие два мощных комбината!

Рабочая автострада уже давно вместила в грузовой поток троллейбусы. Контактная линия бежит над бетонкой до Второго калийного и обратно. Теперь не надо поднимать руку перед лобастыми МАЗами и КРАЗами, лишь негласно принято: поднял три пальца — значит, на третий!

С высокого сиденья КРАЗа увидишь больше, чем в боковое окно троллейбуса. Широкая автострада свистящим ветром несет в лобовое стекло. Мелькают, сливаясь в зеленую панель, пихты и ели, остаются позади троллейбусы, теряя минуты на остановках. Бегущей лентой автострада разматывается — спуск, подъем, уклон — и с размаху взлетает на перекидной мост. Под него ныряет электровоз, протаскивая длинный состав, как нитку в бетонное ушко. А машины, не сбавляя скорости на скрещении путей, мчатся по ветру.

...Вспомнилась мне дорога-временка, когда зимой я впервые ехал на строительство Второго калийного. Грузовик подпрыгивал на ухабах, пустое ведро громыхало, катаясь по

Хамза Кадыров

Владимир Пегушин

Валентин Клешев

кузову. А потом мы долго стояли на переезде, пропуская товарняк и встречный пассажирский поезд.

Ноги мерзли, колонны машин с той и другой стороны линии прибывали, но хозяйка переезда, вооруженная флажками, не открывала шлагбаум.

— Открой, милая! — кричали шоферы. Но милая не спешила...

Тогда на строительной площадке монтировали проходочные копры, стояли буровые, разукрашенные плакатами и панно.

А в другой приезд меня восхитил новый копер шахты. Прямо на наших глазах ажурная ферма поднялась на десяток метров — монтажники устанавливали пятую секцию. Кран, поднявший эту многотонную конструкцию на отметку «42», буквально вытянулся в струнку.

Новый действующий копер, под крышей-козырьком которого вертелись, как наперегонки, колеса, пригляшал, казалось, спуститься в шахту.

— В шахту не пустим, не можем, — наотрез отказал инженер. — Надо дело делать: порода выдавать, технику спускать, а не экскурсии водить.

Он все больше накалялся, и если бы не доводы, что необходимо познакомиться с хорошим парнем — передовиком, не уступил бы.

Разговор принял другой оборот, вспомнили бригаду Кадырова. Хамза Кадыров собирал комбайны под землей, осваивал новую технику.

Спуск разрешили в смену Кадырова, на пять вечера.

Нас дожидался шупленький, небольшого роста шахтер. «Не иначе провожатый», — подумал я. Но это и был Кадыров. Он поздоровался, нажал кнопку, и дверь из стальных прутьев свободно откатилась. Мы шагнули к стволу шахты. Здесь хозяйка ствола, лицо которой под глу-

бокой каской трудно было разглядеть, открыла еще одну дверь — это означало приглашение в клеть.

Мы вошли в нее, и, пока клеть не тронулась, под стальным днищем и под ногами ощущалась до мурашек в спине четырехсотметровая глубина — бездна!

О шахте я уже имел кое-какое представление — спускался на Первом калийном. Самом первом, заложеном в трех километрах от Березников на реке Зырянке, близ деревни Зырянки. Теперь это городская черта.

Клеть погромыхивала. Из глубины тянуло встречным сквозящим потоком — приближалось полное таинственности соленое нутро шахты.

Дно шахты — это улицы-штреки, в перспективе которых таится вечный мрак и мерцают лампочки. Рудничный двор, мастерские — большое и сложное подземное хозяйство со всеми удобствами и неудобствами. На старом калийном электровозы, вагонетки с породой, пассажирские вагончики. На новых комбинатах подземная железная дорога отсутствует, бегают самоходные подземные машины и автопогрузчики.

Мы с Кадыровым ехали на участок на каком-то «пикапе», юрком и скором. Шофер уверенно мчал нас по темным улицам-забоям. Потом мы шли пешком. Я освещивал на стенке забоя, смотрел разноцветные голубовато-синие, красные, белесые и даже черные орнаменты.

Но орнаментальный рисунок пласта на Втором калийном мне показался беднее, чем, помнится, был на Первом. И я сказал об этом Кадырову. Он возразил:

— Богаче!

А я, придирчиво разглядывая глазами художника, сомневался. Но потом выяснилось, что Хамза расценивал все как добытчик.

— Здешний пласт содержит до

сорока процентов калийных солей, а на старом — двадцать — двадцать пять, — сказал он.

Наконец мы пришли на место. Вспыхнул прожектор, через некоторое время ожил комбайн — смена началась. Скоро все, кто находился в забое, сделались блондинами — соленая пыль оседала на брови, на ресницы. И смуглый Кадыров сделался, как мельник, только черные глаза угольками горели из-под каски.

А комбайн, словно крот, медленно углублялся в толщу камских солей, проделывая почти круглую нору...

Воспоминания пронеслись быстро, пока я ехал в кабине КРАЗа, из которой, наконец, увидел копры с флагами над лесом, дымки, как облачка, всплывающие над фабричными корпусами — Второй калийный давно в действии! От него дорога поворачивает вправо, на Третий комбинат. Мелькают все так же пихты и ели, но почти уже сплошной зеленой панелью по обе стороны бетонки.

Панорама Третьего Березниковского калийного открывается сразу и во всю ширь. Она обрамлена лесами и подчеркнута сиреневыми всплесками кипрея. Пышные медвяные султаны заполнили кюветы, качаются у дороги, клонятся вслед бегущим машинам. Техника и люди спешат на большую стройку. Третий калийный комбинат будет производительнее Второго. Растет техника, растет опыт, нет предела размаху и нет конца совершенству.

Пять лет назад возникли здесь приземистые, неказистые с виду проходочные копры. А на их месте уже встали высокие и стройные капиталь-

Владимир Пешков

Валерий Салтыков

*Николай Васильевич
Данильченко*

ные копры, словно точенные мастером-ювелиром. Разгоряченный КРАЗ с разбегу на подъем въехал на территорию комбината.

Ажурный корпус флотационной фабрики перегородил дорогу, сверкая и отблескивая сварочными огнями. Циркульными полукругами, секция к секции, монтировались арочные солесклады, соединенные горизонтальными, наклонными переходами и транспортными галереями. И над всем — там и тут, — скрестив стрелы, как шпаги, возвышаются краны. Живой картиной открылся передо мной индустриальный пейзаж.

А потом уже я разглядел сиротливо приютившийся сбоку проходочный копер — один из тех, какие стояли здесь пять лет назад.

Пять лет шахтеры-проходчики, начиная с верхнего пласта, метр за метром глубились в подземные толщи солей. И считанных метров пройденно пятьсот с лишним (по сто метров в год). Удивительно, что этот нелегкий труд определен как бы мимолетным, легковесным словом — проходить. Пройти ствол шахты. Труд проходчиков опасен. Вопреки наземным правилам всех строителей: «Не стоять под грузом», над проходчиками висит бадья. Грузы, можно сказать, опускаются на голову. Четкость и внимание — главное. Ничто не должно упасть вниз — вот основное правило шахтеров-проходчиков.

Последний, оставшийся проходочный копер не сверкал новизной и свежестью. К нему подведены трубы, шланги, проводка, питающие водой, воздухом, электроэнергией — всем, что необходимо шахтерам. И немудрое вокруг проходческое хозяйство, вовсе примитивное — бадьи, густо обросшие, словно внамороз, просоленной глиной. Массивные дужки, свернутые набор, порыжели от ржавчины. Ограбаталась? Нет, проходка еще не закончена.

На копре с первых дней работает бригада Евгения Федоровича Показеева. Четыре звена — четыре смены: проходка ведется круглые сутки.

Из шахты просигналили: молоток стукнул — раз, два, три, четыре и еще два раза — выезжают люди. Выезжает звено Валентина Клешева.

Многожильный стальной канат бежит из шахты минутой, две, три... Дежурный рукоятчик у ствола нажимает кнопку — открываются железные створки западни — ляды, как называют ее шахтеры. Еще минутой, и еще сколько-то бежит канат, пока на замедленном ходу не показались узлы крепления, каретка, зонтик, крюк, — бадья! Шахтеры сощурились, жадно дохнули свежую струю ветра. Несколько секунд они стоят в бадье чеканно — спиной к спине. Ляды закрыли таинственную преисподнюю, и бадья опускается на железные створки. Стекает вода, шахтеры выпрыгивают из бадьи, смеются:

— Моросит, мочит, льет, поливает...

Соляной дождичек в шахте. На лицах высохли капельки, и от этого у всех непривычно белые соленые веснушки.

— Погодка! — радуются проходчики солнышку. — За кедровыми шишками надо бы съездить...

Павел Рудаков, Михаил Бастанов, Николай Вахмин, Владимир Пешков, Валерий Салтыков — молодые ребята из звена Клешева. Салтыкову, по поводу которого шутят, что он Щедрин, недостает бороды, а главным образом — строгого взгляда сатирика. Однако как бы ни были они молоды, но вместе с ветеранами Костюшкиным, Селиверстовым, Яковлевым, Струнным проходили стволы шахт и на Втором калийном. Собираются они и на Четвертый.

— И этот еще не последний! Неисчерпаемы запасы прикамского калия, — говорят шахтеры.

— Работы на наш век хватит.

Сдружился я с звеном Клешева, которого шахтеры меж собой называли Валетом. На выдумки, на прозвища, на шутки все они горазды. Как-то раскрыл я большой альбом: надо, мол, нарисовать голову во весь лист.

— Не волнуйтесь, подберем мозговитее, — тут же сострил кто-то.

А однажды корреспондент хотел сфотографировать проходчиков в бадье. И тут они нашлись:

— У нас есть хороший проходчик, но его из бадьи не видно.

Сосредоточенный, всегда молчаливый начальник участка Николай Васильевич Данильченко могуч. Голова его словно срослась с плечами, поворачивается он всем туловищем, смотрит чуть исподлобья.

Проходчики в шутку сказали мне:

— Когда будешь рисовать Данильченко, мы всем звеном его минуты три подержим, больше нам не выдержать.

А на мои предложения уделить время художнику Данильченко отвечал коротко:

— Некогда!

Наконец, однажды сказал:

— Ну, можно...

Вместе с клешевским звеном я приезжал на смену, рисовал перед спуском в шахту. Ждал, когда они выедут. Вот они: в блестящих мокрых касках и куртках, ослепленные дневным светом, строгие, всегда слитно и чеканно стоящие по грудь в бадье.

Это захватывало меня. Я стоял наизготовку с карандашом и альбомом в руках, чтобы схватить момент. Но это был миг восторга, миг, который можно было зафиксировать лишь в памяти.

**Юрий Михайлович
Никифоров**

Валерий Кладов

Нина Баданина

Проходчики, видно, загадывали: буду ли я их встречать? И, как выежжались, раздавался возглас:

— Здесь!

Потом они сочувственно говорили:

— Опять не успел нарисовать?— и тут же успокаивали меня: — Завтра повторим.

Разноцветные конторки и бытовки стоят рядами — их много. Из одной бытовки выглянула девушка и, разжав ладонь, выпустила бабочку.

— Вот молодчина! — заметил кто-то.

И девушка скрылась, застенявшись своей сентиментальности.

А природа, потесненная и отодвинутая бульдозерами, словно обжевав кругом, где-нибудь да пробрызнет молодыми осинками, стройной березкой, либо елочкой прямо в гущу строительной площадки.

Поспела малина. Строители после работы заходят в лес, и нередко в автобусе можно увидеть кого-нибудь с бидончиком душистых ягод.

Небо в голубых просветах. Из серых ключевых вылепились пухлые облака. Ветер сгоняет их вместе — и вот уже синее туча. Тогда, на фоне ее, молнии сварки ослепительно дерзки. Хлесткий перепадок дождя, и над арочной крышей солесклада появилась радуга. Над аркой — арка!

— Посмотрите! Какая картина! — кричат девчата, опрессовщицы теплотрассы.

Новые капитальные копры высоко над лесом. Но выше копров поднимаются в свободном полете стрижи и ласточки — небо обещает ясную погоду.

Огромное нутро флотационной фабрики пульсирует, громыкает, стрекочет отбойными молотками, ослепляет сваркой и наступает, наступает...

Предпусковые дни — вершина напряжения. Во всех отделениях, на

многочисленных ярусах-этажах — строители, монтажники и эксплуатационники. Одни сдают оборудование, вторые принимают.

Паренек в очках устало разогнулся и посмотрел на меня. На его чуточку бледном лице реденькие усики. Но он был по-детски юн, и этим приглянулся мне. Однако на предложение нарисовать его смутился и, улыбаясь, сказал:

— Почему меня? Лучше бы Валеру, у него и усы погуще.

Валера тоже улыбнулся и энергично загремел ключами.

С парнем с редкими усиками мы познакомились, он навеличался Юрием Михайловичем, молодым специалистом. На рисунке сбоку я приписал тогда: «Ю. М. Никифоров. Сибиряк. Окончил машиностроительный техникум в Красноярске».

Откуда только ни встречались строители, монтажники и специалисты-химики. Но больше, пожалуй, березниковцев. Сразу два друга, Сергей Плешеев и Анатолий Кивилев, из известной на стройке бригады Тарновского. В отделении сгущения Владимир Безбородов, аппаратчица Нина Баданина. Она училась в Березниковском ПТУ.

Отделение сгущения занимает чуть ли не большую часть флотационной фабрики. Тридцатиметровые сгустители похожи на огромные чаши. На остальных листах, на деталях — пометки мелом, цифры, схемы, даже формулы, которые должны решить или уже решили монтажники. А наряду с этим есть надписи, вызывающие улыбку: «Соня, привет! Давно тебя не вижу, Валерий». «Володя, мы с братвой ушли на концерт». «Генка, ты арысна!»

Всякие деловые и разные другие надписи стираются навсегда мощным краскопультом — ведутся покрасочные и отделочные работы. В насосном отделении пробуют запускать

моторы. Старший аппаратчик Кладов сказал, что он кислотский, из Перми.

— Ясно, с кислотного завода, — я хотел спросить, почему он сюда переехал, но динамик пробасил что-то, и насосы загудели.

Клава Матвеева то взбиралась на площадку, то спускалась вниз.

— Мы уже застажировались и работаем самостоятельно, — не без гордости сказала она. И, заглядывая через мое плечо на рисунок, призналась: — Я тоже умею рисовать.

Это признание вышло у нее попросту, без хвастовства, на что я отозвался:

— Быть тебе в редколлегии!

— А мы и так уже выпускаем стенгазету «Товарищ».

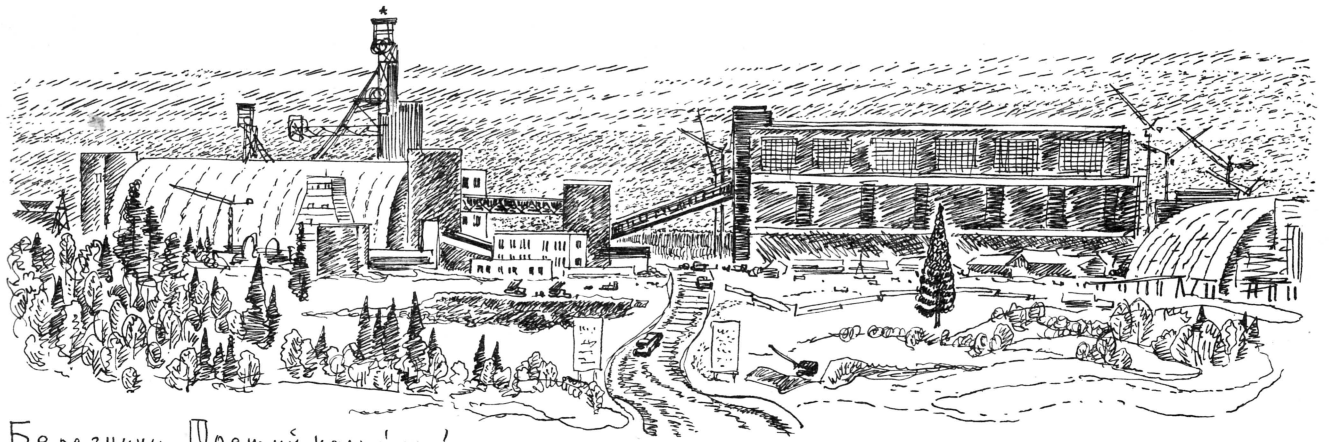
Снова загудели моторы, Клава поднялась на площадку и встала к вентилю. Мимо пробегает сменный.

— Ну как, нормально? — кричит он и показывает большой палец.

Клава кивает, улыбаясь от всей души.

Руда — пошла! — вот они два магических слова, ради которых трудились шахтеры-проходчики.

Руда, пройдя все этапы технологической нитки, выходит солью плодородия.

Березники. Третий калийный

Березники. В калийной шахте

Белое море, Соловецкие острова...

Белый след парохода слился со световой дорожкой от солнца. Как сказочный остров Буян, всплывают на горизонте Соловки.

Соловки, Соловецкие острова — архипелаг на Белом море. Он расположен в западной части моря, при входе в Онежскую губу. В 1429 году новгородские монахи построили у горы Секирной первый скит, а в 1436 году на месте будущего монастыря, между гаванью

Благополучия и Святым озером, были сооружены первые деревянные жилые постройки и церковь Преображения. В XV веке Великий Новгород жаловал Соловецкий монастырь всеми островами архипелага и принял его под свое покровительство.

...Огромные камни крепостной стены покрыты красноватым лишайником. О многом могли бы они поведать... 1668—1677-е годы — знамени-

СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ СОБОР.

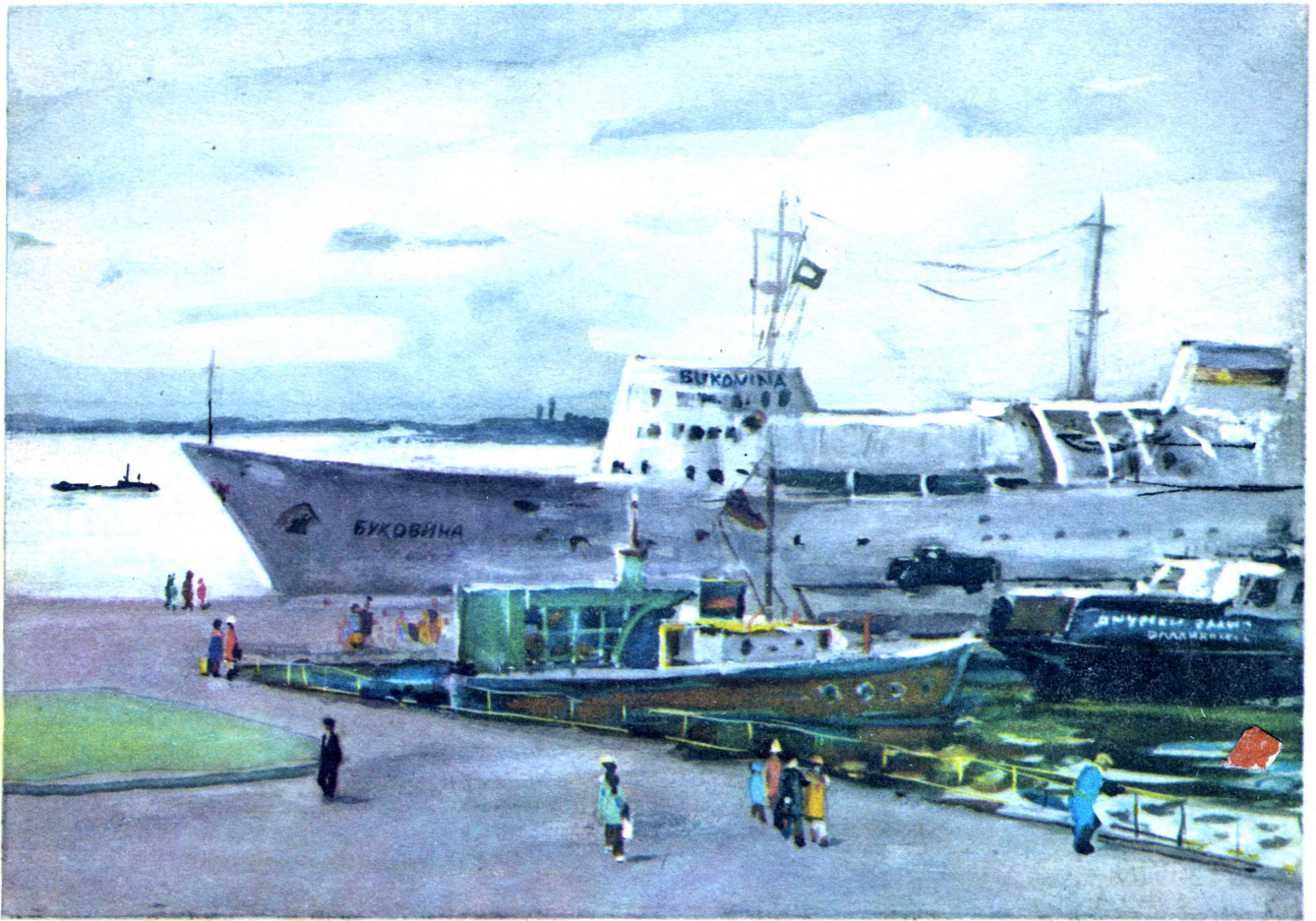
тое соловецкое восстание, начавшееся как «книжный бунт» против нововведений патриарха Никона. В 1702 году на Соловках останавливался со своей эскадрой Петр I. Отсюда начался беспрецедентный десятидневный поход русских солдат по сделанной в глубочайшей тайне государственной дороге — от Белого моря через леса, реки и болота Карелии к Онежскому озеру, чтобы ударить в тыл шведам. По этой дороге воло-

ком тащили два фрегата — «Святой дух» и «Курьер».

На стенах крепости есть и следы от ядер — память о 1854 году, когда во время Крымской войны монастырь обстреляла английская эскадра. Было выпущено около 800 ядер. Существенного вреда монастырю они не причинили, хотя, по выражению одного из офицеров эскадры, этого хватило бы на любой европейский город.

Стены Соловков построены в конце XVI века. В течение десяти лет работали монастырские крестьяне, втаскивая по насыпи многотонные валуны, скрепляя их раствором и заполняя промежутки большими кирпичами местного производства, по прочности не уступающими камню.

Соборы воздвигались и как крепости. Этим объясняется своеобразие их архитектурно-конструктивных форм — суровая сдержанность

В АРХАНГЕЛЬСКОМ МОРСКОМ ПОРТУ

оформления фасадов, наклон наружных стен к центру, массивность кладки — в нижнем ярусе толщина стен достигает пяти метров.

В чем притягательность севера? В прозрачности белых ночей? В величественной сдержанности природы? А может, в ласковом северном солнце, в котором нет щедрости юга, но зато есть своя особая доброта, спокойная и мудрая? Да, вероятно, — и в том, и в другом, и в третьем.

А если ко всему этому добавить своеобразную, ни с чем не сравнимую архитектуру севера, как бы выросшую из этой суровой земли и ставшую ее неотъемлемой частью, то станет ясно, что влечет сюда людей.

**Роальд
КАПТИКОВ**

Рисунки
автора

ПЕЛЕНА

Александр
КУЗНЕЦОВ

Рисунки
Н. Мооса

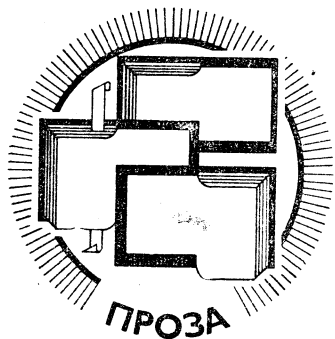
В основу этой повести положены действительные события. 14 июля 1969 года из историко-художественного музея города Сольвычегодска была похищена пелена «Богоматерь Владимирская», изготовленная в мастерских Строгановых в первой половине XVII века. Долгое время о ней ничего не было известно, пока автор случайно не обнаружил ее в Коряжме в одной частной коллекции.

Конечно, последовавшие за этим события несколько изменены, как заменены и имена действующих лиц.

Отпуск я беру весной и в последних числах апреля уезжаю на север, в лес. Иногда с кем-нибудь из художников, а то и один пробираюсь на лыжах в верховья маленькой речушки, облюбовываю красивое место и ставлю палатку. Дождясь таяния, разлива и ледохода, пишу этюды, слушаю бормотание тетеревов и исподволь, не спеша готовлю небольшой плот. Одному мне хватает четырех сухих бревен, если нас двое — шесть стволков, и потолще. Как только пройдет лед, вслед за льдинами плывем вниз.

Поскольку речка всегда всегда новая, никогда не знаешь, что тебя ожидает. Бывает, встречаются завалы из деревьев или заторы, образованные льдинами; ниже, когда начнутся уже деревни, может попасться и плотина. Тогда плот приходится разбирать и волоком — по бревну — перетаскивать.

Приплываешь всегда к большой реке — к Сухоне, к Вычегде, к Северной Двине. А кончается поездка старинным русским городом — Великим Устюгом, Тотьмой, Сольвычегодском или Краснорборском. Эти живописные, давно уснувшие под своими многочисленными куполами города-деревни, некогда могущественные соперники Москвы и Новгорода, захиревшие, утратившие свое

промышленное и торговое значение с постройкой Петербурга, так и просятся на полотно.

Хорошо еще и то, что вся весна перед глазами проходит, от снега и одинокого, жутковатого крика черного дятла до лопнувших почек и звонкой переклички дроздов. Тянутся на север, волнуют бесчисленные стаи уток и куликов.

Ружье я теперь не беру, но зато со мной всегда ездит безнадежно испорченный пойнтер Оладья. Она неистово носится по болотцам и прибрежным террасам, делает стойки на всякую, без разбора, птицу, а потом гонит ее, чего совсем не полагается делать легавой собаке. Только не ее в том вина: не получила собака должного воспитания.

Понравилось место — останавливаюсь и живу день, два, три... Пишу подмытый берег со свисающими корнями елей, вот-вот готовый упасть в воду, пишу хмурый лес, моховое болото с одинокими соснами, оставленную жителями деревню. Пишу дома на высоком подклете, с тесовой крышей и коньком на ней, пишу их резные фронтоны с причелинами и деревянное кружево полотенец, крылец, оконных наличников... А если очень повезет, то замшелую деревянную церквушку с шатром, которая радует меня больше всего на свете.

Куда я деваю свои работы? Складываю их дома, в Ленинграде, в чулан, а часть раздариваю. Все, что понравилось кому-нибудь, я отдаю

без сожаления и даже с удовольствием. Конечно, самые удачные вещи я оставляю. Я втайне надеюсь, что когда-нибудь мне удастся все-таки сделать выставку. Это трудно. Не каждому профессионалу удастся получить право на выставку. Дело осложняется ещё и тем, что дед мой был известным русским художником. Его полотна висят в Русском музее, в Третьяковке и во многих других музеях. Как будто это обстоятельство должно помочь мне получить выставочный зал, но в то же время я не могу выставить посредственные работы.

В этой истории мне не хотелось бы называть имя деда. Вы наверняка знакомы с его именем. Обозначим условно нашу фамилию буквой «Д». Отец мой тоже был художником, живописцем, но он не захотел, чтобы я пошел по стопам деда и его, отец желал мне твердой и вполне современной профессии, и я стал инженером, а затем преподавателем технического вуза...

Прошлой весной, о которой здесь идет речь, я выплыл в Вычегду. Дальше спускаться на плоту стало опасно: по Вычегде шёл лес, как в плотях, так и модем. К тому же места пошли уже населенные. Покинув плот, я на машине добрался до Коряжмы — молодого городка, возникшего на болоте вокруг огромного целлюлозно-бумажного комбината. Был я один, Оладья ожидала щенят, и жена моя категорически запретила ей поездку.

Подкупив в магазине продуктов, я вернулся к реке и поставил палатку у бывшего монастыря, основанного в XVI веке Лонгином Коряжемским. Когда-то этот монастырек и был собственно Коряжмой, а теперь он затерялся за большими домами и прямыми улицами нового города, затерялся так, что если приехать сюда не со стороны реки, а по железной дороге, то нипочем его не увидишь и даже не будешь знать о его существовании.

День выдался ясный и теплый. Иногда только ветер налетал порывами с реки, но мне — в моей стеганке и ватных штанах — он был не страшен. Купол церкви прекрасно смотрелся на фоне воды и голубоватой свинцовой дали. Где-то на том берегу Вычегды едва различался белый храм Сольвычегодска.

Неподалеку от того места, где я стоял перед мольбертом, какой-то человек красил моторную лодку. Вскоре он оставил свою работу и подошёл ко мне.

— Можно посмотреть?

— Пожалуйста, — ответил я.

Он был невысок и кряжист, лет тридцати, и одет так же, как я, даже стеганка и ушанка у него, как и у меня, были вымазаны краской. Он долго сопел за моей спиной, чувствовалось, что ему хочется заговорить.

— Хорошо быть художником, — сказал он, наконец.

— А вы кто по профессии?

— Инженер. Инженер по очистке вод и водоочистительным сооружениям.

Я рассмеялся.

— Ну вот видите, я тоже инженер и тоже имею некоторое отношение к гидросооружениям. Сейчас выяснится, что мы с вами вместе учились в Ленинградском политехническом, только я закончил его на несколько лет раньше.

— Нет. Я учусь на заочном отделении... Только третий курс еще. Скоро надо ехать сдавать...

— А родом откуда?

— Да местный. Тут, в Коряжме, почти все местные...

Лицо его не было ничем примечательно, если не считать живых карих глаз, как-то не очень сочетающихся с прямой русой челкой. Он не обратил бы на себя внимания на Невском или на эскалаторе метро. Но здесь, на Севере, особенно после того, как ты долго побыл в одиночестве, каждый человек становится откровением, и ты тянешься к нему, как к близкому другу. Мы разговорились, и Григорий Петрович Адаров, как звали моего нового знакомого, пригласил меня к себе в гости.

— Что это вы будете валяться на земле, — говорил он, — когда дом есть, диван и все удобства. Хватит уж, попутешествовали.

— Во-первых, не на земле, — защищался я, — а на надувном матраце и в пуховом спальном

мешке; а во-вторых, я завтра всё равно уезжаю. Погода хорошая, и провести последнюю ночь у реки одно удовольствие. Так что спасибо вам большое, Григорий Петрович, но я, пожалуй, останусь в палатке. Приходите ко мне вечером на чай. Посидим у костра, потолкуем.

— Вас иконы интересуют? — вдруг спросил он.

— Иконы?.. У вас есть иконы?

— Есть. Вы, как художник, наверное, разбираетесь в них, а может быть, вам что-нибудь подойдет. Да и мне интересно, узнаю кое-что.

Вот чего не ожидал, того не ожидал!

— Да, — ответил, — в иконах я действительно немного разбираюсь и очень люблю древнерусское искусство. В точку попали... Большая у вас коллекция?

— Да сорок досок, наверное, есть.

— Сорок?! — это было немалое собрание, и среди этих сорока могли оказаться интересные вещи. — И многие у вас собирают иконы?

— Нет, я один, — улыбнулся Григорий Петрович. — Я один такой во всем районе. Меня все психом считают, даже жена.

— Что же у вас есть? Скажем, самое старое? — не терпелось мне.

— Двенадцатый век есть, — проговорил он нарочито небрежно. В интонации прозвучало скрытое хвастовство. А может быть, просто гордость коллекционера? Насчет двенадцатого века он, конечно, загнул. Мне захотелось взглянуть на коллекцию, тут возможны любые неожиданности. Когда-то я этим увлекался, кое-что собирал. Случалось, дарили мне в деревнях старики, но чаще молодые люди, то Богоматерь величикою со спичечный коробок, выполненную финифтью, то литую из бронзы иконку с изображением «праздников», то вырезанного по дереву Николу, то старую рукописную книгу — псалтырь. Из каждой поездки я привозил что-то подобное. Но я никогда ничего не покупал. Сначала так получалось само собой, не было необходимости покупать, так отдавали; потом, когда собиранием икон стали заниматься многие, не покупать ничего и тем более не продавать стало моим правилом; когда же в последующие годы иконы стали модой, я перестал их собирать и даже интересоваться ими. Но с коллекцией, собранной на месте, встретился впервые. Не взглянуть на неё было просто грешно.

Быстро свернув палатку и уложив рюкзак, я зашагал со своим новым знакомым к нему домой. По дороге мы зашли в его гараж, где у него стоял мотоцикл с коляской, и оставили там мои вещи — рюкзак и этюдник, а немного не доходя до дома, Григорий Петрович остановился и сказал:

— Знаете, мы как сделаем? Я сейчас зайду один, а вы минут через пять. Вон моё парадное, правое, второй этаж налево, квартира шестна-

дцать, — он показал мне на дверь, перед которой сидели на скамеечке три пожилых женщины.

Не успел я оторвать палец от звонка, как Григорий Петрович открыл мне дверь. Он провёл меня в большую комнату своей двухкомнатной квартиры. На пороге меньшей комнаты стояла с грудным ребенком на руках растрепанная молодая женщина. «Моя жена Людмила», — бросил на ходу хозяин дома. Я на секунду остановился, чтобы поклониться, Людмила хмуро кивнула мне в ответ.

Я ожидал увидеть стены, завешанные иконами, но увидел только большую раму с множеством фотографий. Знаете, как обычно бывало в деревне? Тут и солдат, тут и напряженные лица молодых, жениха и невесты, и конопатый лопухий мальчишка, тут и покойник в гробу, и новгородная открытка. Большие храмовые иконы стояли между шкафом и стеной, а маленькие, домовые, лежали кучами за диваном и в углу у окна. В комнате стояли ещё детская кроватка и новенький сервант.

Григорий с удовольствием начал показывать мне свои богатства. По моей просьбе он расставлял доски вдоль стены, шкафа и дивана — сервант он боялся поцарапать. Поставит доску и молчит, ждет, что я скажу. Или сам объясняет, но примитивно, путано. Видно, что плохо разбирается.

Посмотрели все, но ничего особенно неожиданного я не обнаружил. Был тут XVIII век, был XIX и XX, иконы поздние, писанные в реалистической манере. Таких большинство. Были вещи и более интересные, выполненные в традициях древнерусского письма. Одна из икон была вся позолочена и выглядела весьма парадно. Смотрю я на неё и вижу, отколупнута с краю позолота, виден из-под нее левкас (слой с мелом, на который наносилась живопись).

— Кто это ковырял?

— Смотрел тут один, — отвечает Григорий, — много ли золота.

— Какое уж тут золото?! — говорю я. — При подобной позолоте слой бывает всего в сотую долю миллиметра. Разве дело тут в золоте?

Мы понимающе улыбнулись друг другу.

Двенадцатого века здесь быть не могло. Откуда ему взяться, если икон того времени известно всего несколько штук, в основном Киевская Русь, а то и вовсе Византия. Погрудный Спас, которого он мне представил как икону XII века, возможно, при внимательном изучении, потянул бы на XVII век. Доска была старой, рубленой, но изображение безнадежно испорчено: Григорий неумело реставрировал икону, снял верхний слой, соскреб позднюю запись, но заодно повредил и нижний слой. Другого Спаса, которого он представил мне как икону Строгановской

школы, мне пришлось также разжаловать. Никаких оснований относить ее к мастерской Строгановых я не нашел.

— Если вы говорите «Строгановская школа», — сказал я ему, — то вы должны знать, что эти иконы отличает миниатюрная тонкость письма, тончайшее золотое кружево прописи. Краски на этих иконах изысканны по сочетаниям, фигуры изящны и тонки, это совсем особое, не похожее ни на что искусство. Я не говорю уже о таких обязательных приметах строгановских икон, как малый размер (а эта икона храмовая) и обычно широкое поле под драгоценным окладом. Ладно, оклада может и не быть, но письмо-то, письмо! Это было искусство для избранных, а может быть, и искусство для искусства. Ничего этого здесь нет. Могу сказать определенно, что это не строгановская икона.

И тут он расстилает передо мной на диване новый экспонат — шитую золотом и серебром «Богоматерь Владимирскую». Я как увидел ее, так и обомлел: это была строгановская пелена XVII века, редчайший и ценнейший памятник древнерусского искусства.

Размером она была с большой портфель. Богоматерь с младенцем вышиты золотой и серебряной нитью по темно-красной или скорее малиновой основе — «земле», как ее принято называть. По нижнему краю шла надпись старославянским шрифтом, этакой затейливой вязью, сразу не разберешь, что написано. Нижняя сторона пелены обшита бахромой из золотых, серебряных и красных нитей, собранных в кисти. Композиция великолепная, в лучших иконописных традициях русского севера: фигуры графически очерчены, строги, изысканны. Выполнено с удивительным мастерством, техника потрясающая! А в целом — икона, настоящая икона XVII века, но только не писана красками, а искусно вышита.

— Ну как? — спросил Григорий Петрович.

— Да... Слов нет. Думаю, что это строгановская пелена, век семнадцатый, — ответил я, совершенно пораженный красотой вещи.

— А что такое пелена? — и он, поубавив спесь, наконец, признался: — Я ведь толком ничего не знаю об этом.

Пришлось рассказать.

В XVI веке Аника Строганов основал в Сольвычегодске несколько художественных мастерских, из которых впоследствии вышли редчайшие, прославившиеся на всю Русь произведения искусства — чуть ли не впервые в России зародилось здесь изготовление цветной эмали, или финифти. Они называются еще в отличие, скажем, от ростовских эмалей — усольскими эмалями. Потом знаменитая северная филигрань. Здешние мастера создавали узорчатые плетения из серебра и золота толщиной в волос. Кстати, строгановские иконы писали и в Москве,

это скорее был стиль, чем географическая принадлежность... И вот была мастерская художественного шитья или вышивания. Отсюда выходили лучшие на Руси вышивки, замечательные произведения, которые и теперь приводят нас в восторг. Поскольку до Петра Первого светской живописи почти не было, вся тематика искусства была религиозной. Мастерницы вышивали различные покровы, плащаницы и делали такие вот вышивки — пелены с изображением святых. Поэтому их искусство называли еще лицевым шитьем. Лица вышивались. По своему поразительному мастерству они настолько совершенны, настолько виртуозны, что превосходят все подобное, когда-либо создававшееся на Руси. Посмотрите, ведь этот сплошной золотой покров составлен из мельчайших нитей, уложенных в лосок к волоску.

Мы склонились над пеленой.

— Прекрасная вещь! — вздохнул я.

— Не понимаю, — сказал Григорий. — Прекрасная, говорите. А ручки маленькие, ножки — как у рахитика... На человека-то не похоже. Что тут ценится?

— Да разве дело в этом?!

— А в чем?

— Это традиция, канон, только и всего. Мне они не только не мешают, но, если правильно понять суть, даже усиливают впечатление. Посмотрите, разве эта условность мешает видеть здесь живого человека, женщину с трагической судьбой? Это мать. Мать, которая наперед знает, что сын ее погибнет ужасной смертью. Грусть, горе, скорбь... Это икона, но в то же время потрясающей силы картина. А техника, мастерство?! Это бесценная вещь!

— Хорошо, что вы не ломаетесь, не хитрите, говорите то, что думаете, — он сворачивал уже пелену трубкой, невольно показав мне ее изнанку. С обратной стороны пелены была вышита по красной земле надпись, но прочесть ее я не успел.

— А то были тут одни москвичи, — продолжал он, — увидели и начали: «Так тряпица... Ничего в общем... Так себе...» Цену сбивали.

— А вы ее продаете?! Сколько же она стоит? — я даже приблизительно не представлял себе, сколько может стоить такая пелена — сто рублей, пятьсот или тысячу.

— Нет, продавать я ее пока не собираюсь.

— Я вас понимаю. Вам можно позавидовать. Да что говорить, такой вещи любой музей был бы рад. Ведь их осталось считанные единицы. Специалисты знают, наверное, их всех «в лицо». Такую вещь грешно даже держать в частной коллекции... Интересно, как она вам досталась?

— Как досталась? А очень просто, — и Григорий Петрович рассказал, что по роду своей службы ему часто приходится бывать в дальних селах. В глухих деревушках он всегда интересуется

ся, не осталось ли каких-нибудь икон от стариков. И вот однажды один человек ответил ему: «Икон у меня нет, а вот тряпочка какая-то валяется. Она вроде иконы. Бабка ее очень берегла, в сундуке держала до самой смерти. Поставишь бутылку красного, я тебе ее принесу». «Посмотрим, что за тряпочка, стоит ли она бутылки», — ответил Адаров. И парень принес эту самую пелену. Увидев ее, Григорий сказал, что за такую тряпочку он ставит две бутылки красного. «Две мне не надо, — ответил парень, — я на работу иду. Ставь бутылку и забирай».

— Вот это да! Ох, как вам повезло! — качал я головой. — Это же надо! Подумать только!..

Мы перешли на кухню. Хозяин предложил было выпить по кружке чая. Продолжали разговаривать об иконах. Я хотел продиктовать ему небольшой список популярной литературы по древнерусской живописи, но он, к моему удивлению, стал отнекиваться. Я настаивал, мне хотелось, чтобы он прочитал хотя бы одну книгу, самую простую и доходчивую, но он не стал ничего записывать, а спросил:

— Вот ты мне скажи, как ленинградцы добывают иконы?

Григорий Петрович несколько раз пытался и раньше перейти на «ты», но у меня это почти никогда не получается. Я даже если и хочу, все равно говорю «вы».

— Ездят, как вы или я, собирают. Обмениваются, покупают.

— Вот мне и интересно, такая «Троица», что у меня — помнишь «Троицу»? — сколько может стоить? Хотя бы приблизительно.

— Понятия не имею... Никогда не покупал. Григорий, кажется, мне не верил.

— Где же ты взял свои иконы, если не покупал? У тебя же есть иконы?

— Сбирал. Кое-что в брошенных деревнях находил, а кое-что и так отдавали, в подарок. В Тотьме, например, мне одна совершенно неизвестная женщина подарила роскошного Никола шестнадцатого века. Я его реставрировал. Лучшая моя вещь. Теперь, правда, я иконы снял.

Жена Григория так и не вышла к нам, а когда он стелил мне на диване, что-то резко крикнула из коридора. Адаров вышел, прикрыл дверь, и в его голосе зазвучали уговаривающие, успокаивающие интонации. А когда они вместе стали переносить в маленькую комнатку детскую кроватку, я пожалел, что не остался ночевать в палатке на берегу реки.

Перед тем, как ложиться, я попросил Григория Петровича еще раз показать мне пелену, но он помялся и сказал: «Давай завтра, а то рано вставать, да и вообще...» Что он имел в виду, я не понял, но настаивать не стал.

Спал я беспокойно. Пелена «Богоматерь

Владимирская» стояла передо мною, и я не мог никак от нее избавиться. Чего греха таить, я думал о том, что Адаров владеет ею по недоразумению, что было бы куда справедливее, если бы такая вещь висела у меня в Ленинграде. Я мысленно перевешивал картины деда, витрины с финифтью и мелкой пластикой, чтобы найти место для «Богоматери Владимирской». И она делалась центром композиции в нашей большой комнате.

Казалось, не успел я заснуть, как Григорий Петрович разбудил меня. Он очень торопился, мы едва успели обменяться адресами и направились почти бегом к гаражу. При выходе из парадного Адаров опять оглянулся по сторонам и тогда уже пропустил меня на улицу.

Пелены я так больше и не увидел.

Вечером этого же дня я был уже в Сольвычегодске и переночевал в общем номере маленькой деревянной гостиницы, а наутро стоял перед Благовещенским собором, который видел до этого лишь издали, с другого берега Вычегды. Вблизи собор оказался величественнейшим сооружением из белого камня, храмом-крепостью. Высокие алтарные апсиды выглядят как крепостные укрепления, мощные лопатки-контрофорсы словно символизируют неприступность, узкие щелевые окна — те же бойницы. Крепость, вросшая в землю навечно и непоколебимо. А за собором — река. Широкая, с чуть видимым противоположным берегом. Водный простор еще больше подчеркивает впечатление мощи крепости. Мне было известно, что такая картина есть у деда: церкви Сольвычегодска, а за ними река. Называется она «Соляной городок», но где находится эта картина, до сих пор неизвестно. Возможно, что и здесь, в этом музее. Картина «Соляной городок» несколько раз упоминалась в письмах деда, он называл ее удачей и говорил, что она — лучшее из того, что удалось написать на Севере. Ее долго искали искусствоведы, но так и не нашли. Отец как-то высказал мысль, что картина эта могла остаться в Сольвычегодске, ибо ни в Ленинград, ни в Москву ее дед не привозил.

Когда-то Сольвычегодск был столицей восточной части северного края и Урала. В XVI—XVII веках он принадлежал к числу городов, в которых происходило становление России, как государственное, так и духовное, эстетическое. Именно здесь, в Устье Великом, в Тотьме и в Сольвычегодске, в городах, стоящих на водных путях в Архангельск и в Европу, закладывались основы торговли с западом, именно здесь создавались величайшие произведения русского искусства, являющиеся теперь предметом нашей гордости и восхищения. Теперь же Сольвычегодск — небольшой городок с несколькими

лечебными заведениями. Сюда приезжают лечиться грязями. Эти больные — основные посетители местного музея в нелетнее время. Но и летом туристов тут не так уж много, куда меньше, чем в Суздале или Новгороде. От Котласа сюда добиваются водой, ибо дороги плохие — все топи да болота.

Пройдя по городу, я обнаружил еще школу-интернат, клуб, библиотеку да несколько магазинов. Вот и весь город, все достопримечательности, если не считать стоящего в стороне собора Введенского монастыря и еще одной полуразрушенной церковки. От самого Введенского монастыря не осталось никаких следов, но церковь еще стоит и радует любителей русской старины, ибо храм этот великолепен. В нем архитекторы воплотили все лучшее, что принесено русскими в строительство в XVII веке, а это был век расцвета нашей архитектуры. По своему совершенству этот храм такого же порядка, как церковь Иоанна Предтечи в Ярославле, церковь Вознесения в Великом Устюге или храм на Филях в Москве... Красный кирпич и украшения из резного белого камня, затейливый резной орнамент входного крыльца, фигурные колонки, капители, арки, гирьки, карнизы, причудливые наличники окон и, наконец, замечательные пятицветные изразцы — вся эта пестрота не рябит, не раздражает, а складывается, если чуть отойти, в единое целое, в монументальный храм, величественно устремленный ввысь. Было у зодчих, создававших собор Введенского монастыря, чувство меры: еще бы чуть-чуть пестрых деталей, и общая композиция была бы нарушена, расплылась бы, разменилась на мелочи. Но они эту грань не перешли.

Интересно, что два сохранившихся здесь храма как бы стоят по краям золотого века Сольвычегодска. Благовещенский собор Аника Строганов начал строить в 1560 году, а церковь Введенского монастыря другой Строганов — Григорий — поставил в самом конце XVII столетия, с окончанием которого началось стремительное увядание Сольвычегодска и всего края. И вот судьба распорядилась так, что из тринадцати церквей города, из тринадцати памятников русской архитектуры, памятников истории и культуры Севера и всей Руси, не были взорваны и развалены именно эти два храма — самый первый и последний.

Ходил я вокруг Введенской церкви, смотрел на ее пышное великолепие, и душа моя пела. Казалось, я давно уже знаю этот храм, будто я вырос возле него, а может быть, и родился здесь. Мало того, мне чудилось, что я знаю его сто и даже двести лет. Припоминалась история о том, как один человек, ни с того ни с сего, заговорил на древнем языке, на языке, который давно уже исчез, забыт и знают о нем только немногие ученые. И когда ученые послушали

того человека, они были поражены: он действительно говорил на языке, которому никогда не обучался. Не знаю, так ли это было и было ли вообще, возможно, это просто сказка; тем не менее во мне смутно ворочались какие-то воспоминания, связанные с этим храмом очень-очень далекие впечатления, которые никак не могли всплыть на поверхность моей памяти, моего мышления, а пробудились и жили где-то в подсознании, в самой глубине души...

Музей открылся, но директора еще не было. В ожидании его я постоял посередине Благовещенского собора, рассматривая фрески и иконостас. Прежде чем ехать сюда, я кое-что почитал и теперь узнавал знакомое лицо по книгам. Стенная роспись 1600 года, монументальная живопись московских мастеров была ремесленно записана позже масляными красками. Первоначальные фрески остались лишь в алтаре и в левом приделе. Они выгодно отличаются от поздних росписей мягкостью колорита, плавностью линий и всей столь дорогой мне манерой древнерусского письма.

Все иконы иконостаса, за исключением верхнего ряда, писаны были в XVI веке лучшими иконописцами Оружейной палаты. Имена их известны. Верхний же ряд относится к XVII столетию. Как ни парадоксально, строгановских икон, выделяемых теперь в отдельную школу, в Сольвычегодске осталось не так уж много. Больше тут икон московских.

Под высокими сводами храма гулко прозвучал перестук женских каблучков.

— Пришел Иван Игнатьевич, — сказала единственный научный сотрудник музея, она же экскурсовод Мария Васильевна, седовласая, подтянутая дама.

Она заперла за мной тяжелые двери, и по узким лесенкам с высокими каменными ступенями мы прошли в небольшую келью со сводчатым потолком.

Директор музея, Иван Игнатьевич Портнов, оказался мужчиной лет пятидесяти, небольшого роста, лысоватый, с брюшком и маленькими глазками, с веками без ресниц. На его пиджаке с одной стороны были планки медалей в один ряд, а с другой — значок техникума. Судя по изображенной на значке раскрытой книге, можно было предположить, что директор закончил какой-то гуманитарный техникум, скорее всего — педучилище.

Когда я познакомился с Портновым, то подумал, что, только взглянув на него, можно рассказать, в общих чертах, его биографию: местный, перед войной или во время войны кончил педучилище, потом немного воевал. После войны учительствовал, а затем его выдвинули на руководящую работу.

Я представился. Нельзя сказать, чтобы Иван Игнатьевич был приветлив, он смотрел строго

и подозрительно. Я говорил, он молчал, задав мне единственный вопрос: что мне здесь надо? И только тогда, когда я рассказал о своем деду и о том, что хочу увидеть его картины и ищу одну — утерянную, он, наконец, вяло улыбнулся:

— Так вы тот самый? Внук, стало быть. И тоже художник?

— Не могу сказать, что художник, это было бы слишком самонадеянно, но рисую, пишу акварели и маслом.

— Скромность украшает человека, — сказал директор, и слабая улыбка покинула его лицо. — Понимаете, у нас здесь историко-художественный музей, материальные ценности... Бывают всякие случаи... В общем, мне надо... Я должен посмотреть ваши документы.

— У меня есть бумага специально для этого случая. От Русского музея. Вот, пожалуйста, — я протянул ему отношение, в котором содержалась просьба показать мне запасной фонд музея.

Он внимательно прочитал эту бумагу и спросил:

— А еще что у вас есть?

— А что еще нужно?

— Паспорт есть?

Достав паспорт, я подал его Портнову:

— Пожалуйста. Я понимаю...

Иван Игнатьевич не просто взглянул на фамилию и фотографию, он внимательно рассмотрел глубоко втиснутую в фотографию печать, поворачивая паспорт к свету. Пролистал его весь, прочитал отметки о браке и прописке.

Меня стало это уже злить. Я чуть было не спросил, будем ли мы делать отпечатки пальцев, но сдержался и сказал:

— Больше всего хотелось бы найти картину Сергея Сергеевича Д. с панорамой города. Он писал ее с колокольни. Это должен быть довольно большой холст, что-нибудь семьдесят на сорок пять. Картина называется «Соляной городок». Она никогда не репродуцировалась, поэтому мне хотелось бы сфотографировать ее на крупноформатный диапозитив. Для этого ее надо будет вынести на свет. Правда, я рано еще об этом говорю, картину надо найти.

В ответ мой собеседник встал из-за стола, открыл дверь кельи и крикнул: «Марья Васильевна! Идите сюда!» Эхо загудело в центральном куполе храма, закричали галки.

— Закройте музей, — приказал директор, — повесьте табличку и пойдете с нами в фонды.

— Хорошо, — Мария Васильевна повернулась, чтобы выполнить приказание.

— Да! — остановил ее Иван Игнатьевич. — Что у нас есть художника Д. в экспозиции?

— Теперь ничего нет. У нас же в левом предделе выставка утвари.

— Ах да, правильно, я забыл.

— А висели две вещи: «Портрет протодьякона» и «Дождь на реке», — четко и сухо говорила Мария Васильевна.

«Эта кончала гимназию, — подумал я. — То же учительствовала. Носила пенсне и высокие ботинки со шнуровкой. Как моя бабушка».

— Ну хорошо, хорошо, — перебил Марию Васильевну директор. — Запирайте, мы сейчас спустимся.

В темных, узких коридорах и на крутых лестницах хоть и было темновато, но туда все же доходил отраженный от стен слабый свет окон-бойниц. В подвалах же, куда мы спустились, стояла крошечная тьма. Двигались некоторое время ощупью, пока Мария Васильевна не нашла выключатель и перед массивными коваными дверями не загорелась тусклая от пыли лампочка.

— В этих подземельях, — проговорил Иван Игнатьевич не без удовольствия, — держали провинившихся и неугодных Строгановым людей. Даже московские послы сюда попадали. Есть такие камеры, откуда кости еще до войны, когда оборудовали помещение, вывозили машинами. Вот что творилось при самодержавии.

Зазвенели ключи, заскрежетало железо, и вот уже Мария Васильевна смахивает с картин сухой тряпкой пыль, а я рассматриваю их и расставляю вдоль стеллажа. Всего тут оказалось десять этюдов деда и четыре его картины. Почти все были мне знакомы. Все они, кроме известного портрета протодьякона, изображали северные пейзажи. Дед любил вносить в пейзаж одну человеческую фигуру или строение, обычно стоящую вдали церквушку. Ведь именно ее куполок определял издала человеческого жилья. И этюды, и картины написаны в одной манере и в одном колорите — свинцовое небо, стальная вода, черный лес, белые пятна снега...

Холста с панорамой Сольвычегодска не оказалось.

— Такой картины Д. у нас нет, совершенно определенно могу вам сказать, — говорила Мария Васильевна. — Я работаю здесь много лет и знаю наши фонды.

— Я тоже не помню такой, — поддакнул Портнов.

— Есть у нас картина с изображением городка конца прошлого столетия, картина неизвестного художника. Она висит в отделе истории советского периода. Можете посмотреть.

Я немного расстроился, мне так хотелось найти эту картину деда! Если и здесь ее нет, то она действительно утеряна.

На всякий случай я пошел с ними в отдел истории. И там, рядом с кандалами и рисунком деревянного дворца Строгановых, обнаружил картину деда «Соляной городок». Слева, на переднем плане, крупно дана часть купола, второй план — город, со множеством церквей.

Я смотрел и улыбался. Они оба вопросительно глядели на меня, а я молчал и улыбался.

— Уж не эта ли? — робко спросила, наконец, Мария Васильевна.

— Она.

Тут я принялся рассказывать им все, что мне было известно о картине «Соляной городок». Рассказывал, как дед приезжал сюда в 1886 году к своему сосланному в Сольвычегодск брату-народовольцу. Как писал он в письмах об этой картине, называя ее удачей своей, как искали ее искусствоведы, как отец советовал мне попытаться счастья именно здесь. Видимо, мое воодушевление передалось и моим слушателям. Иван Игнатьевич стал не только улыбаться, но и смеяться, а Мария Васильевна спросила, не могу ли я прислать им копии этих писем деда.

— Мы бы сделали выставку работ Сергея Сергеевича и использовали бы письма для экспозиции, — сказала она.

Я пообещал.

— Поздравляю вас, — говорила научный сотрудник музея, — мы сделали сегодня интересное открытие. Скажите, пожалуйста, вы думаете писать что-нибудь по этому поводу?

— Я — нет. Но полагаю, нашим открытием заинтересуется Русский музей. Ждите оттуда гостей в ближайшее время. А теперь давайте снимем картину и вынесем ее на свет: надо сделать несколько цветных фотографий.

Иван Игнатьевич помрачнел.

— Нет, — сказал он, — этого делать мы не имеем права.

— Почему? — удивился я.

— Не уполномочены, — невозмутимо ответил директор. — В письме от Русского музея об этом ничего не сказано. Да мы Русскому музею и не подчиняемся, нами руководит районный отдел культуры. Надо получить там разрешение.

— Иван Игнатьевич, но ведь при нас же... — попробовала вступить Мария Васильевна.

Но он только сверкнул на нее своими маленькими глазками:

— Нет! Не имеем права.

— Тут все-таки есть свет, — я уже понял, что разговор бесполезный, — попробую сделать фотографию прямо здесь.

— Без специального разрешения снимать копии и фотографировать в музее нельзя.

Ну что тут скажешь?!

— Не могли бы вы объяснить мне, уважаемый Иван Игнатьевич, смысл этого запрета? — я уже с трудом сдерживал себя.

— Могу. Смысл могу, — парировал он. — Пойдемте со мной.

Мы прошли в отдел древнерусского искусства, миновали несколько комнат и остановились в зале со строгановским лицевым шитьем.

Я успел только заметить знаменитую пелену с изображением Дмитрия Царевича и огромную плащаницу «Лонгин Коряжемский», которые знал по репродукциям, как Иван Игнатьевич подвел меня к закрытой легкой желтой занавеской стенке из фанеры и отвел занавеску в сторону. На левой стороне этой стенки висела пелена «Богоматерь Казанская», а правая часть была пуста.

— Вот здесь, — ткнул пальцем в пустое место Портнов, — висела пелена «Богоматерь Владимирская». Почти три года назад эта пелена была отсюда похищена при таинственных обстоятельствах. Специальной комиссией, созданной следственными органами, пелена была оценена не менее, чем в пятьдесят тысяч рублей. Не менее, чем в пятьдесят тысяч, я подчеркиваю. Это «не менее» говорит о том, что она стоит дороже. Государственное хищение стоимостью более пятидесяти тысяч рассматривается Уголовным кодексом РСФСР как особо тяжкое преступление и наказывается высшей мерой наказания... Несмотря на то, что был объявлен всесоюзный розыск, что во все города разослали фотографии этой пелены, несмотря на то, что органами были приложены все усилия, она до сих пор не найдена и никаких материалов для ее отыскания следствие не имеет.

Иван Игнатьевич остановился, но я, совершенно ошеломленный, тоже молчал. Тогда, кивнув на меня победоносный взгляд, он продолжил:

— Директором тут была одна женщина. Очень уж умная была женщина, даже образованная. Сняли ее. А я тогда работал в горисполкоме. Образование у меня, может быть, поменьше, чем у нее, во время войны мы педучилище в Тотьме заканчивали за полтора года, вместо трех лет, некогда было долго учиться, зато порядок в музее заведен иной. Теперь тут мышь не проскочит. Вот почему нельзя фотографировать. Ясно теперь?

— Ясно... — мне стало ясно совсем другое: я обязан удостовериться в том, что видел не краденую, а другую пелену. Я уже твердо знал, что не успокоюсь, пока не буду уверен в том, что это была не та пелена. Только мне не хотелось сообщать об этом Ивану Игнатьевичу, и я судорожно думал о том, как мне поступить.

Ведь вполне возможно, что то была другая пелена. Мастерицы Сольвычегодска могли изготовить в XVII веке несколько «Богоматерей Владимирских», несколько «Казанских» или «Тихвинских». Сколько «Спасов на троне», «Спасов во славе» и «Спасов Вседержителей» писал за свою жизнь каждый иконописец в те времена? Один человек мог создать сотни таких имен. Так почему же та, которую я видел, должна быть обязательно краденой? Нет... спешить не надо.

— Мы подозреваем двух московских художниц, — говорил тем временем Портнов, — они шестнадцать дней работали в музее перед похищением пелены, снимали копии со старинных тканей. Когда мне об этом доложили, а я в то время исполнял обязанности председателя горисполкома, я сразу принял меры: художников взяли в работу. Понятно, что они ударились в амбицию, в слезы, жалуются по сию пору. Мы проверяли их здесь, а они тайком послали в Москву телеграмму, и Москва разрешила им уехать. Напрасно, на мой взгляд. Они имели возможность в день кражи двенадцатичасовым катером отправить с кем-нибудь пелену в Котлас. Из Сольвычегодска в Котлас летом идут два катера: в двенадцать и в шестнадцать. Пассажиров вечернего катера мы проверили, а утреннего — нет. Народу ехало тогда много, июль, самый разгар лета, на катере было много неизвестных личностей...

«Григорию Адарову пелена досталась от сына умершей старухи, — думал я. — Значит, она никак не могла быть украдена из музея. Она сто лет пролежала в сундуке. Пелена очень просто могла погибнуть, ее могли выбросить, использовать как тряпку. Это счастье, что она попала к Григорию, хотя он и не предполагал, какую ценность она представляет. Однако, если я сейчас скажу Ивану Игнатьевичу об Адарове, он скрутит Григория в бараний рог. Оскорбит невинного человека. Да и я буду выглядеть доносчиком...»

— С тех пор прошло почти три года, — услышал я вновь голос Ивана Игнатьевича, — но дело остается нерасследованным. Тяжкое преступление не раскрыто. Теперь вам понятно, почему у нас нельзя фотографировать? Вот где у меня сидят эти художники, — похлопал он себя по жирной шее.

— Вы говорили, Иван Игнатьевич, что у вас есть фотография этой пелены. Не могли бы вы дать мне такую фотографию?

— Зачем? — насторожился он.

— Ну как вам сказать... Я бываю в Ленинграде, да и в Москве, у художников, среди которых немало коллекционеров. Чем черт не шутит, может быть, встречу?

— Нет, не имею права.

— Ну, хорошо, тогда хоть покажите фотографию.

— Не могу!

Я понимал, что настаивать бесполезно. И попросил его описать, чем она отличается от других строгановских вышивок на эту тему, как ее отличить.

— Каждая пелена, — сказал он, — имеет с обратной стороны слова о том, кто ее вышивал или по какому заказу она сделана. Но эта пелена не была сфотографирована с изнанки, и что на ней было написано — неизвестно.

К счастью, оказалось, что это знает Мария Васильевна. На обратной стороне похищенной пелены золотом по красному были вышиты слова: «Дар Андрея Семеновича и Дмитрия Андреевича Строгановых...». Остального текста Мария Васильевна не помнила, но для меня было вполне достаточно. Оказалось еще, что у пелены была такая особая примета: идущая по нижнему краю бахромы из серебряных и золотых нитей, сплетенных в кисти, имела изъяс, — отсутствовала крайняя, самая правая кисточка, потом через две кисточки не хватало еще трех.

Я не мог быть в этом совершенно уверенным, но мне все-таки казалось, что у виденной мною пелены тоже не хватало кистей. И это не давало мне покоя. Тогда, когда пелена была перед моими глазами, у меня не было необходимости запоминать такие мелкие детали. Она поразила меня целиком, как явление, как уникальная вещь, как произведение искусства, как редчайший памятник культуры древней Руси, случайно попавший в коллекцию невежды. Она покорила своей достоверностью, притушенным временем колоритом.

И все-таки у нее не доставало чего-то в правом углу. Что-то такое было... Вместо того, чтобы из Сольвычегодска поехать в Котлас и оттуда в Ленинград, я опять направился в Коржаму.

Дверь мне открыла жена Адарова — Людмила. Оглядев меня с ног до головы, словно видела впервые, она не ответила на мое «здравствуйте», мрачно объявив, что Григория нет дома, что он уехал в Ленинград сдавать экзамены. Она хотела уже было захлопнуть дверь, но вдруг передумала и отступила в переднюю.

— Вы, кажется, скупаете иконы?

— Нет, нет! Боже упаси! Но меня интересует одна вещь, которую мне Гриша показывал. Я хочу еще раз ее посмотреть, если можно.

— Какую вещь? — спросила она.

— Вышивка старинная. «Богоматерь Владимирская». Знаете?

— Знаю, конечно. Она у нас три года валяется. Хотела выбросить на помойку, так этот идиот такой шум поднял из-за нее. Вы хотите ее купить?

— Я бы с удовольствием купил, но, наверное, без Григория это неудобно... И потом сейчас...

— Удобно, удобно, все удобно, — перебила меня Людмила. — Вы можете купить любую икону, выбирайте, что хотите. Хоть все забирайте. Проходите, смотрите, выбирайте, что вам понравится, а я сейчас, — она пропустила меня в большую комнату, где были сложены иконы, а сама пошла к ребенку, который во время нашего разговора беспрерывно плакал.

Сначала, ничего не трогая, я внимательно осмотрелся. Пелены нигде не было видно. Тогда я стал перебирать сложенные в углу домовые иконы. Они были мне знакомы, и я перекладывал их без всякого интереса. Перебрал их все и хотел уже было браться за большие иконы, когда вошла, наконец, Людмила. Вместо халата на ней было красивое платье, она причесалась и из неприветливой неряшливой женщины превратилась в довольно миловидную молодую блондинку. Правда, несколько вульгарную.

— Ну, выбрали себе что-нибудь? — спросила она.

— Меня интересует только эта вышивка. Вы не поищите ее?

Людмила порылась в шкафу, открыла сервант, заглянула за диван.

— Не видать, — сказала она. — Может быть, среди икон?

Мы перебрали все храмовые иконы, которые я еще не смотрел, но пелены не нашли.

— В другой комнате ее не может быть? — спросил я, не теряя надежды.

— Нет. Туда эту грязь я не допускаю. Сдавалась вам эта вышивка! Возьмите что-нибудь другое. Смотрите, сколько тут этого добра.

— Да, но мне нужна только эта пелена.

— Чего в ней хорошего? Старая, рваная тряпка.

— Разве рваная? — насторожился я.

— Бахромы оборвана. Этот идиот все приставал ко мне, чтобы я ему сделала новые кисточки. Все нитки искал подходящие.

— Да, кистей не хватает на ней. Только я не помню сколько, — говорил я как можно равнодушнее, а сам похолодел от страха. Мне казалось, я выдаю свое волнение и она это чувствует. Когда говоришь убежденно и сам веришь в то, что говоришь, люди невольно поддаются твоей убежденности. Когда же внутри у тебя сомнения и ты только делаешь вид, что убежден в своей правоте, люди это моментально чувствуют.

Однако Людмила ничего, кажется, не заметила.

— Четырех кисточек там не хватает, — сказала она и добавила: — Давайте диван отодвинем, может быть, за диван упала. Один раз у нас так было.

Я бросился ей помогать, но ни за диваном, ни в самом диване мы ничего не нашли. Опять заплакал ребенок. Людмила вышла и вернулась с дочкой на руках.

— Ну что? Будете брать что-нибудь? — Очевидно, я стал ей уже надоедать. — Этот гад уехал и мне ни копейки не оставил. Забирайте хоть все!..

— Нет, спасибо. Вы извините меня за беспокойство, ради бога.

— Ничего не купите? Так я все это выбро-

шу к чертовой матери! Мне давно очертенело это барахло. Пока его нет, возьму и выкину на помойку. Никто не подберет. А с ним, дураком, я все равно жить не буду. Псих настоящий. Он умный, а я дура, не понимаю, что каждая такая икона тысячу стоит. А сам ни разу ни одной штуки не мог продать. Кому они нужны? И в Ленинград возил, и в Архангельск, да все обратно привез. Иностранцы не покупают потому, что вывезти не могут, а русским, видно, они задаром не нужны... Один раз сюда приезжали из Москвы, хотели кое-что взять, так он такие цены заломил, что они смеялись. По пятерке, говорят, за штуку возьмем, да и то не все, а только шесть икон. Не отдал. Наверное, и эту вышивку сейчас с собой взял. Иначе, где же ей быть? Хотите, берите все по пятерке. Но только все, чтоб ни одной не осталось. Можно запаковать и в багаж сдать.

— Понимаете, меня интересовала только та вышивка.

— А сколько бы вы за нее дали?

Я пожал плечами.

— Отдал бы за нее все, что у меня есть с собой. Оставил бы только на дорогу.

— А сколько же у вас есть с собой? — ни чуточки не смущаясь, спросила Людмила.

— Рублей семьдесят — восемьдесят, наверное, — ответил я. А сам подумал: «Может быть, она торгуется? Может быть, пелена у нее, и она хочет продать ее подороже?» Поэтому я спросил на всякий случай: — А вы отдали бы ее за такую цену?

— Конечно, отдала бы, — ответила она. — На кой она мне нужна!

— Скажите, пожалуйста, — спросил я, — вы не помните, что написано на ней с обратной стороны?

— Я не читала, — ответила Людмила, покачивая дочку из стороны в сторону. — Там ведь по-старинному написано. Знаю только, написано что-то про Строгановых.

— Жаль, что мы ее не нашли...

— Да он взял ее с собой, это точно. Икон не повез, с маленьким чемоданчиком поехал, а ее взял. Куда же ей еще деться? Все время здесь валялась.

— Тогда, может быть, еще не все для меня потеряно, — сказал я совершенно искренне. — Он должен мне позвонить. Да я и сам его могу найти в Ленинграде. Я буду там завтра.

— Передайте ему, что он может сюда не приезжать. Пусть едет к своей дорогой мамочке. Это такой гад, с которым жить невозможно. Тихая сволочь, все исподтишка, точно, как его мамочка. Кулаки проклятые! Все деньги копит, по рублю собирает. Мотоцикл с коляской купил — мало ему! Теперь «Жигули» ему нужны. На «Жигули» копит. У ребенка одеяльца теплого нет, стыдно на улицу выйти. Я уже не го-

ворю про себя. За два года, что мы живем с ним, один халат только мне купил к свадьбе, больше ничего. Приедет, я ему дверь не открою. Пусть убирается к своей мамочке. А иконы выкину. Сволочь проклятая!

— Ну зачем же так... Я надеюсь, у вас все наладится. У вас семья, дочь, об этом нельзя забывать, — я уже направился к двери и тут решил сделать последний ход. — До свиданья, — сказал я, — еще раз извините меня за вторжение. Кстати, вы так и не нашли подходящих ниток, чтобы сделать эти недостающие четыре кисти? А то дали бы их мне, я бы сам починил в Ленинграде.

— Я и не искала, — ответила она сердито, — нужно мне очень!

— А как они оборвались, в одном месте где-то или по одной?

— С правой стороны. Первая кисточка и потом еще три.

Когда я вернулся в Ленинград, у меня осталось еще четыре дня отпуска, и я решил, не откладывая, на следующий же день начать поиски Адарова. Однако разыскивать мне его не пришлось. Утром он сам позвонил, осведомился, доволен ли я своим путешествием, спросил о здоровье. Я пригласил его в гости, пригласил приехать прямо сейчас, обещая показать свои коллекции и ссылаясь на то, что, когда я выйду на работу, нам уже труднее будет встретиться...

Адаров пришел. Обычно приветливая к гостям, Оладья набросилась на него, как на самого лютого врага. Я еле успел схватить ее за ошейник. Никогда с ней такого не было.

— Ее можно простить, — сказал я напуганному Григорию, — она ждет щенков, поэтому и нервничает.

Провел Адарова в кабинет, усадил в старинное кресло и зажег перед ним спиртовку кофеварки, постоянно стоящей у меня на подносе и всегда готовой к приему гостей. Но сидеть он не стал, сразу принялся с интересом рассматривать картины, мебель, бронзу и портреты, экспозицию финифти и мелкой пластики, словом, все, что составляло кабинет деда, потом отца, а теперь мой кабинет. Невольно пришлось стать гидом. Надо сказать, я не люблю быть гидом в своей собственной квартире. Особенно при таких гостях, как Адаров, которые старинную бронзу могут назвать латунью, а фаянс — фарфором. Если предметы искусства сами по себе ничего не говорят человеку, то никакой экскурсовод здесь не поможет. Можно объяснить, что бронза это не латунь, можно растолковать разницу между фарфором и фаянсом, но ни один экскурсовод в мире не способен «объяснить» произведение искусства. В лучшем случае, человек может рассказать о своем восприятии этого произ-

ведения или, как чаще бывает, воспроизвести чьи-то чужие представления, передать чужие идеи. Искусство тем и сильно, что в каждом из нас порождает свои собственные, единственные и неповторимые, мысли и чувства. Хотелось бы знать, какие же эмоции пробуждают в душе Адарова его иконы? Если человек собирает именно такую живопись, такие произведения изобразительного искусства, значит, они что-то говорят его душе. Неужели можно заниматься этим только ради денег?

— Мебель у вас красивая. Старинная, — заметил Григорий, оглядываясь по сторонам. — Теперь старинная мебель в моде. Я был в комиссии на Разъезжей. Что там делается! Все скупают. Вы, я гляжу, от моды не отстаёте.

Не просто подавить возникшее в тебе чувство, когда слышишь такое. Но тем не менее я ответил спокойно:

— Эта мебель стоит тут с начала прошлого века. Я ее только реставрировал. Так что мода здесь совершенно ни при чем. Мода — всегда пошлость.

— А это кто? — ткнул он пальцем в портрет.

— Эрве Д. Француз. Эмигрант времен французской революции. От него и пошли все Д.

— А... А это?

— Это мой дед, художник Сергей Сергеевич Д.

— Тот самый? Знаменитый?

Я промолчал.

— А кто его рисовал? — опять спросил Григорий.

— Портрет работы Лансере...

С портретов мы не перешли на бронзу или миниатюры, как это можно было бы ожидать. Григорий просто тыкал пальцем во все подряд, без всякого разбора, и я очень обрадовался, когда в кофеварке начало булькать и сквозь ее стеклянную крышечку стало видно, что кофе почернел.

— Кофе готов, давайте выпьем кофе, — предложил я и, не дожидаясь его согласия, стал накрывать на стол. Мне удалось усадить его, сунуть ему в руки хрупкую чашечку и направить разговор в нужное мне русло.

— Вы знаете, Григорий Петрович, я все не могу забыть вашу пелену «Богоматерь Владимирская». Какая прекрасная, какая удивительная вещь! Где она теперь?

— Дома. Где же ей быть? — ответил он и добавил: — Над диваном висит.

— Очень жалею, что не рассмотрел ее как следует, не прочитал надписей. Вернее, прочитал, но не до конца. По низу там, кажется, написано крупно «Владимирская Богоматерь?»

— Наоборот: «Богоматерь Владимирская».

— Ну да, конечно, «Богоматерь Владимирская». А вот что там было написано с обратной стороны, я не успел прочитать, вы так бы-

стро свернули пелену... Помню только: «Андрея Семеновича и Дмитрия Андреевича Строгановых». Дата там есть какая-нибудь?

И он попался на мою удочку.

— Там написано так: «Дар Андрея Семеновича и Дмитрия Андреевича Строгановых собору Благовещения». А даты никакой не стоит.

Все. Притворяться, слава богу, больше было не надо. Я мог открыть карты.

— Давайте я вам еще налью, — я взял у него чашечку, наполнил ее крепким кофе и передал обратно. — Пожалуйста. Теперь я прошу вас, Григорий Петрович, — начал я, — внимательно выслушать меня. Дело очень серьезное, вы даже представить себе не можете, насколько это серьезно... Так вот, слушайте. Ваша пелена почти три года назад украдена из Сольвычегодского музея. Она оценена более чем в пятьдесят тысяч рублей, и, стало быть, воровство ее расценивается как крупное государственное хищение, как особо тяжкое преступление, которое наказывается высшей мерой. Вы об этом не знали, а я узнал случайно, попав в музей. Теперь я вам об этом сообщаю. Вы понимаете?.. Что нам остается делать? Наш долг, как мне думается, ваш и мой, вернуть эту пелену музею. Мы обязаны так поступить и в силу существующих законов. Ведь хранение краденного тоже считается преступлением, если не ошибаюсь. Так или иначе, «Богоматерь Владимирскую» придется срочно вернуть.

Я говорил это, а сам следил за выражением его лица. Не могу сказать, чтобы оно изменилось. Адаров не вздрогнул, не побледнел и не покраснел, как описывается в романах в подобных случаях. Глаза его ничего не выразили, кроме удивления. Он удивился. И не сразу нашел, что ответить.

— Вранье, — наконец, проговорил он. — Кто вам это сказал?

— Нет, не вранье. Дело в том, что украденная пелена имела особые приметы, кстати, хорошо известные милиции. Мне о них рассказали в музее. Этих примет две: надпись с обратной стороны — «Дар Андрея Семеновича и Дмитрия Андреевича Строгановых собору Благовещения», а вторая примета заключается в отсутствии с низу пелены четырех кистей, самой крайней справа и через две кисточки еще трех. Что вы на это скажете?

— Все точно, — еще более удивился Адаров, — но все-таки мне не верится. Не может быть! Моя пелена из бабкиного сундука. Она пролежала там сто лет. Я же вам говорил про старуху.

— Говорили. Я думаю, что здесь-то как раз и таится какая-то ошибка. Мы не знаем, как и когда попала пелена в сундук. Пьяница, продавший ее, мог напутать или выдумать, что она пролежала там сто лет. Я об этом много думал. Тут может

быть тысяча самых неожиданных вариантов. Представьте себе хотя бы один из них. Какие-нибудь мальчишки, подростки из озорства украли «Богоматерь Владимирскую» из музея. Украсть ее, видимо, было несложно. Музей велик, пустынен и не охраняется так, как Эрмитаж, где в каждом зале сидит дежурная. В Сольвычегодском музее всего одна охранница, она же научный сотрудник. Пелена не картина в раме и не икона, писанная на доске. Свернул ее трубочкой — и под рубашку. Так вот, украли ее мальчишки из баловства, а куда деть не знают. Принесли и отдали бабушке. Или просто бросили, а бабушка подобрала и в сундук. Могло так быть?

— Могло, — согласился Григорий.

— Вот. А могло быть и иначе. Мы не знаем, как это случилось, но факт остается фактом: ваша пелена три года назад украдена из музея.

— Что же теперь делать? Вы сообщили об этом кому-нибудь? — растерянно спросил он.

— Нет, не сообщал. Хотел было рассказать директору музея, да не понравился он мне. Решил сначала поговорить с вами.

— Правильно сделали. Спасибо. Мы сами разберемся.

— Это еще не все.

Он молча смотрел на меня тяжелым взглядом.

— Вчера я был у вас дома, — продолжал я, — Людмила не нашла пелены.

Если бы он не поторопился, я бы рассказал ему, что его жена очень сердита на него, говорит, что жить с ним больше не будет, и хотела продать мне все иконы, в том числе и пелену. Но он перебил меня вопросом, который меня моментально опять насторожил.

— Она в комнату вас пустила? — спросил он.

— Нет, — соврал я, — она была не очень-то любезной. Мы разговаривали с ней в прихожей.

— И долго она искала пелену?

— Не очень.

— Молодец Людмила, — улыбнулся он. — Я ей запретил в мое отсутствие что-нибудь показывать людям. Я ей сказал: «Кто бы ни пришел, никому ничего не показывай и в комнату не пускай». На стене висит Богоматерь-то, над диваном. Сейчас к нам много ездят разных... Как узнают о моей коллекции, так сразу лезут прямо к нам домой. Не спросясь. И все норовят купить чего-нибудь по дешевке или даже даром выманить... Так как же мы будем действовать? — перешел он к делу. — Что вы мне посоветуете?

— Как только вернетесь домой, сразу поезжайте в музей и отнесите пелену. Там есть такой Иван Игнатьевич Портнов, директор музея, суровый мужчина, но вы его не бойтесь, расскажите все как есть. Если он в порядке благодарности потянет вас в милицию, не смущайтесь, дайте показания и в милиции. Я думаю, в итоге

они должны вас как-то поощрить. Скажем, денежную премию выдать.

На этом мы и порешили. Я попросил Григория оставить свой адрес, но он сказал, что еще не устроился в общежитие и будет знать свой адрес только к вечеру. Он обещал звонить и до отъезда еще обязательно зайти (последний экзамен у него был через три дня). Да-да, конечно, он подробно опишет мне, как окончится эта история.

Мы пожали друг другу руки.

Он ушел, а я сел и стал думать. Почему он лжет?! Почему он говорит, что пелена висит над диваном? Зачем ему это? Видимо, нельзя верить ни одному его слову. Пелена у него с собой, иначе быть не может.

Сначала я позвонил своему другу Васе Котлярову, бывшему моему однокурснику. Теперь он проректор Политехнического по заочному обучению.

— Вася, — сказал я ему, — у меня очень важное дело к тебе. Я потом тебе все объясню, а пока срочно надо узнать следующее: первое — где живет студент-заочник третьего курса Григорий Петрович Адаров; второе — какие у него остались экзамены, когда и где он их сдает. Погоди минутку... Да. Пока все. Очень срочно, и так, чтобы он ничего не знал. Сколько тебе надо на это времени?

Вася хохотал.

— Ты что, переходишь в частные детективы?

— Почти угадал, — сказал я. — Не смейся, дело серьезное. Преступление, и не простое, а особо тяжкое.

— Если серьезное, то ты и отнесись к нему серьезно. Прежде всего иди в милицию. О преступлении немедленно надо сообщить. Ты знаешь, что такое «недонесение»?

— Нет, не знаю, — сказал я.

— Вот! А я знаю. Немедленно иди в милицию.

— Я так и думаю сделать, но мне сначала надо еще кое-что уточнить.

— Ладно, — согласился он, — повтори, я запишу.

Я повторил, он записал и сказал, что позвонит мне через минут двадцать — тридцать. В ожидании звонка я успел вымыть чашки, убрать со стола посуду и переодеться. Вася еще не звонил, и я решил посмотреть «Уголовный кодекс».

Порывшись в книгах, «Уголовного кодекса» я не нашел, не было его в нашем доме. Тогда я раскрыл энциклопедию на слове «недонесение» и прочитал следующее: «По советскому праву несообщение органам власти о достоверно известном готовящемся или совершенном преступлении. Н. представляет собой бездействие, пас-

сивное поведение, в отличие от укрывательства (см.), которое выражается в активных действиях (сокрытие преступника или следов преступления). Если Н. заранее обещано преступнику, оно приобретает черты пособничества и рассматривается как соучастие в преступлении».

Все это не имело прямого отношения к делу. Но вот дальше: «...Президиум Верховного Совета СССР (указ от 4 мая 1947 г.) установил ответственность за Н. о разбое и особо тяжких случаях хищения социалистической собственности».

Вот это уже как раз наш случай. «Особо тяжкое хищение».

Надо идти в милицию. Но прежде я найду Адарова и скажу ему так: «Или мы идем в милицию вместе и отдаем пелену, или я иду один». Пусть выберет.

Наконец зазвонил телефон.

— Ну вот, — сказал Котляров, — записывай. Адаров Григорий Петрович, студент-заочник третьего курса гидрологического факультета. Живет два дня в общежитии студгородка. (Я так и думал!) Измайловский проезд, дом 16, корпус 9, комната 341. Сдаёт два экзамена. Позавчера сдал политекономию и сегодня сдаёт гидросооружения.

— Когда и где?

— На кафедре. В главном корпусе. Начало в двенадцать часов. Начали уже.

— И больше у него экзаменов нет?

— Больше нет.

(И это следовало ожидать!)

— Послушай, в чем дело? — закричал вдруг Вася. — Ты можешь мне сказать, хоть в двух словах? Я же знаю тебя — дурака, донкихота! Обязательно чего-нибудь наколбасишь. Что это за тяжкое преступление? И что тебе там надо?!

— Вася, Вася... — поддразнивал я его. — Проректору не к лицу так волноваться. И потом, что за тон, что за жаргон? Приходи ко мне вечером, я тебе все расскажу. Прямо сюжет для детективного романа.

— Слушай, брось ты ерундить, — захлебывался от волнения мой друг. — Я тебе приказываю, слышишь, приказываю немедленно приехать ко мне. К тому же речь идет о нашем студенте. Понял? Я тебя жду.

— Да, — сказал я, — как раз я сейчас еду в институт.

Одев плащ и старую кепку, я вышел на улицу.

Однако к проректору я не попал. Не успел еще подойти к институту, как увидел выходящего из него Адарова. Отвернувшись, я поднял воротник плаща. Григорий зашагал к станции метро. Я за ним. Понимая, что занимаюсь всего лишь игрой, я, тем не менее, не мог отказать себе в этом удовольствии. Так уж, видимо, устроен человек. Я вспомнил, что еще Шиллер говорил: «Человек играет только тогда, когда он в

полном значении этого слова человек, и он бывает вполне человеком лишь тогда, когда играет». Парадоксально? Может быть. Но к данному случаю подходило.

Я проследовал на некотором расстоянии за Григорием: Адаров спустился в метро и доехал до станции «Парк Победы». Поднявшись наверх, он направился к студгородку. Когда он собирался уже толкнуть стеклянную входную дверь, я окликнул его.

Адаров обернулся, и я не узнал его: увидел совсем другое лицо, лицо, перекошенное злобой, оскаленное, жестокое.

— Чего тебе надо? — медленно, сквозь зубы, проговорил он, когда я подошел.

— Хочу поговорить.

Он минутку подумал и спросил:

— Паспорт у тебя есть?

— Есть. А зачем он?

Григорий кивнул в сторону корпуса.

— Не пустят без паспорта.

Когда мы подошли к дежурной, он сказал, что я иду заниматься. Дежурная отобрала мой паспорт, и мы оказались в лифте. Ехали молча. Лифт остановился на десятом этаже. Пропустив меня вперед, Григорий хлопнул железной дверью и пошел по коридору. Я последовал за ним. В комнате номер 341, которую он открыл, никого не было. Он сел на кровать, я на другую — напротив него.

— Ну что? Что тебе надо, сука?! — проговорил он угрожающе. В сузившихся глазах жгучая ненависть.

Игра кончилась. Мне стало не по себе. И он это видел.

— Где пелена? — спросил я твердым голосом, не очень-то веря в свое спокойствие и мужество.

— Зачем тебе?

— Или пелена, или милиция, — с трудом выдал я из себя, хотя фраза была заготовлена совсем другая и смысл ее должен быть иной.

— Я ее продал.

— Продал?! Кому? За сколько?

— За пятьсот. Где ты был раньше, сука, со своими пятидесятью тысячами?!.. Могу дать тебе двести.

— Мы должны получить ее обратно. Деньги при вас?

— Возьми половину, — сказал он.

— Я иду в милицию.

— И не бойшься? Я ведь не один...

— Не понимаю вас, — пожал я плечами. — Я предлагаю вам вернуть пелену, выкупить ее обратно. В этом единственное ваше спасение, а вы сами лезете в петлю.

— Не понимаешь? Ты все понимаешь, гад. Хочешь быть чистеньким. Тебе почет и уважение, а мне вышка?! Этого не будет, учти. Я таких... Пусть я сам... Но и тебя... Мне уже терять нечего.

Вспоминая потом эту сцену, я удивлялся себе: почему я и в тот момент ничего не понял? Видимо, его рассказ о том, как досталась ему «Богоматерь Владимирская», рассказ, снабженный такими точными деталями, как бабушкин сундук, «тряпочка» и бутылка красного, настолько прочно засели в моем сознании, что я не мог уже подумать о другом способе приобретения пелены.

— Вы напрасно так волнуетесь, — сказал я, — и, главное, из-за чего? Из-за денег. Не было этих денег и не надо!

— Ну ладно, — сказал он. — Если ты такой добрый, поедем. Может, и вернут по-хорошему. Сейчас он как раз там.

Мы спустились на лифте вниз, я забрал свой паспорт, и мы вышли.

— Куда мы едем? — спросил я, когда мы зашагали от общежития к метро.

— В магазин «Бронза», — буркнул Адаров.

В метро мы не могли разговаривать, но когда вышли на Невский, я попытался узнать: кому он продал пелену и можем ли мы получить ее обратно прямо сегодня, сейчас. Но Григорий упорно и зло молчал. Разозлился и я. Разозлился на себя. На кой черт мне все это надо! Я рад уже был плюнуть на него и идти прямо в милицию, но тут мы пришли.

В антикварном магазине «Бронза» народу собралось много, магазин битком был набит. К прилавку не подойти. Люди смотрели на статуэтки, подсвечники, шандалы, лампы, рамки для портретов и на самые различные предметы, начиная от маленькой пепельницы и кончая огромными каминными часами. Смотрели через головы других и, увидев понравившуюся вещь, пробивались вперед, вставали у прилавка во второй ряд и терпеливо ждали, пока очередной счастливец, держа свою бронзу над головой, не отойдет от прилавка. Тогда на его место пытались встать сразу двое, и одному из них это удавалось. Они громко переговаривались на английском, французском и немецком языках, но чаще всего здесь слышалась финская речь.

Григорий огляделся и подошел к парню, стоящему налево от входа в магазин, там, где на полу были свалены люстры и народа толпилось поменьше.

Я услышал, как он тихонько спросил у парня:

— Где Сережа?

Парень презрительно оглядел его и ответил громко и развязно:

— Покупает себе носки в желтую полоску.

Мы вышли, перешли улицу и вошли в Гостиный двор. Бесцеремонно расталкивая посетителей, Григорий прошел отдел игрушек, отделы детской обуви и одежды и остановился перед галантереей. Тут он показал на группу мужчин

из четырех человек, стоящую в конце прилавка, там, где не было покупателей.

— Вот тот, толстый, — сказал Адаров. — Сережа его зовут. Иди.

— А вы что, не подойдете?

— Здесь постою. Вчера я ему продал. За пятьсот. Иди, — и он подтолкнул меня плечом.

— Пойдемте вместе, — я боялся, что он сбегит.

— Иди, говорю. Так лучше.

Я подошел к тем четверем и остановился около них. Указанный мне человек замолчал, и все четверо молча уставились на меня.

— Можно с вами поговорить? — обратился я к полному и, как оказалось, молодому еще человеку. Ему было около тридцати, не больше. Одет он был в сшитый по его фигуре джинсовый костюм. Холеное, неподвижное лицо, пронизательные глаза умного и уверенного в себе человека. Весь его облик внушал ощущение силы, воли и авторитета. Так мог бы выглядеть руководитель крупного строительства, директор завода, начальник какого-нибудь геологического управления или кинорежиссер, наконец.

— Пожалуйста, — ответил он, ничуть не удивившись, словно он здесь только для того, чтобы отвечать на вопросы покупателей.

Трое остальных тоже спокойно смотрели на меня, но в их взгляде можно было прочесть застенчивое любопытство. Широкое же лицо Сережи выглядело совершенно непроницаемым.

— Мне кажется, нам лучше поговорить вдвоем, — сказал я.

Он сделал небрежный жест, просто повел в сторону кистью руки, и стоявшие около нас трое людей моментально отошли и остановились в сторонке. Оглянувшись на вход в галантерейный отдел, я увидел, что Адарова там уже нет. «Ну и черт с ним, — подумал я, — это к лучшему. Может быть, мне и не начинать разговора с этим «Сережей»? Ничего хорошего он не сулит». Но тот ждал, и мне пришлось сказать:

— Я хочу поговорить с вами о «Богоматери Владимирской».

— О!.. — слегка иронически улыбнулся Сережа. — Обожаю такие темы.

— Строгановская пелена семнадцатого века, которую вы вчера купили, краденая. Ее украли из музея Сольвычегодска. Надо ее вернуть.

— Вот те на! — сказал Сережа. — Вот и верь людям после этого. Какая неприятность... — сокрушенно покачал он головой. Я краденое не покупаю. Нет, нет... Что же теперь делать? Вы хотите ее купить?

— Я хочу выкупить ее и вернуть музею.

Тут я увидел, что к нам подходит Адаров в сопровождении двух парней. Один из них был тот, которого мы видели в магазине «Бронза». Парни шли по бокам Григория и немного сзади. Вид у него был растерянный.

Сереза подождал, пока Адаров подойдет, и затем сказал ему:

— Молодой человек утверждает, что вы продали мне краденую вещь. А я ведь краденое не покупаю. Я антиквар, а не перекупщик.

Подошли и встали рядом те трое.

— Молодой человек, — спокойно продолжал говорить Сереза, — видимо, ваш знакомый. Он хочет вернуть эту вещь в музей. Ну что ж... Я пойду вам навстречу. Деньги у вас с собой? — обратился он ко мне.

— Деньги у него, — кивнул я на Адарова.

— Вот как? Деньги у вас? — повернулся он к Григорию.

— Деньги у меня дома, — сказал тот.

Сереза улыбнулся, улыбнулся снисходительно, как улыбаются малым детям.

— Это не беда, — обратился он ко мне. — Мы сейчас возьмем такси, заедем за деньгами, а потом я съезжу к себе и привезу вам эту пелену. Избави бог от таких неприятностей.

— А не лучше ли, — в тон ему сказал я, — нам встретиться завтра? Мне уже пора... Скажем, здесь же и в это же время?

— Прекрасно, — ответил Сереза. Он сделался самым добродушным.

— Завтра так завтра. Давайте встретимся здесь в это же время. Вы ничего не имеете против? — повернулся Сереза к Адарову.

Тот не ответил.

— Договорились, — сказал я.

— Ну вот и хорошо.

Я уже не рад был, что начал этот разговор, что ввязался в эту гнусную историю, жалел, что не пошел в милицию сразу из дома, и у меня в этот момент было единственное желание — выбраться поскорее из этой компании.

Никто меня не задерживал. Сереза вежливо и с достоинством поклонился, парни расступились. Я посмотрел на Адарова, но он отвел глаза.

— До свиданья, до завтра, — сказал я.

— Всего хорошего, — ответил за всех Сереза.

Я вышел на улицу и пошел по Садовой вдоль Гостиного двора. «Пойду в нашу районную милицию, она ближе», — подумал я.

Пока я дошел до Невского, позади меня в галерее Гостиного двора мелькнули парни из окружения Серезы. Мне так хотелось поскорее избавиться от них, что я тут же нырнул в подземный переход и, выйдя из него на другой стороне Невского, стал возле милиционера. Убедившись, что никто за мной не следит, я зашагал в сторону милиции.

Но через несколько минут, у ресторана «Нева», меня нагнал Адаров.

— Мы договорились, — сказал он, — все в

порядке. Сережа хочет от нее поскорее избавиться. Через два часа я могу тебе ее отдать.

И снова передо мною стоял совсем иной человек. Теперь он был жалким, беспомощным, с бегающими глазами и трясущимися руками. «Вот что может сделать с человеком жадность, — подумал я. — Неужели потеря денег, денег не своих — чужих, не принадлежащих тебе, может привести человека в такое состояние?»

А ему я сказал:

— Хорошо. Но зачем так волноваться? Вы ее принесете, мы вместе пойдем и сдадим ее в милицию. И все. Вы понимаете? Все! Все волнения и страсти кончаются. Уверяю вас, вы почувствуете большое облегчение, когда снимете этот камень с души.

— Ты сейчас куда шел? — спросил он.

— Я шел в милицию. Но теперь не пойду, подожду вас. Видимо, есть смысл поехать вместе.

— А сейчас куда пойдешь?

Я на секунду задумался.

— Наверное, домой пойду.

— Никуда заходить не будешь?

— Разве что в магазин, жена просила мяса купить.

— Ты мне скажи точно, ты никому не говорил про эту вещь?

— Да что вы волнуетесь? Никому и ничего я пока не говорил.

— А жене?

— И жена ничего не знает, успокойтесь. Вчера не успели поговорить, а утром она убежала на работу.

— Ну, смотри! Я честно, и ты честно.

— Мне этого не надо говорить, Григорий. Но только я не понимаю, к чему весь этот разговор? Допустим, жена знала об этом, ну и что?! Нам же все равно придется все рассказать.

— Ну ладно, ладно... Мы договоримся. В общем, через два часа, не позже, я ее привезу. Только ты жди дома и никуда не уходи, — он повернулся и быстро пошел в сторону метро.

Стоя в очереди за мясом, а потом в кассу, я обдумывал ситуацию. Похоже, он хочет отдать мне пелену в награду за молчание. Но ведь это не пройдет. Рассказать придется все. Как это ни неприятно, но в присутствии Адарова придется рассказать или написать и о том, что пелена была уже продана и потом ее пришлось выкупать. Придется сказать и о том, кому она была продана и за сколько. Милиция безусловно заинтересуется Сережей и его компанией. Сереже, наверное, ничего не грозит, ведь, узнав, что она краденая, он сразу согласился ее вернуть. Адаров также не знал, что она краденая. Ни того, ни другого не обвинишь в укрывательстве и перекупке краденого. Надо втолковать это Адарову. Он все время что-то хитрит, а здесь нужно выложить все начистоту, как есть, без утайки.

Смогу ли я внушить ему это? Здесь нужен напор и железная логика Васи Котлярова. А что, если, действительно, пригласить для этого разговора Васю?

И я решил, как только приду домой, позвонить Котлярову, попросить его отложить все дела и срочно приехать ко мне. В присутствии Адарова надо будет все ему рассказать. Страхи Адарова пусты и необоснованы. Вася же даст нам хороший совет и, если понадобится, будет свидетелем при сдаче пелены в милицию.

Ободренный этими мыслями, я зашагал по Невскому и вскоре свернул на канал Грибоедова, к своему дому. Впереди в лучах весеннего солнца сверкал Спас на крови. Хотя в этом храме и нет чистоты архитектурных форм, хотя весь он только подделка под древнюю Русь, все равно мне всегда доставляет удовольствие смотреть на эти яркие, сочные краски мозаик, на знакомые с детства контуры, на отраженные в воде канала пестрые купола.

Возле нашего дома только что расковыряли асфальт, и обнажилась длинная полоса замусоренной земли. «Надо вывести сюда погулять Оладью», — подумал я. Ходить с собакой нам приходится очень далеко — всюду асфальт. В сквере же, на площади Искусств, гулять с собаками не разрешают.

Пройдя под аркой во двор, я вошел в наш темный подъезд и только нащупал рукой перила, как почувствовал удар в спину и острую боль в груди. Хотел крикнуть, но не мог набрать в себя воздуха. Сознание померкло, и я упал.

Вот и вся история. Я получил ножевое ранение в левое легкое, но, как видите, выжил. Спасло меня, вероятно, то, что не было задето сердце, и то, что я был очень быстро обнаружен и доставлен в больницу. Там я пробыл без малого три месяца и, можно сказать, из больницы попал прямо на суд.

Не хочется мне вспоминать об этом суде. Но каждому рассказу нужна развязка, и вот, в качестве развязки, приведу здесь приговор — с некоторыми сокращениями, касающимися лишь юридических тонкостей.

ПРИГОВОР

Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики

28 декабря 1972 года выездная сессия Архангельского областного суда в составе... рассмотрев на открытом заседании дело по обвинению АДАРОВА Григория Петровича, 18.01.1944 года рождения, уроженца дер. Лохта Котласского района Архангельской области, русского, б/п,

образование неполное высшее, женатого, ранее судимого 2.IV.63 по ст. 206 ч. II УК РСФСР к двум годам л/свободы, неотбытое наказание 7 мес. 14 дней исправительных работ, работавшего в должности инженера по очистке вод на целлюлозно-бумажном комбинате Коряжмы, проживающего в пос. Коряжма, ул. Онежская, д. 33, кв. 27, по ст. 93—I и ст. 15—103 УК РСФСР; проверив материалы дела, выслушав подсудимого, потерпевшего, свидетелей, речи прокурора и адвоката, суд

УСТАНОВИЛ:

Адаров виновен в том, что 14 июля 1969 года похитил из историко-художественного музея г. Сольвычегодска памятник древнерусского искусства строгановскую пелену «Богоматерь Владимирская», имеющую стоимость не менее, чем 50 тысяч рублей.

Адаров виновен в том, что 8 мая 1972 года покушался на убийство гражданина Д., умышленно нанеся ему удар ножом в спину в подъезде дома № 8 по каналу Грибоедова г. Ленинграда.

По предъявленному обвинению в совершении преступлений по ст. 93—I и ст. 15—103 УК РСФСР подсудимый Адаров признал себя виновным.

В 1966 году Адаров стал собирать русские иконы после того, как познакомился в г. Архангельске с художником Курбатовым В. И. и, увидев его коллекцию, узнал, что старинные иконы могут представлять из себя большую материальную ценность. Иконы Адаров привозил из служебных поездок по области. На основании показаний свидетелей — жены подсудимого — Адаровой Л. Н., соседки по квартире — Смрагдовой Л. В. и художника Д. — установлено, что Адаров не интересовался художественными достоинствами икон, не разбирался в истории древнерусской живописи, а был заинтересован только их стоимостью. Адаров не раз пытался продавать иконы, для чего вывозил их в Архангельск и Ленинград, но из показаний Адаровой Л. Н. и Тихоновой Н. А. стало известно, что часть икон Адаров привозил обратно. При аресте Адарова было изъято 38 икон. Среди них не оказалось ни одной, представляющей собой художественную ценность.

14 июля 1969 года Адаров отправился по делам службы на катере в район Сольвычегодска и в этот же день осуществил похищение пелены «Богоматерь Владимирская» из историко-художественного музея г. Сольвычегодска... Как установлено следствием, воспользовавшись отсутствием в зале дежурной, Адаров пальцем отогнул медные скобки, которые скрепляли пелену с покрывающим ее стеклом, вытащил пелену

из-под стекла, не снимая его со стены. Пропажа была обнаружена дежурной Поповой Р. ^ТА. только во время вечернего обхода музея.

Вина подсудимого подтверждается показаниями свидетелей Поповой Р. А., Степановой Н. Б. и Тамаковой Р. Г.

...Материалы следствия, в частности показания свидетелей Котлярова В. А. и Прохоровой А. И., подтверждают, что Адаров действовал по хорошо разработанному и заранее продуманному плану. Считая, что он убил Д. и тем самым избавился от единственного свидетеля своего преступления, Адаров тут же на метро доехал до своего общежития (Измайловский проезд, дом 16, корп. 9), влез в окно уборной первого этажа, поднялся по черной лестнице к себе в комнату № 341 и разбил оконное стекло. Приблизительно через час в присутствии коменданта Прохоровой А. И. был составлен акт о разбитом стекле, в котором Адарову удалось обозначить время покушения его на Д., т. е. проставить время пятнадцать часов тридцать минут, хотя на самом деле стекло было разбито около шестнадцати часов. Этим самым Адаров пытался создать себе алиби. Адаров, заплатив штраф, рассчитался с общежитием и в тот же день уехал из Ленинграда. В начале следствия Адаров отрицал попытку убить Д., ибо не знал еще, что Д. остался жив. Когда же Д. смог дать подробные свидетельские показания и была проведена очная ставка Адарова с Д., он вынужден был под давлением улик сознаться в покушении на убийство...

Обсуждая вопрос о мере наказания в отношении подсудимого, суд учитывает содеянное — тяжесть и опасность совершенных им преступлений, а также личность его (ранее отбывал наказание в местах заключения, но правильных выводов для себя не сделал). Учитывая изложенное и руководствуясь ст. 303—817 УК РСФСР, суд

ПРИГОВОРИЛ:

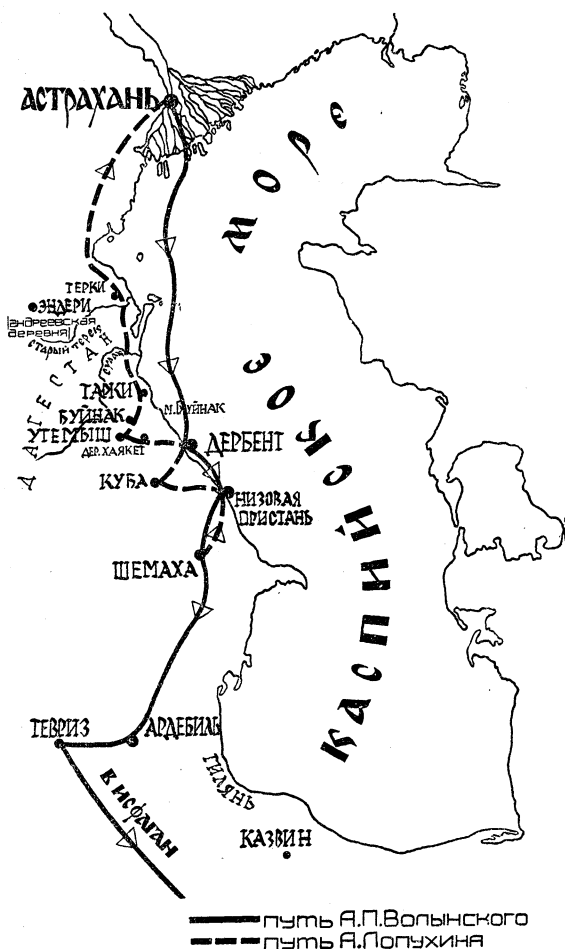
Признать Адарова Григория Петровича виновным по ст. 93—I и по ст. 15—103 УК РСФСР и определить ему по совокупности наказания в виде тринадцати лет лишения свободы с отбыванием в исправительно-трудовой колонии строгого режима...

Уголовное дело гр. Д., обвиняемого в попытке недонесения о совершении тяжкого преступления, за отсутствием состава преступления прекратить и передать его в товарищеский суд по месту работы.

Народный судья
Народные заседатели
Секретарь

Путешествие в Персиду

**Екатерина
КНЯЖЕЦКАЯ**

В мае 1715 г. был подписан царский указ о посольстве в Персию во главе с подполковником Артемием Петровичем Волюнским. «Вечный мир», недавно заключенный Россией и Турцией, был явно не прочным. Петр I опасался, что в случае войны персидское правительство согласится пропустить турецкие войска через свою, пограничную с Россией, территорию. Кроме выполнения важных дипломатических поручений, послу следовало принять меры для расширения русской торговли с Персией и попытаться завязать торговые отношения с Индией через персидские земли.

Путешествие посольства продолжалось три года. Оно описано тремя его участниками — послом А. П. Волюнским, врачом шотландцем Джоном Беллом и офицером Преображенского полка Андреяном Ивановичем Лопухиным.

Посольство состояло из семидесяти одного человека. При Волюнском находились два секретаря-иностранца — ученый-философ немец Венигеркинд и француз де Виллет.

Отчет посла А. П. Волюнского

В одном из московских архивов хранится огромный фолиант — журнал посла Волюнского. Значительную его часть составляет «Описание Персии» — яркая картина упадка и разрухи в Персидском государстве. Подробно описано экономическое, политическое и военное состояние Персии. В обнищании страны Волюнский винит нечестных, продажных управителей, которые заботятся только о своей, а не о государственной пользе. Народ озлоблен, не питает никакого уважения к шаху, «власть которого в одном титуле, а не в действе».

Волюнский перечисляет, какие товары следует отправлять из Персии в Россию: шелк-сырец, хлопчатую бумагу, парчу шелковую и бумажную, овчинки, кофе, пшено, фрукты. Из России в Персию с успехом можно вывозить: сукно голландское, кружева серебряные и нитяные, позументы, полотно, крашенину¹, иглы, писчую бумагу, кожи телячьи, меха белки, горноста, соболя, а также заповедные товары — сталь, железо, медь, олово, свинец.

Ярко обрисована Волюнским полная несостоятельность шахского правительства. Когда в 1717 г. подняли восстание афганцы, шах Гуссейн послал указы ханам всех провинций собирать войска. Одновременно шах решил выяснить, сколько денег в государственной казне и сам направился в казначейство. Оказалось, что там вместо золота и серебра — пустые стены. Шах велел все свои золотые и серебряные вещи перелить в монеты. Этого оказалось недостаточно. Тогда с гробов шаха Аббаса II, шахов Софи и Сулеймана сняли все золото, то же сделали с обрядовой утварью.

Интересно описано состояние вооружения страны. В столице стоит около ста старинных пушек, из которых «лет сто стрельбы не бывало». Лафеты у них не по размерам, некоторые пушки стоят не на колесах, а на обрубах бревен. Зато к приезду русского посла шах велел вызолотить пушки сусальным золотом или покрыть их серебром, либо расписать красками. «Персиане никакого искусства в артиллерии

¹ Крашенина — крашеный холст, обычно синий.

не имеют... в два года я не слышал ни единого выстрела пушечного...»

Вольнский перечисляет персидские города, через которые проезжало посольство, кратко описывает их местоположение, указывает количество населения, его занятия.

«Описание Персии» составлено Вольнским в ответ на инструкцию, полученную им от царя Петра I. Это официальный документ, написанный по пунктам в форме отчета.

Рассказ Джона Белла

Совершенно другой характер имеет описание путешествия в Персию, составленное Джоном Беллом. Записки шотландского врача полны красочных описаний природы, быта и обычаев населения. Джона Белла поразила необычайная роскошь шахского двора, он хорошо передал экзотику Востока.

Книга Джона Белла была напечатана в Англии в 1736 году и во Франции в 1766 году. В России она была издана позже, в 1776 году в переводе Михаила Волкова. Ее русское заглавие — «Белевы путешествия чрез Россию в разные азиатские земли, а именно: в Испаган...».

Записки Белла дополняются сведениями из архивного документа, хранящегося в Москве, в Центральном Государственном архиве древних актов.

Когда посольство высадилось на Низовой пристани, его здесь ожидали посланцы шемахинского хана — Ибедж-бека, чтобы с почестями доставить русского посла и его свиту в Шемаху.

Посольству в Шемахе отвели дом одного из придворных. Хан прислал гостю фруктов, сахара и сластей и велел узнать, когда он его навестит. Вольнский ответил, что хану надлежит первому посетить царского посла — «подать визит яко гостю».

На следующий день шемахинский хан со свитой прибыл в резиденцию Вольнского. Хан осведомился о здоровье русского царя, затем пили чай и кофе, вели разговоры через толмача.

Назавтра к Вольнскому прибыл посланец Ибедж-бека и сообщил, что хану будет очень приятно, ежели посол придет к нему, по их обычаю, без башмаков, в одних чулках. На это Вольнский остроумно ответил, что если к хану нужно идти в чулках, то к шаху «надобно быть разве с босыми ногами».

В ноябре 1716 года начались приготовления к путешествию в столицу Персии — Испагань. Здесь русскому послу предстояли переговоры с самим персидским шахом Гуссейном.

Посольство выехало из Шемахи в первых числах декабря, в Испагань прибыли 14 марта 1717 года. Улицы были полны народа, наблюдавшего за въездом посла великой северной державы, даже на крышах было множество людей. Сам шах со своими женами тайком смотрел из окна на торжественную процессию. Впереди ехали три драгуна, один литавщик, четыре трубача, тридцать драгунов с обнаженными палашами, по три человека в ряд. Затем вели шесть богато убранных лошадей, за ними шли двенадцать пеших слуг, два пажы, три скорохода, два толмача, два гайдюка. За ними ехал посол русского царя в сопровождении приближенного шаха — Маймандер-паши. Замыкали свиту священник, врач, дворяне из посольской свиты, сокольники.

Посольству отвели в середине города прекрасный дом с большим садом.

Направляя Вольнского в Персию, Петр предписал ему строго соблюдать правила дипломатического этикета, чтобы не уронить достоинства русского царя. В инструкции Вольнскому сказано: «Когда он, господин посланник, придет к шаху в Персиду, то ему не поспешать требовать у шаха аудиенции...»

В соответствии с персидскими обычаями, царского посла прежде всего пригласили на прием к верховному визиру (первому министру) Ехтима-Девлету. Вольнский отказался

от встречи с ним, выжидая приема у шаха, но не проявляя при этом никакой торопливости.

Первая аудиенция у шаха состоялась только 4 мая 1717 года.

Посольство провели во внутренний двор, примыкавший ко дворцу. Около двух часов пришлось ждать, пока шах приготовится к приему. Наконец, послу объявили, что шах его ожидает. Все вошли в большой сад, где выстроились в ряд двадцать богато убранных лошадей. На пути посольства стояли со сторожами два льва на золотых цепях и слон, украшенный коврами и золотом. Когда посол проходил мимо них, львы припали к земле, а слон встал на колени.

Посол вошел в залу «сам-седьмой». Шах сидел в глупине залы на софе, его окружали двадцать евнухов. Когда посла представили шаху, он продолжал сидеть на софе, скрестив ноги. Вольнского попросили сесть, после чего посол и шах обменялись приветствиями. Шах справился о здоровье царя и подробно расспрашивал о войне со шведами. Затем всех членов посольства пригласили сесть на высокие стулья, предназначенные для знатных гостей, а министры шаха присели на корточки.

Принесли подарки, присланные царем шаху, — соболем и другие дорогие меха, разные сорта чая, часы с будильником, часы золотые с алмазами, охотничьих соколов и многое другое. Затем внесли столики с различными сластями. Перед Вольнским поставили золотой кальян, что считалось большой честью. Шах и посол продолжали беседовать через толмача. После этого слуги принесли на головах большие корзины с различными кушаньями. На обед были поданы вареное пшено с маслом, ягнята вареные и жареные, баранина, домашняя птица. Вместо вина подавали шербет. Раньше к обеду подавалось вино, но шах отменил этот обычай, как противный законам корана. Также отменил он и пляски танцовщиц во время трапез. После обеда посольство вернулось в свою резиденцию. К вечеру шах прислал послу золотой кальян, из которого тот курил во дворце, и двадцать больших золотых блюд, наполненных сластями.

Шаху Гуссейну было в то время около тридцати лет. От многих жен он имел много детей. Старший его сын Тахмасп воспитывался в гареме. Шах, также воспитанный в гареме, совершенно не знал жизни и во всем полагался на своих министров, которые уверяли его, что, занимаясь делами, он унизит свое достоинство.

9 мая Вольнский имел аудиенцию у премьер-министра Ехтима-Девлета, который принял гостей с еще большим великодушием, чем шах. Когда посол вернулся в отведенное ему помещение, министр прислал в подарок великолепную, богато убранный лошадь и золотой кальян, не менее ценный, чем подаренный шахом.

12 июня шах дал русскому послу третью аудиенцию в загородном дворце Фаррабат. Через неделю посол получил подарки, предназначенные царю, — слона, двух львов, двух барсов, шесть обезьян разных пород, трех попугаев и одну индийскую птицу под названием миана, которая похожа на скворца и прекрасно поет.

Джон Белл приводит интересные сведения о столице государства — Испагани. Она лежит в плодородной долине, через город протекает полноводная река Шендерья. Через реку перекинута три каменных моста, дома окружены садами, улицы обсажены деревьями; много фонтанов, около которых вечерами расстилаются ковры и горожане собираются курить кальян и пить кофе. Дома кирпичные, с плоскими кровлями. Дворцы шаха и знатных людей — из камня. Улицы не мощеные, очень пыльные. Каждый вечер жители должны их поливать.

В окрестностях города разводят шелковичных червей, изготовляют различные шелковые материи и ковры, занимаются скотоводством, баранов выращивают на мясо, а буйволов — как молочный скот и как тягловую силу.

К югу от города, на вершине горы находятся развалины башни, построенной персидским царем Дарием.

В инструкции Петра I послу Волынскому велено было собрать тайным образом сведения о всех прикаспийских владениях Персии. Ко времени возвращения посольства из Испагани в Шемаху все эти провинции были уже обследованы. Оставалось получить сведения о пути из Дербента на север до русской крепости Терки — о территории Дагестана, примыкавшего к русским владениям. С этой целью Волынский направил сухим путем из Шемахи в Астрахань отряд из тридцати солдат под командой Андреяна Лопухина. Чтобы не обнаруживать истинной цели путешествия, ему поручили доставить в Астрахань живые подарки шаха Гуссейна царю Петру.

Политическая обстановка в этой части прикаспийских берегов, по которой предстояло проехать Лопухину, была весьма сложной. Ханы и салтаны Дагестана настороженно и неодобрительно приняли известие о прибытии к ним русского каравана. Лопухину предстояло трудное путешествие.

Из Шемахи он выехал 10 марта 1718 года. 17 марта прибыли к Низовой пристани. Отсюда на следующий день дошли до города Куба, стоящего в двух агачах¹ от большой горы Шах-даг. Прибыв в Кубу, Лопухин послал толмача к хану с письмом от хана Шемахи с просьбой хорошо принять и устроить посланцев русского царя.

Ханом Кубы оказался четырнадцатилетний мальчик по имени Агметь.

Он радушно принял Лопухина и очень просил привести на ханский двор слона, которого он никогда не видел. Слон очень понравился хану. Погонщику, который привел слона, подарили хорошую лошадь.

19 марта караван выехал из Кубы, на следующий день прибыли в Дербент. Здесь начались зловключения Лопухина и его спутников.

Выяснилось, что самое влиятельное лицо в Дагестане — управитель селения Тарки по имени Алдигирей. Если бы у Лопухина была грамота от шаха Гуссейна к Алдигирею с приказом оказать помощь русским путешественникам, то все было бы хорошо. Но так как такой грамоты нет, уехать каравану из Дербента будет очень трудно. Кроме того, по словам салтана, как только караван выедет из Дербента, на него, несомненно, нападут горцы, подданные Алдигирея.

Начались длинные, бесплодные переговоры.

Только в середине апреля появилась, наконец, надежда на возможность отъезда. В Дербент прибыли два посланца — от тарковского владетеля Алдигирея и от коменданта русской крепости Терки. Они приехали, чтобы провести русский караван через Дагестан.

Перед отъездом из Дербента Лопухин потребовал у салтана отпустить на свободу жену терского жителя, которая уже десять лет жила невольницей у дербентского купца. За нее прислали выкуп — пятьдесят рублей. Салтан пытался возражать, но Лопухин настоял на своем.

19 апреля караван вышел из Дербента. Сопровождавший караван посланец терского владетеля Аджи Челпуг сказал Лопухину, что ехать подле моря опасно. Каравану надо свернуть к деревне Хаякент, что во владении утемышского салтана Мамута. Здесь путешественников встретит сам Мамут и буйнакский владетель Мортузалея, они проводят караван до крепости Терки. Лопухин согласился с этим предложением.

В деревне Хаякент их ждали салтан Мамут и дядя Мортузалея. Мамут тут же потребовал от Лопухина дать ему пять лучших лошадей и пятьдесят рублей денег. Лопухин сказал, что даст и лошадей и денег, когда караван достигнет цели путешествия. Из деревни Хаякент вышли в путь 21 апреля, дорога шла горами, верстах в семи от моря. Пройдя один агач, подошли к речке Ницка. Здесь дядя Мортузалея и салтан Мамут со своими людьми напали на кара-

ван. Аджи Челпуг и посланец терского коменданта Мурза Али, испугавшись, скрылись в горах.

Лопухин и его спутники, отстреливаясь из ружей, стали спускаться с гор к морю и прошли таким образом больше десяти верст. С обеих сторон были убитые и раненые. В слона попали три пули, но большого вреда они ему не причинили. Нападавшие отбили у каравана пять телег с поклажей и провиантом для людей и для слона. Сражение прекратилось, когда караван вышел к морю.

Далее дорога шла подле гор степью. Переехали реки Койсу, Сулак, Аграхань и Каспулат. Проехали близ селения Эндери, в русском произношении «Андреева деревня». 5 мая доехали до озера Колгешу, перешли его вброд и к вечеру прибыли в крепость Терки. Это были уже владения русского царя.

В крепость Терки уже прибыл конвой из сорока человек для сопровождения каравана в Астрахань.

Лопухин решил послать в Астрахань морем людей и лошадей, но отправить водой слона он не решился без разрешения Волынского, опасаясь подвергнуть драгоценное животное трудностям морского путешествия. Слон остался в Терках под наблюдением прапорщика Андрея Антрушина.

Лопухин прибыл в Астрахань 7 июня 1718 года. Журнал своего путешествия он отправил в Петербург, «переписав на белом», в посольскую канцелярию.

О дальнейшей судьбе слона известно из письма Волынского, посланного из Астрахани 5 августа 1718 года. Он сообщает, что вернулся 18 июля в Астрахань, где был очень плохо встречен астраханским обер-комендантом Чириковым, который принял его, «как сущий варвар... уморил здесь слона за день до моего сюда приезда, так нагло, что он приведен к нему на двор здоров, а вышед из двора его, стал тотчас тосковать, которого и рвало зело много зелено пеною, и тако после пяти или шести часов и умер... такого злодея на меня напустил бог...» Чириков опасался, что Волынский будет назначен губернатором Астрахани и, чтобы помешать этому, пытался опорочить его в глазах Петра.

Посольство Волынского оказалось весьма успешным. Он заключил с персидским правительством договор, в котором были выполнены все требования и пожелания царя: 1) русским и армянам разрешено было строить в Персии православные церкви; 2) русские купцы получили право свободной торговли без таможенного осмотра товаров; 3) разрешено было вывозить через Россию в разные страны шелк-сырец, это позволяло сосредоточить всю торговлю шелком в руках русских купцов; 4) было разрешено построить новую большую пристань на западном берегу Каспийского моря; 5) в случае крушения русского корабля у персидских берегов местные власти должны были возвращать товары владельцам корабля и не брать пленников.

Петр, очень довольный деятельностью Волынского в Персии, дал ему чин полковника и назначил астраханским губернатором. Опасения Чирикова сбылись.

Таковы интересные, впервые собранные вместе сведения о путешествии в далекую Персию во времена Петра I.

¹ Агач — пять верст.

тоснимка герба Лермонтовых, который сохранился у Михаила Николаевича как семейная реликвия. Такая же просьба поступила из Москвы и Кишинева — от лермонтоведов. Есть письма из музеев и библиотек.

Меня тоже заинтересовал герб Лермонтовых и я встретился с Михаилом Николаевичем. Он показал пожелтевший от времени документ, заверенный печатью и скрепленный подписями. В верхнем углу листа четкая надпись: «Копия с Гербовника 4 части I отделения, стр. 102». А наверху изображен герб Лермонтовых. Внизу его описание: «В щите, имеющем золотое поле, находится Стропило с тремя золотыми четырехугольниками. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянской на нем короной. Налет на щите золотой, подложенный красным...»

Предок фамилии Лермонтовых Юрий Андреевич Лермант выехал из Шкотских земель (Шотландия), а оттуда в 1633 году в Москву...» Документ выдан деду Михаила Николаевича — Юрию Матвеевичу Лермантову. У Михаила Николаевича сохранилась и «Родословная М. Ю. Лермонтова» с изображением на ней того же герба.

Во время нашей беседы пришел брат Михаила Николаевича — Борис Николаевич Лермонтов. Высокого роста, обаятельный человек. Ему 76 лет. На груди — знак участника Великой Отечественной войны. В годы войны он имел воинское звание инженер-майора авиации и был главным инженером авиамастерской, награжден орденами и медалями.

Последнее время работал заведующим кафедрой Башкирского сельскохозяйственного института, доцент. Сейчас на пенсии.

Уфимские Лермонтовы братья Михаил и Борис Николаевичи — дальние родственники поэта.

Из рода Лермонтовых вышло немало одаренных людей. Например, пятиюродная племянница поэта Юлия Всеволодовна Лермонтова (1846—1919 гг.) была первой русской женщиной-химиком, получившей звание доктора наук. Она была подругой и соратницей Софьи Ковалевской. О ней издательство «Наука» в 1967 году выпустило книгу.

Отец уфимских Лермонтовых — Николай Юрьевич — был художником и талантливым архитектором. Ему было присвоено звание заслуженного деятеля искусств РСФСР и Башкирской АССР. Он — автор книги «Город Уфа».

Михаил Николаевич и Борис Николаевич Лермонтовы, как и их отец, неутомимые труженики и активные общественники.

УФИМСКИЕ ЛЕРМОНТОВЫ

У великого русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова, как известно, прямых потомков не было, но дальние его родственники здравствуют. В Уфе живет Михаил Николаевич Лермонтов, приехавший сюда сорок лет назад из Ленинграда как инженер-строитель. По его проектам в городе построено немало зданий.

В связи с юбилеем М. Ю. Лермонтова — 160-летием со дня его рождения — в адрес уфимского Лермонтова приходит немало писем. Ему пишет краевед Л. И. Прокопенко из Саратова, просит выслать копию фо-

Георгий
БАЗЕКИН

КОМЕНДАНТ АДИК

Леонид
ГАРЯЕВ

В сентябре 1943 года группа партизан из отряда «дяди Коли» во главе с Иваном Загороднюком возвращалась с подрыва железнодорожных путей из-под Борисова. Остановившись передохнуть на берегу озера Палик, увидели бредущего по лесной дороге старика инвалида и с ним мальчугана лет семи.

Разговорились и узнали: отец мальчика в Красной Армии, сам мальчик был в партизанах вместе с матерью, но когда отряд переходил в другой район, матери пришлось оставить сынишку в деревне, у родственников. Наскучило Адику сидеть без дела, вот и отправился он в лес в надежде встретиться с партизанами.

— Конечно, отряд — не детский сад, но пропадет ведь, чего доброго, мальчишка, — подумал вслух Загороднюк. Товарищи согласились с ним. Взяли мальчика с собой, перевезли на баркасе на другой берег озера, где базировалась бригада.

Адик Жуковский стал любимцем не только девятого молодежного отряда, где его, как полноправного бойца, поставили на довольствие, но и всей бригады. У одних партизан дети погибли, у других пропали без вести во время эвакуации или остались на Большой земле. Поэтому каждый, как умел, старался скрасить жизнь «малого». Даже медвежонка ему в подарок из леса приволокли. А чтобы чувствовал себя при деле, сшили по мерке солдатскую форму, вплоть до погон, даже вооружили крохотным трофейным пистолетом, — без патронов, конечно, — и назначили «комендантом» лагеря. Ревностно следил он за тем, чтобы все соблюдали светомаскировку (вражеские самолеты-разведчики нередко кружили над Паликом), а когда в распоряжении отряда появлялся кто-нибудь из бригадного командования, с особым удовольствием рапортовал:

— Товарищ комиссар! Отряд построен. Докладывает комендант Адик.

Но постоянно находясь среди взрослых, слушая их рассказы о сражениях и диверсиях, Адик, конечно же, мечтал о том, чтобы принести отряду более ощутимую пользу, чем та, которую приносил он на своем скромном посту.

Не однажды, видя, как партизаны отправляются на задание, он пристраивался на левый фланг, всем своим видом выражая готовность делить трудности дальнего перехода. Но каждый раз, услышав: «Комендант Жуковский, выйти из строя!», послушно выполнял команду.

Однажды начальник особого отдела Адам Тарасович Щурок отозвал мальчугана в командирскую землянку.

— Слушай, Адик. Есть для тебя дело. Видел четверых новеньких в вашем взводе? Тех, что ребята из-под Борисова привели? Так вот, приглядывайся к ним незаметно и обо всем, что они будут говорить между собой, докладывай мне.

Гитлеровцы без конца засылали к партизанам разведчиков с заданиями шпионского и диверсионного характера. Только за полгода с небольшим было разоблачено шестнадцать таких выродков. Всего этого Адик, разумеется, не знал, как и того, что новички, утверждавшие, будто бежали из плена, были взяты в отряд для проверки. Но задание он воспринял с величайшей ответственностью. Еще бы: Щурок поручил, ближайший сподвижник самого командира бригады!

Стараясь не попадаться своим «подопечным» на глаза, мальчуган следил за каждым их шагом. Конечно же, его насторожила фраза, словно невзначай брошенная одним из этой четверки: «Молчи, я сам из тюрьмы!»

Адик передал эти слова Адаму Тарасовичу. У четверки

забрали оружие, якобы, для проверки, а потом всех арестовали. Во время допроса выяснилось, что слова: «Я сам из тюрьмы» были паролем и что четверка «новичков» прибыла в отряд с заданием взорвать его штаб партизанской же взрывчаткой.

Перед блокадой 1944 года, когда партизан теснили гитлеровцы и полиция, Адика удалось отправить на самолете на Большую землю. Нашли место и для медвежонка. Но вскоре друзьям пришлось расстаться. Самолет приземлился на одном из аэродромов Ленинградской области. Медвежонок попал в Ленинградский зоопарк, а Адик, направленный в суворовское училище, утерял в пути документы и, как безнадзорный, вскоре очутился в детском доме. Заикнулся было там, что воевал в партизанах — никто не поверил. И подтвердить было нечем. Только намного позднее узнал он, что в архивах Белорусского штаба партизанского движения хранятся списки бывших партизан, где значится и он, «Жуковский Аркадий Иванович, 7 лет, холост, наград не имеет, неграмотен...»

Впрочем, последнее было неточно. Еще в отряде партизаны муж и жена Карачун, в прошлом учителя, сделали рукописный букварик и учили Адика грамоте, так что позднее, попав в нормальную школу, он не без основания утверждал: окончил нулевой класс. Это было уже после возвращения к мирной жизни, после встречи с матерью, награжденной за боевые подвиги орденом Красного Знамени.

А потом, после семилетки, — техникум, служба в армии, политехнический институт, в котором обстоятельства снова свели Аркадия с его партизанским «батькой», бывшим командиром отряда Иваном Харитоновичем Загороднюком. Учились одновременно, правда, на разных факультетах:

один на строительном, другой — на вечернем отделении механического. По окончании института Аркадию Ивановичу довелось поработать по комсомольской путевке на строительстве завода искусственного волокна в Светлогорске, а теперь, в течение длительного уже времени, он занимает хлопотливую должность начальника управления капитального строительства Минского обл. исполкома. В числе объектов, которые приходится возводить этому управлению, — школы. В частности, одна из них была построена в деревне Мстиж, находившейся в зоне бригады «дяди Коли», сожженной, как и многие другие, гитлеровцами и затем, после Победы, отстроенной заново.

Тесную связь поддерживает Аркадий Иванович с товарищами по отряду. На одну из традиционных встреч он приезжал с четырехлетним тогда сынишкой.

А однажды житель Сысерти Михаил Ильич Лысов, бывший парторг отряда, привез с Урала специально для Аркадия Ивановича потешную фигурку медвежонка, выпущенную на керамическом заводе в Сысерти.

Рисунок Н. Домрачевой

Последний караван

Сергей
СМОРОДКИН

Фото
автора

1. Вместо вступления

— Плохо дело, — сказал я себе на перевале Терс-Агар, бережно поставил кофр с пудовой японской фотоаппаратурой, сбросил рюкзак и повалился на гальку. Был черный понедельник — 13 сентября. Сыпала редкая ледяная крупа. Снег на ближних склонах лежал синий, как снятое молоко.

Олег Макаров ходил вокруг меня. Он ходил неторопливо, но я все равно чувствовал, как не терпится ему помчаться дальше. Здесь, на перевале, снимать нечего. Сколько часов еще идти до кишлака Алтын-Мазар, где стоит караван, собирающийся вот-вот выйти к зимовщикам на леднике Федченко, — неясно. А я

лежу на гальке, и вид мой говорит сам за себя.

Макаров рвался вперед. Только тактичность коренного ленинградца мешала ему сказать все, что он думает обо мне. А мне было все равно, что он думает.

«Тутек, наверное, — думал я вяло. — Горная болезнь. Это все Кара-су и сердечность Худойбердиева. И мое легкомыслие».

Из Дараут-Кургана — поселка в Алайской долине до урочища Кара-су довез нас на машине директор совхоза «Чон-Алай» Худойбердиев. В Кара-су нас должны были ждать лошади и проводник из Алтын-Мазара. Радиogramму на метеостанцию «Алтын-Мазар» мы дали еще вчера.

Ни лошадей, ни проводника в урочище, где началась дорога, весьма смутно напоминавшую дорогу, не было. Хуже того, на маленьких пастбищах среди камней не оказа-

лось ни одной юрты. Чабаны, у которых можно было попросить лошадей, откочевали.

— Поспешность — дело шайтана, — покачал головой Худойбердиев. — Зачем торопиться? Спешить надо в трех случаях: когда угощаешь гостя, выдаешь девушку замуж и хоронишь умершего. Вернемся назад. Найдем лошадей. Поедете в Алтын-Мазар послезавтра. Зачем по горам идти пешком? Зачем идти без проводника?

Я посмотрел на Макарова. Лицо его было непроницаемо.

— Надо торопиться, — сказал он сухо. — Караван может уйти без нас. Пусть это будет четвертым случаем.

Макаров был прав. Караван к зимовщикам на ледник Федченко ходит раз в год. Если мы опоздаем сегодня, надо ждать следующего года.

— Хорошо-хорошо, — сказал Худойбердиев и кивнул шоферу. Тот пошел к машине и вернулся со свертком. В нем были лепешки, вяленое мясо, чеснок. Шофер расстелил платок и каким-то неуловимым движением достал из глубин стеганого халата бутылку.

— Зачем это? А? — поморщился Макаров. — Что за праздник?

Худойбердиев посмотрел на меня и в глазах у него была детская растерянность. Перед этим он только что рассказывал о нашем коллеге, который приезжал в Дараут-Курган, разыскивая одного легендарного чабана. У этого чабана, якобы, пас отару прирученный волк. Коллега не нашел волка, пасущего овец, но, как выразился Худойбердиев, он «снял с лица гостя тень печали». Худойбердиев отправил его к своему младшему брату чабану. И тут уж наш коллега доказал, что никакая неудача не может вышибить из седла настоящего журналиста.

— Палван, — приговаривал Худойбердиев и лицо его становилось задумчивым. — Такой худой, а богатый. Настоящий палван. Сколько было тостов и все выдержал. Вот это понимаю — журналист...

Макаров сделал вид, что не слышал последней фразы. Что мне оставалось делать? Цеховую честь надо защищать...

Мы попрощались с Худойбер-

диевым и, расстроганные, побрели вдоль правого берега Алтын-Дары. Было тепло и сухо. Подъем почти незаметен. Река весело прыгала с камня на камень.

«Прекрасна наша профессия, прекрасна наша жизнь», — думал я, когда кофр фирмы «Никон», который мы несли по очереди, тащил Макаров.

Потом был затяжной подъем, и я лежал на гальке у перевала Терс-Агар, проклиная себя за легкомысленную защиту цеховых интересов. Шуршащий шум обволакивал меня со всех сторон. Вместо крупы пошел легкий снежок, а я все не мог заставить себя подняться. Не хватало только заночевать на такой высоте без палатки и спальных мешков.

— Надо идти, — мягко сказал Макаров. — Давай рюкзак...

Этого я допустить уж никак не мог: чтобы Олег тащил кроме японских камер и своего мешка еще и мой рюкзак. Я встал на ватные ноги, поднял рюкзак. Мне показалось, что он набит камнями. Шагов через сто высота стала меньше.

В Алтын-Мазар мы свалились сразу после захода солнца. Свалились, как снег на голову, потому что тропинка то и дело терялась и мы скатывались по осыпям куда-то во тьму. В сумеречной воде, заливавшей все вокруг, мы вышли на луг, который после бугров и склонов, показался нам паркетом. На лугу паслись серые лошади и чернело несколько строений.

— Корреспонденты? — спросил нас высокий человек, лицо которого было не разглядеть. — Радиogramму вашу только что получили.

Мы молчали, тяжело дыша.

«Самое смешное во всей этой истории, если караван уже ушел», — думал я.

Макаров думал о том же. Тщательно подбирая слова, он спросил о караване.

— Здесь, — ответил человек. — Сентябрь, а плащей — нет. Ватников — нет. Можно идти на ледник без тулупа?

Мы согласились, что идти на ледник без тулупа — не дело.

— О чем в Душанбе думают? А?

На этот вопрос ничего путного мы ответить не могли.

— Ладно, — сказал высокий. — Пошли чай пить.

Он открыл дверь в кибитку.

На кошмах сидели и лежали люди. Они сказали нам обычные слова приветствия и, ни о чем не спрашивая, налили в пиалы черный чай. Сделав несколько глотков, мы начали было путано объяснять, кто мы и зачем пришли в Алтын-Мазар, но старик с очень широкими и очень прямыми плечами остановил нас:

— Завтра, — сказал он. — Зачем сегодня говорить о делах? И завтра будет день.

2. Разговор о леднике, звездах и письмах

Это были дни терпения. Мы ждали в Алтын-Мазаре, когда из Душанбе придет «добро» на выход каравана. Все было в тумане, как долина Муксу, в которой мы сидели. Не было известно: а) когда будет погода; б) когда управление гидрометеослужбы «выбьет» вертолет; в) когда он начнет перебрасывать грузы из Джиргиталья на ледниковый «язык»; г) когда эти грузы начнут поступать в Джиргиталь.

Что оставалось делать? Ждали караванщики. Терпеливо ждали мы. Галя — техник-радиооператор — кормила нас жареной картошкой и тоже ждала погоды. Несколько дней назад начальник станции улетел в этот самый Джиргиталь на несколько часов и застрял там. Он рассчитывал вернуться к вечеру, но ни в этот вечер, ни в последующие попасть к себе на станцию не мог: горы плавали в тумане.

Сидим в маленькой чистой комнате метеостанции. Такую подчёрнутую чистоту я встречал только на кораблях да еще на маяках. Галя передает в Душанбе результаты наблюдений и ее сухонькое птичье личико кажется за работой почти красивым. Комната наполнена морзянкой, атмосферными разрядами, всякой радиосуетой.

— То Афганистан мешает. То

Ташкент. То Индия, — говорит Галя, снимая наушники. — Будто они рядом, в соседней комнате...

Она улыбается, садится к столу, на котором лежит лист бумаги, испи- санный до половины.

— Сестре письмо пишу, — гово- рит Галя.

— О чем же?

— Хотите узнать? Секретов нет. Читайте, пожалуйста.

«Я живу ничего себе, — писала Галя. — Климат здесь хороший. Поч- ти курорт. Работа, в общем, не слож- ная. Только ночью просыпаться трудно, когда надо идти снимать показания с приборов. Рядом с нами живут караванчики. Они угощают меня пловом. Скоро караван пове- зет на ледник продукты. Караван- щики весну, лето и осень живут здесь, в нашем Алтын-Мазаре, а на зиму уезжают в город Ош. Они рас- сказывали мне, что там есть боль- шая скала Тохт-и-Сулеймон — «Трон Соломона», и если у женщин нет ребенка, то надо проползти на жи- воте вокруг вершины этой скалы. Какая-то чепуха, правда?»

У нас тут много зайцев. Они совсем не боятся людей. Сидят и смотрят на тебя. Не убегают, пока на них не крикнешь. Саша, мой на- чальник, рассказал мне, что зимой арыки разливаются, замерзают и можно кататься на коньках, как у нас в Новосибирске. Так что вышли мне коньки. Они лежат в кладовке на правой верхней полке.

Саша женат. У них будет ребе- нок скоро и Саша прилас шампан- ское. Ждет радиogramмы. Жена по- ехала рожать в Россию. Там, в Калу- ге, у нее мама. Караванчики сме- ются: «Вернется Сашина жена — рев- новать будет...» Я не верю. А вдруг и правда».

Гале девятнадцать лет. В Алтын- Мазаре она всего несколько меся- цев. Приехала сюда после оконча- ния техникума в Новосибирске.

— Собралась ехать на Камчат- ку, — говорит Галя. — А потом по- смотрела на карту и решила: поеду на юг, в Таджикистан.

— Не жалеете?

Галя задумывается и опять лицо ее становится привлекательным, как в те мгновения, когда она переда- вала сводку.

— Знаете, я здесь ко многим вещам стала по-другому относиться. Ну, как объяснить? Вот — разговор... Я меньше говорить стала. Саша — начальник станции — больше молчит. Караванчики — тоже говорят мало. Я подумала и знаете что решила? Надо говорить тогда, когда хочешь сказать что-то важное... Самое глав- ное, что ли. Об остальном и гово- рит, наверное, не стоит. Правда?

Или взять письмо. Написал пись- мо, сунул в синий почтовый ящик и жди ответа. А здесь я по-другому все вижу. «Чувствую» каждое пись- мо. Вот представьте: написали вы письмо из Алтын-Мазара. Проходит время, кто-то едет в Дараут-Курган, захватывает письмо с собой. Письмо везет лошадь в переметной суме. Потом из Дараут-Кургана письмо едет в район на машине. Оттуда летит в Ош и уж тогда в Новоси- бирск. Я прямо вижу, как движется мое письмо по земле. Через горы, через реки, через долины. Летит над ночными городами.

Я слушаю девушку и думаю, что это все не так просто: уехать из большого города, где ты вырос, и попасть в маленькую географиче- скую точку, где живет всего семь человек. И то, о чем Галя так откро- венно говорит, наверное, уже пере- думано не раз.

— На той неделе над станцией очень высоко пролетел большой самолет. И я подумала: «Сидят в самолете люди. Пьют чай. Читают сегодняшние газеты. Говорят о по- годе. Или спят. А внизу наш Алтын- Мазар. Три домика. И никто из тех людей в самолете, наверное, и не знает об Алтын-Мазаре».

Галя о чем-то задумывается, бер- рет ручку, долго молчит. Будто нас вовсе и нет в комнате.

— Иногда ночью, когда идешь на площадку в темноте, кажется, еще шаг — и край мира. Прямо бо- ишься шагнуть. Но идти надо. На- блюжение пропустить нельзя. Смот- ришь на небо. Такие же звезды как в Новосибирске. Только здесь чище. И по-другому называются: Большая Медведица — Семь Престолов, По- лярная звезда — Железный Кол. Это мне караванчики сказали. Они звез- ды хорошо знают.

Галя замолкает. Потом пишет

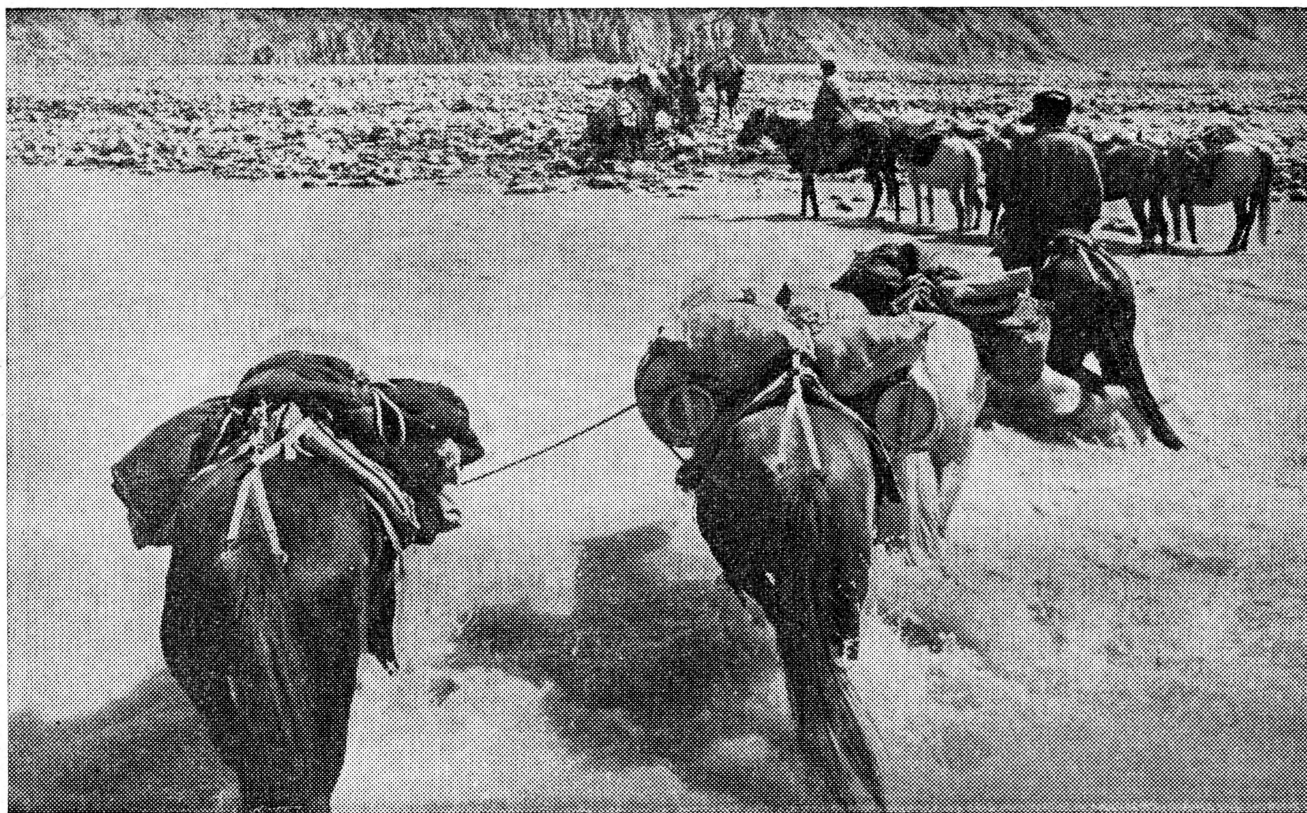
несколько фраз на листочке. Мы уходим, чтобы не мешать. Сегодня первый ясный день. Горы, долина реки полны света — какого-то тор- жественного живого света.

«Как будто в рай какой-то по- пали. После льдов и скал, камней и пыли мы въехали в зеленую лощи- ну, сплошь заросшую молодым гу- стым ивняком. Ивовые кусты со всех сторон протягивали к нам свои стройные прутья и волновались от ветра, как море. Ручейки ярыков пер- ресекали всюду эту ивовую рощу, а за рощей пасся скот...»

Эти строки написаны почти пол- века назад. Наверное, в такой же ясный день. Написал их в своем путевом дневнике Николай Василье- вич Крыленко, прокурор республи- ки, отличный альпинист. Он специ- ально взял отпуск, чтобы принять участие в первой памирской высоко- горной экспедиции, организованной Академией наук. 16 сентября 1928 го- да спустились с ледника Федченко советские и немецкие ученые, кото- рых тоже пригласили участвовать в экспедиции.

«Изучена неисследованная об- ласть, лежащая в юго-западном на- правлении от пика Ленина и озера Кара-Куль вплоть до Рушана и Дар- ваза. Определены высоты десятков перевалов и высочайших вершин. Открыт величайший в мире лед- ник — ледник Федченко. Составлены геологическая и географическая кар- ты района. Собраны минералы и руды, коллекции пшениц и ячменей, записаны десятки легенд и сказок, проводились опыты по скрещиванию памирских овец с архарами... Все исполнено на сто процентов. Опро- вергнута ложь буржуазных ненави- стников СССР об якобы деградации научной мысли и культурном оди- чании СССР», — говорится в том давнем отчете памирской экспеди- ции.

Отблеск тех яростных и пре- красных лет лежит и на крошечном кишлаке Алтын-Мазар. И отсюда начиналось исследование Памира, который за годы Советской власти из забитого уголка стал одним из наиболее изученных высокогорных районов мира. Академики А. Е. Фер- сман, Д. В. Наливкин, С. Ф. Ольден- бург, Д. Н. Прянишников, Н. И. Ва-

ПЕРЕПРАВА

вилов, Е. Н. Павловский и целое «созвездие» молодых ученых бросили в те годы первые семена, которые во многом предопределили сегодняшний расцвет промышленности, сельского хозяйства, науки Таджикистана и всей Средней Азии. Академик Ферсман не случайно подчеркивал, что именно памирские экспедиции продемонстрировали совершенно новый, комплексный метод изучения больших территорий.

«Этот новый метод широкого географического охвата должен быть перенесен на всю работу по изучению всей Советской страны, ее производственных сил и их использования».

Все последующие географические исследования в нашей стране базировались в какой-то степени на опыте памирских экспедиций 30-х годов.

«Утром посмотри на горы, чтобы душа величия преисполнилась. А вечером на воду, чтобы преисполниться покоем», — говорили древние персы.

Мы смотрим на горы. Там, за горами, ледник Федченко. И где-то на нем — метеостанция. Попадём ли мы туда?

Интересна, кстати, история создания этой станции. Летом 1932 года решили построить на леднике самую высокогорную станцию страны. Ее наблюдения должны были помочь найти ответ на вопрос: где источники питания памирского оледенения, существующего в кольце величайших пустынь Земли?

Для станции сконструировали специальный разборный дом и построили его в Ташкенте. Вместе со снаряжением и приборами перебросили дом в Алтын-Мазар, где была основная база экспедиции. Оттуда-то и выступил на ледник огромный караван: 188 верблюдов и 60 лошадей с грузами. Вскоре верблюдов пришлось отправить обратно: на леднике они были беспомощны. Вся работа пала на выносливых киргизских лошадей. Наблюдения метеорологи начали сразу, как только добрались до места. Экспедиция

жила в палатках, а рядом строился дом. Наступившая зима прервала работы, строительство было прекращено, и ледник снова стал безлюдным. На следующий год, к 7 ноября 1933 года, строительный отряд закончил сооружение станции «Ледник Федченко». С этого времени на леднике постоянно живут зимовщики.

С ледника бежит река Муксу. Вернее, три ее притока — Сельдара, Каинды, Сауксай. Сколько тысяч лет несут они свои кристально чистые воды?! И сколько еще будут нести? День за днем, год за годом.

Мы идем по берегу. На самом высоком месте долины — необтесанный камень с темно-зеленым отливом. Надпись выбита криво, мелко, видно, — второпях зубилом:

«Первая жертва
Искусства Памиру
художник
А. Н.
Зеленский
26/...
33 год».

Кто был этот человек? Как он попал на Памир? Почему умер здесь, в Алтын-Мазаре? Несчастный случай? Внезапная болезнь? Почему так бьет по сердцу эта одинокая русская могила, вырытая поодаль от мусульманского кладбища? Может, потому, что в других местах стараешься не думать о кладбищах и могилах? Или потому, что беда, сиротство, смерть всегда берегут душу?

Мы постояли с Макаровым около могилы. Один из нас по извечной привычке сказал, что в общем-то вовсе неплохо вот в таком месте, в кольце гор, лежать. Такой вид, такие вершины: Музджилга — 6289 метров, Сандал — 6080. А какая изумрудная вода в Муксу? А как она поэтично шумит? Вечный покой. У кого из нас рядом будут такие высотные памятники!..

— Мальчики! Радиограмма! Идите сюда.

Рысью мы бежим к домику метеостанции. На крыльце стоит Галя, машет белым листочком.

— Ну, скорее же, — кричит она весело. — Опоздаете. Караван уйдет.

Читаем вслух: «Вертолет начал заброску груза на «язык». Сообщите, когда караван выйдет из Алтын-Мазара. Мачигин».

Мы перечитали текст несколько раз, а потом, волнуясь, пошли к караванбаши. Маркамил-ага Мирзобадалов, тот самый седобородый человек с очень широкими и очень прямыми плечами, достал очки, надел их и долго изучал текст. Потом передал радиограмму Маиту Хаитову — высокому, самому молодому караванщику, встретившему нас в тот первый вечер, когда мы свалились в Алтын-Мазар. Потом радиограмму взяла Азимджан Бувахалов, повертел ее в темных узловатых пальцах, положил на кошку. Все молчали. Караванбаши смотрел на трепещущий огонек в керосиновой лампе. Гладил рыжего откормленного кота.

— Где полушубки? — не выдержал Хаитов. — Еще весной договаривались...

Мирзобадалов быстро взглянул на него, и Хаитов осекся. Пока старший молчит, младшему говорить не положено. Хаитов опять взял ра-

диограмму, словно за те минуты, пока она лежала на кошме, в ней что-то могло измениться.

— Надо идти, — негромко сказал караванбаши. — Скоро снег. Люди на леднике ждут. Пойдем завтра.

Он также гладил кота и тоже смотрел не на нас, а на язычок пламени в керосиновой лампе.

— Почему ни слова о теплых вещах? — спросил Хаитов. — Ведь обещали...

— Душанбе, Душанбе... Ой, далеко. Разве оттуда видно, у кого есть в Алтын-Мазаре полушубок, у кого нет, — сказал Азимджан, почему-то виновато улыбаясь.

— Верно говорят: в доме барабана не слышно голоса соловья, — машет рукой Хаитов.

— Надо идти. Скоро снег, — повторяет, Мирзобадалов. — Галя, дай радиограмму Мачигину: «Караван готов. Выходим завтра».

Пригибаясь, чтобы не стукнуться о притолоку, шагаем через порог. Над Музджилгой стоит первая вечерняя звезда. Она не мерцает: горит ровно, ярко.

— Надо же, — удивилась Галя. — Через неделю и правда ожидается снег. Я сейчас только долгосрочный прогноз по району приняла. Как Маркамил-ага угадал за неделю, а? Просто фантастика какая-то.

3. О чем думает караванбаши

— Небось страшные вещи описывать будешь? — спросил Хаитов, когда мы прощались.

Он смотрел на меня понимающе, и плоское широкое его лицо осветилось насреддиновской улыбкой. И когда я вернулся и сел за машинку, Хаитов нет-нет да и появлялся передо мной, со своей хитрой ухмылкой, со своими редкими усиками, как бы проверяя: так ли все было, как я описываю. Оглядываясь на «тень» Хаитова, постарюсь возможно точнее изобразить действительный ход событий.

Прежде всего надо сказать, что романтического в караванщиках и караване было немного. Пожалуй,

что и вовсе не было. Во всяком случае, в том значении этого слова, которое пережевывается в туристских самодеятельных песнях, сочиненных большей частью в городских квартирах.

Много было совсем другого, о чем в песнях не поется: ледяного ветра и холодных ночевков, когда зуб на зуб не попадает; слепящего солнца, от которого болят глаза, а кожа трескается и трещины эти долго не заживают; десятки тонн груза, каждый килограмм которого несколько раз проходит через руки; и, наконец, то постоянное напряжение, знакомое альпинистам, морякам, испытателям, космонавтам — вообще, всем тем, кто ежедневно, ежечасно ждет любых неожиданностей. Это нервное напряжение выматывает человека.

«Переводчик моего друга из свежего и бодрого человека стал стариком. Люди седеют от тревог, начинают бояться пространства, — так писал о Памире Андрей Евгеньевич Снесарев, профессор Военной академии РККА, известный советский востоковед. — В одном месте мне пришлось отстать, и когда я вновь догнал спутников, то застал наших двух переводчиков плачущими. Они говорили: «Туда страшно идти, мы там умрем...»

Конечно, с того времени, как написаны были эти строки, многое изменилось. Памир сегодня сравнительно легко доступен. Памирский тракт прорезал его стремительной линией. День и ночь, зимой и летом, в любую погоду мчат по нему машины, надрываясь на перевалах. Но есть на Памире места, и их немало, куда попасть можно только на лошади или пешком. Есть места, где и пешком не пройдешь без специальной альпинистской подготовки и снаряжения.

В пятидесятых годах мир в который раз заинтересовался снежным человеком. Англичане и американцы направили специальные экспедиции в Гималаи. Наши ученые выехали на Памир для проверки слухов о найденных следах снежного человека в бассейнах реки Баяндкиик и Сарезского озера. Оба района исключительно труднодоступны и необитаемы. Всех интересующихся

КАРАВАН НА ЛЕДНИКЕ

результатами этой экспедиции отсылаю к книге К. В. Станюковича «По следам удивительной загадки», а от себя добавлю, что наш караванбаши Мирзобадалов был участником экспедиции. Не один раз заводил я разговор о снежном человеке, но Маркамыл-ага отмалчивался. В конце концов он удовлетворил мое любопытство:

— Если хочешь — есть снежный человек. Не хочешь — нет.

Станция «Ледник Федченко» находится в среднем течении ледника у его левого борта на скалистом утесе-ригеле. Утес как бы врезается в тело ледника, возвышаясь над его поверхностью на 200 метров.

Считается, что от «языка», где разбит наш табор, до станции «Ледник Федченко» — около сорока километров. Это резиновые километры. Каждый день они становятся то длиннее, то короче, в зависимости от количества трещин, ручьев и озер, которые приходится обходить каравану.

Подъем то в пять, то в шесть утра. Ложимся не раньше двенадца-

ти. Караванщики встают еще и ночью: кормят лошадей. Днем лошади не получают ни клока сена, ни горсти ячменя — быстрее, быстрее вперед, доставить груз на станцию. Разгрузиться и на рысях — вниз. До темноты надо проскочить самый опасный участок больших трещин.

Приторочить груз — тяжелый труд и искусство. Тут нужны безошибочный расчет, ловкость и физическая сила. Специальных грузовых седел всего два. Лошадей восемнадцать. Один из нас держит пятидесятикилограммовый мешок или ящик на уровне груди, а другой в это время приторачивает его к седлу. Первый раз мы с Макаровым груз приторочили криво.

— Собьешь спину, — проворчал Маркамыл-ага, перевязывая наш неудачный вьюк. Я слежу за его неторопливыми движениями, вытираю со лба пот.

— Тяжело? — спрашивает караванбаши.

Я киваю головой. А сам думаю: «Мне тяжело, а каково самому?

Маркамыл-аге пошел шестьдесят второй год. Или Азимджану вот-вот будет шестьдесят. Азимджан — воевал. Дважды был ранен — под Воронежем и в конце войны под Варшавой.

Попили чай с лепешками — и в путь. Каждое утро меню одно и то же: лепешки и чай. Обед — на станции. Ужин — поздно вечером, когда возвращаемся к своему табору.

Ужинаем у костра. Долго у него не усидишь. То животу жарко — спина мерзнет. Живот леденеет — спина в тепле. Крутимся вокруг костра как грешники в аду. Быстро съедаем плов или шурпо, заползаем в старые с прорехами спальные мешки.

И снова подъем в пять или шесть. Снова приторачиваем груз. Снова чай с лепешками и — в седло.

Что можно сказать о пути? Кони на подъемах храпят. Они мокрые, хоть выжимай. А уж на последнем подъеме, перед самой станцией, лошади дышат как собаки, когда им жарко. Дышат, кажется, даже боками.

Ручьи текут прямо по льду. Где можно обойти — обходим. Но зачастую ручей не обойдешь. Перед каждым ручьем лошади «выступают», нервничают, бросаются из стороны в сторону, обрываясь и скользя копытами. Лошади хорошо знают, что такое ледяная вода, и не хотят в нее лезть. Спешиваемся, переводим лошадей в поводу.

У одного из ручьев изо льда торчат лошадиные ноги. Азимджан отворачивается. В этом месте он провалился в трещину вместе с тремя лошадьми. Его и лошадь вытащили. Две лошади погибли. Одна везла уголь, другая — баллоны с пропаном. Красные баллоны просвечивают сквозь ледяную зеленоватую толщу. Вторую лошадь не видно. Только далеко-далеко внизу темнеет маленькое темное пятнышко.

Что мы везем? Муку, картошку, стулья, психрометры, уголь, лук, бензин, сапоги, зеркало, крупу гречневую и крупу манную, сигареты «Памир», ломы, бумагу писчую, валенки, капроновый фал, патроны, счеты канцелярские, ватники, лавровый лист, очки противосолнечные, меховые шапки, консервы. Мы везем все то, что необходимо человеку, где бы он ни жил — на леднике, в городе или маленьком селе. Но есть и одно отличие, о котором мы, живя в обычных условиях, нередко забываем: вещей у человека не должно быть много. Их должно быть ровно столько, сколько нужно — как у зимовщиков на леднике.

Я удобно устроился на вьючном седле, подложив под себя два ватника для мягкости. Везу «культуру» — банки с кинолентами. Справа у меня «Черное солнце» и «Следы уходят за горизонт». Слева «Пышка» и «Сердца четырех». «Черное солнце» время от времени врезается в ногу. Терплю ради искусства.

Ближе и ближе ригель. Черные точки на глазах вырастают и превращаются в человеческие фигурки, машущие нам руками. Зимовщики что-то кричат. Наконец, услышали:

— Кино привезли?

Я наливаюсь гордостью: как никак именно я привез банки с кинолентами.

Ступаем на каменистую площадку перед домом, напоминающим

разрезанный вдоль цилиндр. Площадка окутана жизнью как старая трубка: сделаны скамейки, какие-то таблички с именами и фамилиями, у валунов стол для пинг-понга. Только отцветшие эдельвейсы говорят о высоте — 4169 метров над уровнем моря!

Зимовщики первой развьючивают мою лошадь. бережно несут банки, читая на ходу названия:

— «Пышка». Про любовь!

— «Следы уходят за горизонт». Наверное, не про любовь.

— «Сердца четырех». Это уж точно — про нее...

Поспешный обед — и на рысях вниз. И снова кривые дзевия ручьев, подъем и спуск, и усталые лошади, срывающиеся вниз, приседающие на спусках на задние ноги. Тяжелое дыхание животных и людей, наверное, слышно далеко по ледяной реке. Уже в темноте возвращаемся к нашему табору. Ужинаем, сидя у костра на брезенте. Маркамил-ага подбрасывает в костер арчу. Костер разгорается жестким блестящим пламенем и жжет лицо. Лошади, хрумкающие ячмень, фыркают, поворачиваются к костру. В глазах у них вспыхивают злоеющие огоньки. Я вспоминаю тот далекий красноватый отблеск пропановых баллонов в толще ледяного купола, встаю, подсыпаю лошадям в торбы зерна.

Лица караванщиков неподвижны. За весь день я едва ли слышал от них полдесятка фраз. О чем они думают? О том, что сегодня захромала Васька — серая многоопытная кобыла, которая ходит по леднику всю жизнь и чует самые хитрые трещины за метр? А может, они думают о больших городах, о том, как вечером на улицах светло от огней, как торопятся люди в театр или медленно гуляют по асфальту под деревьями? А может, они думают о разбитом психрометре, за который вычтут из зарплаты? О семье, оставшейся в Оше? Или о том, что вот-вот начнутся метели, а они успели забросить зимовщикам только половину грузов? Кто знает, о чем они думают?

Ударил ветер с крупинками снега, заметалось пламя костра, захрипели лошади, будто почувствовали в темноте невидимую нами опасность.

Поднялся караванбаши, прищурившись, взгляделся в тьму:

— Зима скачет, — сказал он. —

Скачет к нам на коне...

И какое-то подобие улыбки увидел я впервые за все время на его лице.

4. Люди на «крыше мира»

Эту историю я узнал сначала от Анатолия Ивченкова — начальника станции «Ледник Федченко». Потом мне рассказал кое-что караванбаши Мирзобадалов, который в ту зиму оставался в Алтын-Мазаре, ухаживая за больными лошадьми.

— Наша работа, признаться, довольно однообразна, — начал рассказ Ивченков. — Изо дня в день, из ночи в ночь — одно и то же. Каждые полтора часа, круглый год, мы ведем наблюдения за солнечной радиацией, режимами ветра, влажности, давления, температуры, накоплением снега и льда, движением ледника и его температурным режимом. В конечном счете, от этой ежедневной, кропотливой, требующей добросовестности и аккуратности работы зависят в какой-то мере долгосрочные прогнозы. А с ними и жизнь многих миллионов людей...

В рассуждениях А. Ивченкова нет ни капли преувеличения. Ледниками на нашей планете покрыто всего десятая часть земной суши. Но почти все запасы пресной воды — 97 процентов — заморожены в горных ледниках и полярных шапках.

Что касается ледника Федченко, то в его систему входят 127 больших и малых ледников. Здесь начинается великая среднеазиатская река Амударья. Будут жить ледники, будет и вода, а с ней и жизнь.

Ученых остро интересует: отступают ледники и, в конечном счете, Средняя Азия усыхает или же нет? За тридцать последних лет четыре памирских ледника (Федченко, Бивачный, Косиненко и Малый Танымас) потеряли около 1700 миллионов кубометров льда. А климат за прошедшие годы практически не изменился.

СТАНЦИЯ «ЛЕДНИК ФЕДЧЕНКО»

Климат не изменился, а ледники тают. В чем тут дело? Видимо, это связано с процессами горообразования. С поднятием и опусканием гор и их отдельных частей. К этому выводу пришли ученые, работавшие на леднике Федченко во время Международного геофизического года.

«Понижение абсолютной высоты территории,— говорится в монографии «Ледник Федченко»,— обуславливает потепление и, следовательно, уменьшение оледенения. Согласно данной гипотезе, мнение некоторых авторов об истощении запасов влаги в горах Средней Азии, в частности на Памире, оказывается неверным. После очень длительного перерыва, который может продолжаться миллион лет, роль активного аккумулятора влаги примут на себя нагорья Восточного Памира... Западнопамирские долины пересекут ледник Федченко и в конечном счете протянутся на Восточный Памир. По этим артериям на равнины Средней Азии по-прежнему будет идти влага, еже-

годно пополняемые запасы которой на Памире неисчерпаемы».

Некоторые ученые настроены не столь оптимистично. Они придерживаются теории «умирания ледников», а с ними и жизни в долинах. Не последнюю роль в этом жизненно важном для нас споре играют наблюдения метеорологов «Ледника Федченко».

— Это была моя третья зимовка,— продолжал Изченков.— Две прошли ничего. Без приключений и отпуска. Жизнь, конечно, не больно веселая. Сидишь на ригеле как попугай на табурете. Задуют метели — а их у нас хватает, — только на площадку и высовываешь нос. Поневоле все время в доме, в одних и тех же комнатах бок о бок с ребятами. Иной раз так хочется побыть одному — все бы отдал. Зимовка она и есть зимовка. К концу, особенно, многое уже раздражает. Тот ест не так. Другой не так смеется. Тут надо держать себя в руках. Сорвешься — потом не поправишь.

— Как, спрашиваете, держать

себя? Первое — работа. Второе — работа. И третье — тоже работа. Я лично так думаю: трудолюбие, высокая квалификация и любовь к своему делу. Иначе на зимовке не удержишься.

Зимовал со мной Р. второй раз. Тоже в отпуск не пошел, хотя я ему и говорил, что надо передохнуть. Р. — веселый парень, на гитаре играл. Бывало, возьмет гитару да запоет — глядишь и отойдет сердце.

Любая весть из дому воспринимается на зимовке как бы через огромное увеличительное стекло. В обычных условиях и внимания не обратишь. А тут — конец света прямо. Запоет, значит, парень — и легче. Пес мой его любил очень. Собаки чувствуют человека: кто добрый, а кто злой. Это я точно заметил. Одного зимовщика невзлюбил. Бросается — и все. А пес здоровый — датский дог. Один раз укусил, другой. Вижу, дело плохо, изуродует парня. Пришлось с псом расстаться. А вы бы как поступили на моем месте?

Так вот про Р. Не выдержали у него нервы. Сначала почти месяц из дому вестей не получал. Потом радиogramма пришла, да какая-то суховатая. Вроде протокола профсоюзного собрания: «Дескать, живы-здоровы, общее течение жизни принимаем удовлетворительным».

Просыпаемся в одно зимнее утро — Р. нет. Он как раз в ночь дежурил. Начали искать. Кинулись, конечно, в сторону перевала Кашал-Аяк. Ригель здесь обрывается круто вниз, как раз недалеко от метеостанции. Может Р. оступился в темноте и лежит под скалой? Был такой случай лет двенадцать назад.

Все облазили — следов нет. Тогда только кинулись в другую сторону, смотрим — лыжня. Больше никому: Р. пошел вниз. Двинулись по следу. Как две строчки печатные: здесь он торопился, спешил, чтобы до рассвета уйти, пока мы не хватились. Дороги не разбирал. Проваливался в трещины несколько раз. До сих пор удивляюсь: как он без ледоруба из трещин вылезал? Все хотел его спросить потом, да не пришлось к случаю. Потом Р. лыжи бросил — лыжник он был так себе, — пешком пошел. За весь день только раз и передохнул. Шел, шел и шел...

Фору он нам большую дал — не догнали. Да и к лучшему. Черт знает, что могло случиться: ребята очень злы были на него в первый момент, могли сгоряча... Одним словом, лучше, что не встретились тогда. Повезло, как говорится, обоим.

Р. дошел. Один. Зимой. По леднику.

Повезло, что Мирзобадалов зимовал в Алтын-Мазаре и встретил его с лошадьми: Р. на дежурстве дал за моей подписью радиogramму в Алтын-Мазар, чтобы его встретили у «языка». Вроде он с моего разрешения со станции ушел. Ну, его и встретил караванбаши, привез в Алтын-Мазар, а оттуда в Дараут-Курган проводил.

Через пару дней сидел наш дорогой коллега со своей семьей в Перми в малогабаритной двухкомнатной секции и смотрел цветной телевизор, который мы с ним вместе покупали, когда я в Пермь к нему из отпуска заезжал. А мы куем на леднике: работы ровно на

четверть прибавилось. Зимовало нас тогда всего четверо. Такие пирожки.

Как вы думаете, чем кончилась эта история? Вернулся беглец! В начале лета собрали на стол, обедать сели и как в кино: появляется Р. Отмахал километров сто пятьдесят по горам. Мирзобадалов на станцию отказался его везти, помня обман, ну и пришлось ему на своих двоих.

Пришел значит. Пригласили обедать. Ложками по тарелкам возим, о погоде, как московские таксисты, говорим. Про главное ни он, ни мы — молчок.

Покурили после обеда. Пошел я на площадку зачем-то. Р. со мной. Говорит: «Обратно пришел. Возьмешь?»

Злости на него у меня лично никакой не было — прошла. Я его знаю давно: в Киргизии работали вместе. Это же тоже не всякий может на старое место вернуться, а?

— Ладно, — говорю, — надо с ребятами сначала посоветоваться. Тут, сам понимаешь, один я ничего решить не могу.

Проспорили до позднего вечера. Двое против одного решили просить управление взять Р. обратно. Когда мы радиogramму дали в Душанбе, Р. будто в спортлото выиграл. Опять гитару свою взял, ударил по струнам. Я ему тихо говорю: «Ямщик, не гони лошадей...» Дескать, погоди, что еще Душанбе решит...

А он рукой машет:

— Главное, что вы решили, ребята. Вот что главное.

Получаем ответ на нашу радиogramму: «Такой-то пусть немедленно покинет станцию». Принес я ему листок, он повертел его в руках. Лицо у него стало белее бумаги. На следующее утро простился и ушел вниз. Больше я Р. не встречал.

Единственное, что я мог для него сделать, — просить Мирзобадалова встретить Р. у «языка» с лошадьми. Веришь, восемь радиogramм дал, прежде чем старика уломал. Нет — и все. Железный старик. Ты с ним поговори, как он с Р. встретился. Мне не сказал. Может, тебе скажет.

Маркамыл-ага был немногословен.

— Знаешь, как это бывает? Вот растет хлопок. Его греет солнце. Он думает, что всегда будет белым цветком. Потом приходит осень. Хлопок думает, что он еще цветок. Но только хлопок один так думает. На самом деле он уже гузапая — сухая черная палка.

5. Светлая родина

Последние часы на леднике. Сегодня густой туман, и караван не вышел на станцию. Караванчики приехали к нам. Стали разговорчивее. Только караванбаши по-прежнему молчалив. Макаров завел за обедом длинную беседу, если можно назвать беседой монолог Олега о преимуществах разговорчивости перед молчанием. Маркамыл-ага, сидя на кошме, слушал не вступая в разговор. Только однажды пробормотал что-то похожее на стихи. Хаитов перевел мне с пятого на десятое: «Пока человек молчит, его достоинства и недостатки скрыты. Кустарник не думает, что он может стать местом охоты. Но может статься, что в нем будет дремать барс».

Я пересказываю, в свою очередь, этот текст Макарову. Он качает головой:

— Ничего не понял. А ты?

Мы смеемся, караванбаши неожиданно говорит по-русски:

— У вас тоже есть поговорка: слово — медь, молчание — золото.

— Верно, — соглашается Олег. — Только все не медь. Слово дороже ценится: серебро — так в поговорке.

— Пусть так, — кивает головой караванбаши. — А все не золото...

Я думаю о ребятах на станции. Толя Помазной, Володя Колбасин, Юра Кашников, Саша Гусельников будут зимовать впервые. Ивченкова с ними не будет. Он берет отпуск и собирается в Ялту, где его ждет жена и пятилетняя дочь Верочка. На станцию придет новый начальник.

Нелегко жить и работать на высоте, где давление воздуха две трети атмосферы, где 240 дней лежит снег, а средняя годовая температура около минус десяти градусов. Вот почему почти каждый год прибыва-

ют на станцию новые зимовщики. Они работают год-другой и возвращаются в долину нередко с расширением сердца, разбитым на ледяных перевалах.

К изучению и прогнозированию деятельности ледников теперь подключились и космонавты. Экипаж «Салюта-3» проделал важную работу, сняв обширные районы Памира и Тянь-Шаня.

«Фокусы», которые не раз уже выкидывали ледники, грозят опасностями тысячам и тысячам людей. Достаточно вспомнить быстрые передвижения ледников Медвежьего и Дидаля, когда только своевременный прогноз, составленный учеными, и быстрое оповещение жителей позволили избежать человеческих жертв.

На станцию, как и год, и два, и десять, и двадцать лет назад, зимовщиков поднимает караван. Караванщики Маркамыл-ага, Мирзобадалов, Дехкан Абдылдаев, Азимджан Бувахалов, Маит Хаитов работают бессменно много лет. Что же держит их здесь, на пронизывающем горном ветру, на головокружильных высотах, в вечном безмолвии снега и льда? Может быть, заработки? Но в долине они получали бы, пожалуй, не меньше, чем здесь, в горах. Средний заработок у караванщиков чуть больше 120 рублей. Азимджан по специальности механик, Дехкан — чабан, Маит — шофер. Маит, между прочим, дважды бросил караван, работал в Оше на хлебокомбинате, потом на «скорой помощи», но все равно возвращался к каравану.

Маркамыл-ага которую осень подряд говорит, что последний раз прошел с лошадьми. Но наступает весна, и он опять ведет караван на ледники. Тридцать два года ходит он на великие снежные перевалы.

В чем тут дело? В привычке? В верности редкой профессии?

Я спросил об этом караванщиков. Они пожали плечами.

Потом, уже дома, вспомнил я короткий разговор с Мирзобадаловым в тот день, когда мы выходили из Алтын-Мазара на ледник.

Был прозрачный высокий день. Горы ползли в синее небо. Наши лошади шли рядом.

— Ты говоришь, что много ездешь, — сказал Маркамыл-ага. — Видел ты что-нибудь светлее моей родины?

Недавно в газетах была напечатана маленькая заметка. Вот ее текст: «Самым высокогорным местом посадки вертолетов в стране стала метеостанция «Ледник Федченко». Около месяца шла работа по строительству в заоблачной выси посадочной площадки для вертолетов. Метеорологи сумели сделать значительный для высокогорья объем работ, в том числе взрывных, раньше намеченного срока. «МИ-4» доставил зимовщикам продукты, свежие овощи, новые приборы».

И я представил на мгновение, сколько же рейсов сделал Маркамыл-ага Мирзобадалов и его караван, чтобы обеспечить зимовщиков всеми необходимыми для этой работы материалами. Сколько раз он и его товарищи рисковали жизнью. Сколько сил они отдали тому, чтобы новая тонкая ниточка связала метеорологов с «большой землей».

Мир тебе, караван! Салам алейкум!

Кто открыл Америку?

В течение двух лет на Алеутских островах, на берегах Байкала и на острове Ольхон проводились совместные советско-американские комплексные археологические исследования. Группу советских ученых возглавлял директор Института истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР академик А. П. Окладников.

Совместный поиск привел к важным открытиям, при раскопках было обнаружено немало чрезвычайно ценных находок. Главный вывод экспедиции таков: коренные жители Нового Света — индейцы, алеуты и эскимосы — были выходцами из Сибири.

Руководитель американской бригады ученых профессор Кеннедикутского университета Вильям С. Лафлин сказал:

— Сибирь и Аляска — это все равно что одно поселение, через которое протекает река. Мы должны вести раскопки на обоих берегах этой «реки».

Первые поселенцы пересекли Берингов пролив шесть-семь, а может быть, и более тысячелетий назад. Их было, надо полагать, немного — несколько сотен человек. А к моменту открытия Америки Колумбом население Нового Света составляло уже около трех миллионов человек.

ЭЛЬДОРАДО

Олег
ЛУКЬЯНОВ

Рисунки
Е. Стерлиговой

Большой космический корабль, несший отряд колонистов к планете Эльдорадо, потерпел аварию в районе красного солнца, не пройдя и половины пути. Потерявшая управление гигантская капсула попала в поле притяжения солнца, словно муха в паучью сеть, и теперь беспомощно двигалась по неведомой орбите.

Капитан Сплот принял решение посадить корабль на одну из планет системы. Две томительные недели подавленные страхом люди ждали возвращения ракет-разведчиков. Так ждут неведомых спасителей замерзающие в снежной пустыне, умом сознавая, что на сотни верст вокруг нет и не может быть человеческого жилья... Но случилось чудо, и в ледяной мгле сверкнул живой огонек. Пришло сообщение, что третья от солнца планета пригодна для жизни.

Едва удерживая под контролем больной организм корабля, капитан Сплот сумел выполнить подходящие маневры. Гигантская ракета, издыхая в последнем реве аварийных двигателей, пошла на посадку.

Они вырвались с Миноса — своей старой и страшной планеты, распластанной под пятой правительства тиранов. Двести отчаяннейших из отчаянных совершили вооруженный налет на космодром, отключили сигнализацию, перебили охрану, не потеряв при этом ни одного из своих людей, и захватили большой космический корабль. Они успели посадить свои семьи и погрузить все необходимое, умудрились взлететь и под перекрестным огнем ракетных установок уйти невредимыми. Их курс лежал на планету Эльдорадо, планету-мечту, о которой много рассказывал на тайных собраниях капитан Сплот. Но вышло так, что их стремительный взлет на волне удачи внезапно обратился в падение.

Унылое плоскогорье, придавленное низкими тучами, казалось таким же безликим и мрачным, как скалы, беспорядочной толпой уходившие в сумерки горизонтов.

Глубокий, исходящий из недр туч звук прокатился по равнине. В клубящемся месиве вспыхнуло, разгораясь, светлое пятно. Оно становилось все ярче, а звук все громче. Внезапно ослепительный столб огня прорвал пелену и обрушился на равнину. Горы задрожали от оглушительного рева, посыпались камни со склонов. Все заволочило дымовой завесой, внутри которой вспыхивал огонь. Потом стало тихо...

Из черной мглы начали появляться люди. Их становилось все больше. Они суетились и кричали, затем внезапно рассыпались в стороны, уступая дорогу исполинской механической гусенице. Лязгнув суставами, машина поползла прочь от ракеты, и люди толпой повалили за ней.

Постепенно они вытянулись в длинную живую ленту. Извиваясь между камнями, лента уползала все дальше и дальше, пока не исчезла из виду.

Прошли минуты или часы, и ничего не изменилось, только стало темнее, и начался дождь. Потом снова послышался гул. Покинутая ракета вздрогнула, накренилась, и вдруг тьма обратилась в страшный белый свет. Грохот сотряс равнину, ударил фонтан огня, потом стало темно, темнее, чем прежде, и с неба начали падать камни.

Пришла ночь, глухая и беззвездная. Едкий запах гари полз по долине. Люди табором сгруппировались вокруг вездехода. Спали плохо, и многие вскрикивали во сне, когда в воспаленном мозгу вдруг снова возникала грандиозная картина гибели ракеты.

Но наступило утро, и напряжение стало спадать. Красное солнце выползло из-за гор. Его лучи, остывая в сыром тумане, тронули негреющим светом съежившиеся фигуры, и табор зашевелился. Послышались возгласы, крики, плач детей.

И тогда капитан Сплот, всю ночь недреманным оком следивший за долиной, влез на гусеницы и выпрямился во весь рост, сцепив опущенные руки. Солнце посеребрило щетину его щек и высветило лицо, перерезанное тяжелыми складками, — суровое и печальное лицо вождя, поднявшего людей на бунт и потерпевшего неудачу. Он обвел взглядом товарищей и начал говорить, не торопясь, взвешивая каждую фразу, не тихо и не громко, но так, что слышал каждый:

— Нас постигла беда, мы проиграли. Но не надо отчаиваться. Пока человек жив, он борется. Это закон жизни. Пусть уголок, в который нас забросила судьба, неустроен и дик, но он пригоден для жизни... Нам с вами никогда не достичь Эльдорадо. На это просто не хватит наших жизней. Но наши потомки достигнут ее, потому что с нами — Знание. Пусть скудны наши исходные средства, но мы знаем, как строить города, как создавать цивилизацию... Единственный путь для нас — уцелеть, сохранив ясный ум. Создать на этой планете цивилизацию, способную строить ракеты. И тогда мы, в телах и душах наших детей, снова поднимемся в небо...

Капитана слушали очень внимательно. Его слова несли успокоение своей горькой правдой, избавляя от дразнящих иллюзий. Они дошли до сознания каждого члена колонии и были приняты безоговорочно и почти единогласно. Почти, потому что нашелся человек, не согласившийся с капитаном. Этого человека звали Свен.

— Я не согласен с тобой, капитан Сплот! — сказал он, выступая на середину круга. — Я не

хочу жить на этой отвратительной планете, ставшей могилой для моей мечты. Я ненавижу ее, потому что она сохранила мне жизнь. А моя жизнь там, на Эльдорадо. Я не желаю другой жизни! Это жалкое существование без малейшей надежды на будущее — нет, оно не для меня!

— Что же ты предлагаешь, Свен? — спросил капитан, глядя на него сверху, и люди загомонили и зашевелились. — Что ты предлагаешь, Свен? Твое решение, скажи его нам!

— Я человек простой, вы знаете меня. На своей богом проклятой родине я работал по четырнадцать часов в сутки, чтобы прокормить своего сына Гека — вот он, перед вами, мой мальчик. Я пошел за тобой, капитан Сплот, и проиграл. Проиграл дважды. Когда пошел за тобой и теперь, когда ты безжалостно рвешь мою надежду!

— Говори короче, Свен, — попросил капитан, присаживаясь на крышу. — От обилия слов мысль не становится яснее.

— Скажу короче. Надо строить ракету! И начать немедленно, не откладывая ни дня!

— Из чего, безумец? Из камней, из деревьев?

— Наша ракета взорвалась. И все-таки кое-какие части ее уцелели. Этой ночью я ходил туда, на место взрыва... Среди нас есть умные головы. Надо собрать уцелевшие детали и что-нибудь придумать. И потом мы можем разобрать вездеход. Я так думаю, что в нем найдется много подходящих частей. Мы построим одну маленькую ракету и пошлем ее на Эльдорадо, а потом за нами прилетят и увезут нас всех отсюда.

— Твое невежество ослепляет тебя, Свен, — сказал капитан и, прыгнув, подошел к нему. — Это непростое дело — построить ракету. А уж ломать вездеход — безумие. Вездеход — наше оружие в борьбе с природой. Мощное оружие, Свен! Без него мы можем погибнуть.

— Вот, вот! — перебил Свен, втыкая указательный палец в грудь капитана. — Дело не в том, что построить ракету невозможно. Ты просто боишься риска, последнего риска!

Он обернулся к людям.

— Вы забыли наш девиз: Эльдорадо или смерть! Да, за то время, пока за нами прилетят, многие могут погибнуть. Но ведь вы знали, на что шли. Я еще раз повторяю — надо строить ракету. Все силы отдать этой цели...

Он говорил, все больше распаяясь. Он кричал и размахивал руками. Но его уже не слушали. Усмехаясь и качая головами, люди стали расходиться. Надо же придумать такое! Строить ракету на голом месте. Поставить на ничтожный шанс свою жизнь и жизни детей теперь, когда смерть отступила и появились надежды...

И Свен остался один со своим четырнадцати-

летним сыном Геком. Но оставшись один, он еще больше утвердился в своей правоте. Он был из тех натур, которых не пугает людское неверие, а наоборот, укрепляет в убеждениях.

С этого дня в душе Свена вспыхнул огонь веры, и уже никто не мог бы погасить его. Он чувствовал всем своим существом, что людине правы, что не прав мудрый Сплот, что можно построить ракету, если думать только о ней и все силы отдать только этому делу. Надо поменьше думать о брюхе и, главное, не расхолаживаться мыслями о том, чтобы прожить здесь до самой смерти. Капитан Сплот должен был вдохновить людей на жертвы во имя главной цели. Нужна вера, фанатическая, испепеляющая вера в удачу, и в человеке пробудятся нечеловеческие силы. Тогда цель, вчера казавшаяся недостижимой, сегодня станет реальностью...

В течение многих дней Свен, обтрепанный и похуевший, ходил по хижинам и произносил перед людьми страстные проповеди. Но его не понимали.

— Бедняга! — говорили одни, когда он уходил. — Он скоро свихнется на своей идее.

— Невежество рождает веру, — говорили другие, — а одной верой и камня с земли не поднимешь.

Его пытались вразумлять, но Свен упрямо стоял на своем. Его начали стыдить, говоря, что он совсем не заботится о мальчике, думает только о себе. И тогда отчаявшийся Свен, наконец, умолк. Он обиделся на людей. Однажды утром люди обнаружили, что хижина Свена пуста. Свен вместе со своим сыном Геком исчез.

Спустя неделю в поселке появился Гек с котомкой за плечами. На все расспросы он хмурился, ничего не отвечал и только твердил:

— Отец просит дать ему книги. Он их вернет, когда прочитает.

Он набил полную котомку разными книгами и исчез надолго. Прошла зима, а весной Гек появился снова и взял новые книги, и опять никому ничего не сказал. И так он приходил время от времени, оборванный и молчаливый. Его подкармливали, давали одежду. А потом он надолго исчез и больше не появлялся, и люди решили, что Свен и его сын погибли.

Шли месяцы, и каждый из них становился очередной ступенькой на лестнице новой истории. Люди нашли и начали добывать руду. Появились первые повозки: приручили диких лошадей. Стремительными шагами поднималось маленькое человечество вверх по хорошо знакомым ступеням развития. Но даже этого стремительного движения не хватало, чтобы в пределах одной человеческой жизни достигнуть той ступени, с которой стартуют космические ракеты...

А Свен в это время жил в горах, недалеко

от места взрыва. Там была ровная лужайка, поросшая яркой зеленой травкой. На краю ее торчало одинокое деревце. Ручей струился среди камней. К площадке снизу вела козья тропа. Лучшего места невозможно было найти. И Свен построил здесь хижину. Все лето он таскал сюда уцелевшие части корабля, и вскоре площадка оказалась окруженной горами металлолома — трубами, покореженными листами металла, разными замысловатыми штуками. Ему сильно повезло. Он нашел ящик с инструментом, что позволило ему сразу же, не теряя времени, приступить за работу.

Свен трудился до глубоких холодов, а когда наступила зима, взялся за чтение книг, принесенных Гekom. Книги были очень мудры, испещрены таинственными формулами. Слабый свет знания лишь едва коснулся неискушенного его ума. Но Свен не терял надежды. Он знал, что если упорно читать, рано или поздно научишься понимать прочитанное. И он — читал и читал.

Дни шли за днями, и Свену некогда было даже подумать о хлебе насущном. Все практические заботы взял на себя Гек. Мальчик был всегда серьезным. Он считал, что отца несправедливо обидели, уважал и жалел его. Разговаривали они друг с другом редко.

— Ты очень мало ешь, отец, — сказал как-то Гек. — Вот козлятина. Я убил вчера дикую козу из твоего ружья. Тебе надо хорошо питаться, отец.

Свен оторвался от книги и посмотрел сквозь говорившего.

— Спасибо, сынок. Давай сюда это мясо. Ты прав, мне надо есть. Я должен сохранить силы, чтобы построить ракету. Они, те, что остались внизу, — жалкие рабы своих желудков. Они живут для того, чтобы есть. Поэтому они не поддержали меня. Ты не ходи к ним. Они потеряли главное — веру в будущее, а без веры человек беспомощен и жалок... Ты увидишь, Гек, я построю ракету! Я прочту все книги, которые надо прочесть. Этой осенью я еще добыл немало хороших книг, уцелевших после взрыва. Некоторые из них обгорели, но прочесть их можно. И я построю ракету. Один!.. Гектор, сынок, мы увидим с тобой планету Эльдорадо! В те времена, когда Сплот был еще мужчиной, он часто рассказывал о ней. Это планета-сказка... Там текут реки из настоящего виноградного сока! Там воздух так свеж, что одного глотка хватит, чтобы опьянеть! Там люди живут по триста лет, Гек, сынок! А здесь, на этой богом забытой планете, все до одного погибнут, я знаю...

Опаленный огнем отцовской веры, Гек горел желанием увидеть чудесную планету. Он верил своему отцу...

Прошла еще зима, суровая, свирепая зима. Гек сумел набить достаточно дичи и запастись дроздами. Снега завалили маленькую хижину, и

только тоненькая струйка дыма, курившаяся над белыми холмами, говорила о том, что здесь живут люди.

Весна растопила снег, раскудрявила молодой зеленью деревья. В эту весну Свен начал строить ракету. Он очистил площадку, обнес ее изгородью и принялся за дело. Когда-то он работал и плотником, и по металлу, и — кем только он не работал! Он умел ладить с инструментом... Главное — построить корпус. Корпус — основа ракеты, а потом, придет время, можно будет подумать и об остальном.

...И потекло время, дни сменялись ночами, оборачивались неделями, недели складывались в месяцы, месяцы в годы... Подросший и окрепший Гек стал надежной опорой отцу. Он добывал пищу, вел хозяйство, помогал строить ракету.

— У каждого человека должна быть цель в жизни, — говаривал Свен. — Жизнь без цели — все равно что небо без солнца. Вот она, наша с тобой цель, малыш, — наша ракета!

И он, довольно смеясь, похлопывал по обшивке корпуса широкой своей ладонью.

Однажды Гек спустился в поселок. Так, ради любопытства. Посмотреть, как живут люди. А они уже построили каменные дома, в которых горел электрический свет. Это почему-то задело и встревожило Гека. Значит, они устраиваются здесь основательно и надолго, но почему?

Возвращаясь домой, он увидел на лугу девушек, собиравших цветы. Он остановился у дерева, наблюдая за ними.

— Эй, Гек! — закричали они, увидев его и как будто ничуть этому не удивившись. — Иди сюда, отшельник, развлеки нас, а то нам скучно!

Гек, смутившись, отвернулся и быстро пошел прочь, а вдогонку ему раздался веселый, обжигающий смех.

В поселке теперь все знали, что старый чудак Свен живет в горах. Капитан Сплот только хмыкал в ответ на сообщения о том, что на скале возводится нечто похожее на ракету.

— Свен — выживающий из ума чудак, — говорил он сомневающимся. — Нельзя построить ракету в одиночку, не имея точных чертежей, материалов и оборудования. А у него ничего этого нет.

И поселок продолжал жить своей жизнью. Уже работал маленький металлический заводик. Правда, изделия его были убоги, но они были произведены здесь, на этой планете, и в них капитан Сплот видел то далекое, еле мерцающее будущее, которое вспыхнет светом ракет, улетающих на Эльдорадо. Да, к тому времени не будет в живых ни его самого, ни его товарищей. Ну что ж! Такова жизнь! Мы вселяем ее в своих детей, чтобы утвердить собственное бессмертие...

Геку исполнилось девятнадцать, а Свен ещё на несколько лет стал ближе к тому краю, за которым жизнь обращается в вечность. Площадка, на которой они жили, приобрела усилиями Гека благоустроенный вид. Он соорудил небольшой загон, в котором паслись прирученные им козы. По вечерам он поил отца теплым козьим молоком.

— Ты слишком много думаешь о пище, малыш,— бурчал Свен, однако пил густое, остро пахнущее молоко. Пил без наслаждения, только для того, чтобы восполнить силы и тут же вновь погрузиться в работу...

Она высилась над загоном — неуклюжая, шероховатая, сработанная человеческими руками, вобравшая в себя уйму пота и крови. Она походила на ствол исполинского дерева, наполовину срубленного молнией. Её острые края уходили вверх, стремясь сойтись в вершину, уже начертанную в воображении Свена и видимую только им одним.

Из поселка уже можно было различить странное сооружение, выросшее из скал. Капитан Сплот направлял бинокль на скалу Свена, рассматривал корявые формы корпуса и бормотал про себя:

— Нет, он не чудак,— он сумасшедший!

В тот день, когда Свен возвел верхушку корпуса, в поселке состоялся карнавал в честь открытия первой гидростанции. Свен особенно потрудился в этот день и только с наступлением ночи разрешил себе немного отдохнуть. Он присел у основания ракеты, закурил трубку и, глубоко затянувшись, пустил струю вверх, туда, где выше его головы уходила вверх неровная линия корпуса.

— Тяжелый был денек! — пробормотал он, вытягивая ноги.

Натруженные ладони его горели, и усталость медленно стекала по сильным еще мускулам, освобождая тело для отдыха.

— Гек, эй, Гек, принеси-ка воды! — крикнул он в темноту, но темнота ответила молчанием.

Свен поднялся, оттолкнувшись обеими руками от корпуса, и обошел площадку. Гека нигде не было. Далеко внизу во мгле ночи горела россыпь огоньков. Там веселились люди, оттуда доносились звуки голосов, обрывки песен. Теплый ветер дул с далекого горизонта, обозначенного узкой огненной чертой, а выше, в прорехах туч, мерцали звезды.

— Ушел! — пробормотал Свен. — Глупый мальчишка!

Он глубоко вздохнул, погасил трубку и пошел спать, так и забыв, что хотел напиться.

Утром он обнаружил возле своей постели кувшин. Настоящий медный кувшин. В хижине было полутемно. На полу, завернувшись в шкуру, посапывал во сне Гек. Свен взял кувшин в руки и заглянул внутрь.

Ого! Неужели вино? Он отхлебнул глоток. Настоящее виноградное вино! Он выпил полкувшина, не отрываясь и испытывая острое наслаждение, и вдруг отнял от губ холодный край и швырнул кувшин на пол.

— Проклятье!

Заворочался во сне Гек. Разлившееся вино плеснуло ему в лицо. Он проснулся. Отец сидел на кровати, взъерошенный, полуголый, рассерженный. Гек отбросил шкуру и сел, раскинув ноги.

— Ты что?

— Я? Я-то ничего, — выразительно сказал Свен. — А вот что ты? Ты опять был там, глупый мальчишка! Ты принес вино.

— Я хотел... я думал... Мне хотелось сделать тебе приятное, — забормотал Гек.

— Ты глупец! — закричал Свен, вскакивая с постели. — Ты прожил на свете всего девятнадцать лет, и если ты будешь жить, как они, те, у которых ты провел ночь, тебе останется еще два раза по столько. Потом ты станешь жалким стариком и умрешь от какой-нибудь старческой болезни, не прожив и четвертой части того, что тебе положено...

Он бегал по хижине и кричал. Хмель ударил ему в голову, разбередив в душе старую обиду. Он хотел объяснить Геку, что нельзя размениваться на мелочи, когда идешь к большой цели, что надо набраться терпения. Сплот и его люди — нытики, хотя их и большинство. Они воззятся в земле, что-то выращивая, что-то строя...

— Ты пойми, чудак, — говорил он, присаживаясь на корточки рядом с Геком. — Ты пойми главное! Мы с тобой потеряли пять лет. Пусть мы потеряем еще столько же, но зато мы сможем улететь на Эльдорадо. А там люди живут по триста лет. Подумай только, дурачок, — триста лет! Да здесь за это время черви сожрут пять поколений... И какие триста лет! Триста лет полнокровной жизни! На Эльдорадо люди не болеют и не старятся. Они умирают тихо и без страха, когда насытятся жизнью и сами больше уже не хотят жить... Не-ет! Эти жалкие людишки еще отольют нам золотой памятник за то, что мы сейчас для них делаем!

— Но я думал... я принес вино, потому что все мужчины внизу пьют его, — оправдывался Гек.

— К черту вино! — закричал Свен. — К черту наслаждения! У нас все впереди! — он схватил сына под мышки сильными своими руками и рывком поставил на ноги. — Запомни крепко, Гек, у нас все еще впереди. Все радости жизни! Мы еще наверстаем упущенное. Ты понял меня?

— Я понял... — вздохнул Гек. — Я тебя понял.

Потянулись будни. Трудные будни, до отказа насыщенные работой. Свен целыми днями

возился вокруг корпуса, что-то прилаживая, что-то примеряя, и за ним уныло ходил Гек.

— Поддай-ка мне молоток и пару заклепок, малыш, — говорил Свен. — Надо покрепче прибить эту заплатку, что-то у нее край отгибается... Космос — он шутить не любит...

Он получал молоток и, задрвав бороду, с грохотом колошматил в пустой железный бок ракеты.

Еще два месяца ушли на отделку. Свен изготавил специальный подъемник в виде веревки, перекинутой через блок, закрепленный на вершине ракеты. С утра до вечера он, как паук, ползал по поверхности своего детища, заботливо заделывая трещины и бормоча: «Вот так... вот так... Космос, он шутить не любит»...

Однажды Гек спросил его:

— Отец, а что будет двигать нашу ракету? Мне кажется, ты об этом еще не думал?

— Ты прав, сынок, — ответил смущенный Свен. — Об этом я как следует не думал. Но это пустяки. У меня есть книжки, где про это написано... Главное — это корпус, остальное пустяки, придумаем потом. А корпус ведь хорош, не так ли? К следующему году отделаем каюту, оборудуем кладовую для продуктов, ведь лететь нам долго, а потом уже подумаем насчет двигателей...

И снова наступила зима — свирепая жительница этой планеты, названия которой Свен не знал и не хотел знать. Лютый холод сковал окрестности, загнал в щели и норы все живое. Снегами завалило долину и горы, нетронутыми остались только зубцы скал. Зима прервала работы. Стояли крепкие морозы, а в хижине было тепло и светло. Гек припас на зиму сала диких свиней, оно горело в глиняном блюде. Сала было много. И мяса тоже. Ненавидимая Свенем планета не скупилась на свои природные дары... У них припасено было даже два мешка муки, добытой Геком в селении. Зерно, из которого была сделана мука, вырастили люди, презираемые Свенем, поэтому Гек умолчал о происхождении этой муки, а отец вопросов не задавал.

Мясо и хлеб. Свет и тепло. Что еще нужно человеку?

Всю эту зиму Свен читал книги. Его занимала мысль о том, как сделать двигателя. Неизвестно, чем занимался Гек, но только в эту зиму его душу впервые тронул червь сомнения.

В селении любили его, хотя и появлялся он редко. Он был очень стеснителен и краснел при всяком вопросе, касающемся их с отцом дел. Однажды на улице он столкнулся лицом к лицу с капитаном Сплотом. Смутьившись, Гек отступил в сторону и хотел пройти мимо, но капитан положил ему на плечо руку и сказал:

— Добрый день, Гек.

Геку ничего не оставалось, как ответить приветствием на приветствие.

— Добрый день, капитан Сплот, — пробормотал он, глядя себе под ноги.

— Я слышал, твой отец строит ракету? — спросил Сплот.

— Да, он строит ракету, — ответил Гек.

— И ты помогаешь ему?

— Да помогаю... когда у меня бывает свободное время.

— А часто ли у тебя бывает свободное время? — спросил капитан, не снимая руки с плеча Гека.

— Нет, не часто, — сказал Гек, поднимая глаза и глядя в неподвижное лицо капитана. — Отец все время занят, а я добываю пищу для нас обоих.

— Ты хороший сын своего отца, Гек. Но ты был бы еще лучшим сыном, если бы сумел убедить его бросить бессмысленное занятие и спуститься к нам. Мне, к сожалению, не удалось сделать это... — Он помолчал и, чуть тряхнув плечо Гека, опустил руку.

Гек после долго думал над его словами, а отцу об этой встрече говорить не стал. Свен все эти дни что-то вычерчивал на бумаге, которую раздобыл Гек. Отец давно уже испытывал нужду в писчих принадлежностях и поэтому очень обрадовался, когда в один прекрасный день обнаружил на полу возле своей лежанки стопку грубовато сработанной бумаги и пару корявых карандашей. Опять он сделал вид, что не знает, откуда это взялось. Гек только усмехнулся, глядя, как отец жадно вцепился в серые листы.

Она недешево досталась ему, эта бумага. Пробиться сквозь снежный завал к селению на самодельных лыжах — дело нешуточное. Гек ничего не сказал отцу о ране на плече, оставленной голодным барсом, внезапно бросившимся ему на плечи, когда он пробирался через лес. Хорошо, что под рукой оказался кинжал, подаренный в свое время одним заботливым жителем селения. Иначе не видать бы Свену ни бумаги, ни сына... Теперь пятнистая шкура барса покрывала пол хижины, а на вопрос отца, откуда она взялась, Гек хмыкнул и пожал плечами:

— Убил на охоте, откуда же еще?

Весну своего двадцатого года Гек встретил в состоянии сильной душевной неуравновешенности. Он вдруг отчетливо понял, что ненавидимая его отцом планета вовсе не ненавистна ему самому.

Запахи пробуждающейся природы будоражили ему душу. Нежная зелень дерева, полыхающая в чистом голубом небе, притягивала взгляд своей понятной близостью. И горный

пейзаж, ставший привычным за эти годы, породил чувство уюта, чувство родины. Весело журчал ручей. Он щедро снабжал их чистой, вкусной водой. И лохматые козы по-прежнему давали им молоко, шерсть и мясо. И все было хорошо. А главное, внизу были люди, такие же, как и он и его отец.

В эти теплые весенние дни, когда пробуждалось и цвело все живое, Свен работал, как проклятый, забыв весь мир. Он не замечал ни чудесного весеннего солнца, плавающего в томной голубизне неба, ни клейких молодых листочков, словно написанных свежайшей краской на голубом полотне. Он не слышал ни журчания ручья, ни блеяния коз. Не замечал он и мучений своего сына. Он работал. Работал на будущее, потому что по-прежнему не верил планете, на которой жил...

Она стояла совсем готовая, прекрасная, очень красивая ракета. Правда, кое-где на ее шершавом теле виднелись заплатки, но это были сущие пустяки. Корпус ракеты был окрашен в приятный стальной цвет. В верхней его части имелась небольшая дверца, а за этой дверцей находилась аккуратно сработанная каюта на двух человек. Имелся даже иллюминатор в борту, надежно закрытый толстым стеклом недурного качества. Это стекло являлось очень важной деталью ракеты. Без него Свен не мыслил своего корабля. Еще только возвода каркас, он часто задумывался над тем, где достать стекло для иллюминатора. И вот, кривя душой, он иногда вслух, как бы говоря сам с собой, вспоминал об этом стекле в присутствии Гека. И стекло появилось. Оно было только чуть-чуть, самую малость, неровно, но зато совершенно прозрачно и вполне подходило для иллюминатора... В общем, ракета получилась хоть и небольшая, но совсем как настоящая, и теперь мысли Свена были заняты проблемой двигателя. Все, что писалось, было слишком сложно. Свен искал решения попроще...

Однажды он заметил, что Гек — в отличие от прошлых лет — чаще отсутствует, чем бывает рядом. Это не понравилось Свену. Вечером он встретил сына, поднимающегося по тропке, и серьезно поговорил с ним.

— Тебе надо прекратить ходить туда, — сказал он в заключение. — Не дури, ждать осталось недолго.

Гек что-то буркнул в ответ и скрылся в хижине. В этот момент внизу, в долине, вдруг расцвел фонтан разноцветных огней. Они устремились ввысь, в темнеющее вечернее небо, и рассыпались сверкающим дождем. За первым залпом последовал второй, третий... Люди долины что-то праздновали.

Эти разноцветные ракеты, маленькие блошки, пародии на его большую ракету, смущали Свена. Они задели его самлюбие тем, что под-

нялись в воздух. Всю ночь он ворочался в своей постели, думая все о том же — как заставить ракету взлететь?

Наутро его ждал удар. Всегда поднимавшийся с первыми лучами солнца, он на этот раз проспал, а когда проснулся, лежанка Гека была пуста. Свен вышел наружу и увидел сына. Тот стоял, облокотившись о плетень, и задумчиво смотрел вдаль, в сторону селения. Услышав шаги отца, он повернулся. Его лицо не было похоже на лицо человека, безмятежно проспавшего ночь. Тень усталости и печали лежала на нем. Несколько секунд Гек смотрел отцу в глаза, словно колеблясь, потом, опустив голову, сказал:

— Отец, я не спал всю эту ночь, как не спал много ночей до этого. Мне трудно тебе это сказать, ты постарайся понять меня... Я нашел девушку. Она стала моей женой. Я не могу жить без нее, а она не может жить здесь, потому что выросла в городе... Ну, там, в поселке... Они его так называют... Я не хочу спорить с тобой, отец. Мне тяжело смотреть на твой труд, и это все, что я могу сказать... Ракета — дело твоей жизни... Я должен покинуть тебя, другого выхода нет. Я ведь знаю, ты не пойдешь со мной, как бы я тебя ни убеждал.

Тяжелая стена молчания встала между ними, и первым сквозь нее шагнул Свен.

— Да, — сказал он, стоя там, где стоял. — Ты угадал, малыш. Я не пойду с тобой. Мне жаль, что так вышло. Иди... Я не держу тебя. Я сам дострою ракету. Остались пустяки. В нашей ракете хватит места и на троих. Я позову тебя, когда все будет готово.

— Я буду приходить к тебе каждую неделю, — сказал Гек. — Я буду приносить тебе пищу, мы все время будем заботиться о тебе, отец!

Он повернулся и пошел по тропинке. Остановившись, крикнул, сложив ладони рупором:

— Если что-нибудь случится, зажги костер, я немедленно приду-у-у! — и горное эхо повторило его слова.

— Хорошо, я зажгу костер, — прошептал Свен. — Я зажгу его, когда моя ракета будет готова к отлету!

С тех пор прошло много лет. Давно умерли те, что потерпели когда-то крушение, составились их дети и внуки. Часть жителей колонии улетела на Эльдорадо на построенных ими ракетах, а часть осталась на месте, потому что планета отцов стала им родиной. А на скале, где когда-то жил Свен, так и осталась стоять порывевшая от времени громадная игрушка — ракета, скорбная, как погребальная свеча, символ неистовой веры и оглушительной слепоты...

ГРОТЫ ГОРЫ БЕЛОЙ

Иосиф ШИМАНСКИЙ

*Рисунок
Н. Брезгулевской*

В 9 «б» обсуждали важный вопрос: кому из ребят идти в поход на поиски пещер. Накануне класс получил от Е. Г. Лешка письмо, в котором он писал: «Ваше решение принять участие в экспедиции одобряю и поддерживаю. В группу желательно подобрать смелых, отважных парней, можно и девчонок, но тоже боевых. Сбор десятого июня. Подготовить все необходимое».

— Вот это здорово! — закричал, хлопая в ладоши, Володя Авхимович.

— Не радуйся преждевременно, — сказал председатель совета дружины Костя Кошелев. — Будем ведь брать самых что ни на есть... А о тебе — разговор особый.

— Так я же исправился, сколько можно помнить прошлое?

— Итак, предлагаю выдвигать кандидатуры, — внес предложение Костя Кошелев.

— Мишу Зайцева! Он у нас самый отважный.

— Колю Орлова! Он не подведет.

— Ваню Смельчакова! Он первый в беде на помощь придет.

— Людочку Иванову! Она у нас...

— А что? Я — за, — сказал Костя Кошелев. — Она у нас будет медсестрой, не зря на курсы ходила.

На том и порешили. В телеграмме Е. Г. Лешку сообщали: «Группа укомплектована. Готовы выехать. Ждем вызов. Ваши верные друзья — юные следопыты 9 «б» класса».

...Сихотэ-Алинь хранит много тайн. Карстовые пещеры, городища, поселения древних людей — все

это, скрытое в недрах гор, представляет интерес для науки, для истории.

Вот уже четвертый десяток лет занимается поисками и изучением пещер краевед Ефрем Гаврилович Лешок.

Тысячи километров прошагал он по горным скалистым тропам, вдоль и поперек исколесил Уссурийскую тайгу.

Не раз знакомые говорили ему:

— Оставил бы ты, Гаврилыч, свою затею. Неужели получше занятия не найдешь? Все бродишь и бродишь, месяцами дома не бываешь.

...Как-то поведали Ефрему Гавриловичу, будто есть одна пещера, в которой много скульптур. А вот где она — никто не знает.

Собрался Лешок, закинул рюкзак за плечи и отправился в путь, на поиски. Месяц ходил — впустую, второй — опять ничего. Пошел в третий раз. Все сопки на десятки километров окрест облазил, каждую скалу проверил, а так и не набрал на ту пещеру. Закралось сомнение: может ее вовсе и нет, в заблуждение ввели старожилы? Но через много недель трудных скитаний нашел-таки Лешок пещеру на юго-восточном склоне горы Змеиной. Это был маленький вход под обрывистой высокой скалой. Работал день и ночь — на салазках вытаскивал грунт, метр за метром пробиваясь в глубь скалы. Наконец, вынут последний валун, вход в пещеру открылся. Включил карманный фонарик, попал в просторный зал с куполообразным потолком — и, удивленный, остановился: с левой стороны — нечто вроде огромного каменного человека! Он как бы

держал на своих могучих плечах свод пещеры. Рядом — другое изваяние.

В конце пещеры — узенький проход. Он вел в небольшой грот. А в нем — диво дивное: со стены глядело лицо молодой женщины!

О пещере Лешок сообщил известному советскому археологу академику А. П. Окладникову. Алексей Павлович вскоре приехал сюда сам. Находки Лешка оказались уникальными.

— Первый раз за свою жизнь я встретил на стенах пещеры такие изображения, — сказал академик. — Особенно поражает голова женщины. Она похожа на богиню красоты. Ямка на лбу — это символ Бохайского государства. Эти находки имеют мировую ценность.

Окладников внимательно рассмотрел сталактитовые наплывы и, обнаружив на потолке четкое изображение головы мужчины, спросил Лешка:

— В тот раз вы видели это изображение?

— Нет, я на потолок не обратил внимания.

Впоследствии А. П. Окладников писал: «Теперь можно было представить тот путь, что привел древнего мастера к созданию шедевра. Как и мы, он видел те же странные фигуры, похожие на обезьян и слонов. Из тьмы на него пугающе и чудесно взирали загадочные маски и химеры. Протиснувшись по жидкой пещерной грязи сквозь узкую щель в последней, самую потаенную полость пещеры, он увидел прекрасную, почти живую человеческую шею. А над ней овальное расширение, выпуклость, по форме и размерам такую же, как обычное человеческое лицо. Не хватало только деталей — глаз и рта. И, разгорячившись, он взял в руки нож, а потом какое-то зубчатое орудие, оставляющее на мягком камне легкие, еле заметные параллельные линии, точь-в-точь такие, как на лицах бенинских статуй в Африке. Высекая лицо, неведомый скульптор бережно оставил на месте причудливый натек сталагмитовой массы. Он был

похож на пышный локон и так хорошо лежал на своем месте».

Да, эти чудесные изображения на известковых натеках, дошедшие до нас из глубины веков, — творения человеческих рук...

Археолог Э. В. Шавкунов, внимательно изучив изображения, пришел к выводу, что это памятники культуры чжурчженей, предков современных удэгейцев, нанайцев, орочей, относящейся к концу XII — началу XIII веков. Изображение женщины он считает буддийской богиней милосердия и чадорождения — Авалокитешвары.

На горе Белой охотники заметили неизвестные ранее провалы, гроты, воронки, трещины и лазы. Об этом они написали Лешку. С группой спелеологов, с ребятами из 9 «б» он и решил проникнуть как можно дальше в царство Белой горы.

До Сергеевки доехали поездом. В совхозе попросили лошадь и повозку. По проселочной дороге добрались до правого берега Водопадной. Здесь остановились на привал. Разбили бивуак, развели костер, стали готовить ужин. У всех было приподнятое настроение — ведь до цели оставалось всего несколько километров. Особенно взволнованы были, это чувствовалось, новички Володя Авхимович, Люда Иванова, Миша Зайцев. Их взяли первый раз в такую дальнюю и ответственную экспедицию.

Ночью пошел дождь, к утру маленькая речушка вышла из берегов, прямо на глазах затопивая все вокруг. Подобралась вода и к палатке.

Первым заметил беду Миша Зайцев. Он собирался на рыбалку — форель половить, потому и проснулся раньше. В несколько минут все были на ногах.

Спасли все имущество, а вот палатку не смогли — унесло ее. Ребята приуныли. Успокоил Ефрем Гаврилович:

— Сделаем шалаш — не хуже будет. Привыкайте к таежным испытаниям...

Через разлившуюся речку перебирались по лесине. Дальше путь оказался тоже не из легких.

Пришлось прорубать топорами тропу через валежник и кустарник. Прибыли на место. Одна пещера была расположена на южной стороне Белой горы. Вход в нее просторный, метров пять в ширину. Высота — около двух метров. За большим завалом из камней был узкий лаз. Один за другим ползли по трубе, уходящей вниз. Долго пробирались по извилистому коридору и, наконец, попали в подземный дворец сказочной красоты. Дальше — сводчатый грот с арками. Стены грота усеяны кристаллами кальцита, горевшими разноцветными огнями. А тонкие, почти прозрачные сталагмиты и сталактиты тихоко позванивали при прикосновении — будто за стеной играла арфа.

Пещера в горе Белой — одна из самых больших в Приморье. Она тянется на десятки километров. В ней водятся летучие мыши, редкие насекомые. Поэтому она будет интересна и для биологов.

На следующий день нашли вторую пещеру. По камнепаду добрались до узкой щели, спустились под землю. В первом гроте было озеро, сбоку начинался длинный коридор. Чтобы попасть в следующий зал, надо было переправиться через озеро. Очутились в высоком гроте, где под нависшими камнями был лаз. Решили разведать, куда выведет. Проход привел к обрыву. Луч света не достигал дна, ни потолка пропасти. На веревках спустились в этот огромный подземный зал. И здесь открылись такие лабиринты коридоров, нишей и лазов, что, казалось, пещере нет конца. Было в гроте и неглубокое подземное озеро. Карниз, идущий вдоль берегов озера, зарос фантастическими кальцитовыми розами.

Возвращались к шалашу уставшие. Лешок шел впереди, ребята за ним. Все молчали — намаешься за день. Спустились к ключу и по знакомой тропинке зашагали веселее. Вдруг послышался треск валежника. Напрямик, ломая густой сухой орешник, бежали двое — Коля Орлов и Ваня Смельчаков.

— Что случилось? — спросил Лешок.

— Медведь, медведь там!

Когда прибежали к шалашу, мишки и следы простыл. Он, как обнаружили, прихватил с собой рюкзак с вареньем и гущенкой.

— Пусть полакомится сладким, — шутили ребята, — хорошо, что еще тушенку не уволок, а то пришлось бы животы подтянуть.

Только не до смеху было Коле и Ване. Они дежурили в тот день на камбузе. Отлучились за дровами, а когда вернулись, увидели медведя у шалаша. Ну, и бросился наутек.

Исследования продолжались. Нашли ребята еще один неизвестный ранее грот, тоже поразительно красивый. Стены его были задрапированы прозрачными кальцитовыми сосульками. Пол очень ровный. Группы сталактитов блестяли, словно были из бриллиантов. Тишина прерывалась только звоном капель. В одном зале отмечались удивительные звуковые эффекты. Звук человеческого голоса настолько усиливался, что становился похожим на раскаты грома или гул обвала.

Пещера горы Белой — замечательный геологический памятник Дальнего Востока.

...Бесконечной цепочкой тянутся горы, покрытые легкой дымкой. Остроконечные вершины уходят в поднебесье, ослепительно сверкая в лучах солнца. Ефрем Гаврилович Лешок опять готовится с ребятами в экспедицию на поиски новых пещер.

КАЙЗЕР НАХОДИТ ДОМ

Рассказы о собаках

**Борис
РЯБИНИН**

Рисунки
В. Бубенщикова

Самый-самый, или Нас не трогай...

Дога Джерри я купил двухмесячным щенком. Это было очень неуклюжее создание: лапы длинные, костлявые, голова большая, сам тщедушный.

Щенка невзлюбил сосед. Сосед этот вообще не терпел собак. Поэтому и мой щенок сразу не понравился ему.

Однажды сосед шел домой, открыл калитку, а Джерри как раз в это время гулял во дворе. Увидел соседа — потрусил к нему. Вероятно, хотел приласкаться. А тот решил, что щенок хочет его кусать (щенок-то!), схватил сломанную табуретку, которая на беду валялась у забора, и запустил ею в Джерри. Попал. Как не убил? Щенок взвизгнул и убежал в дом...

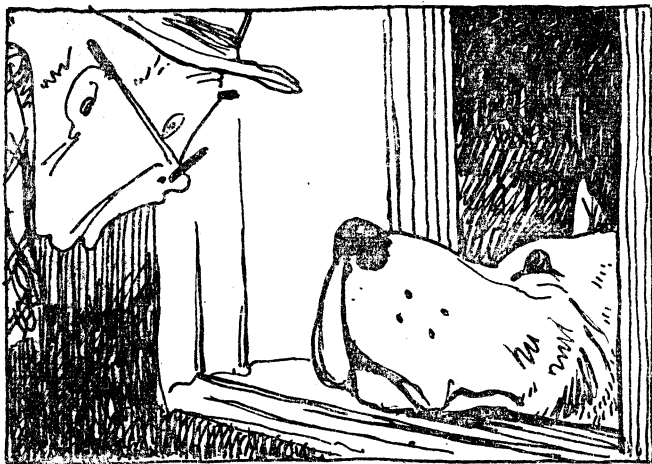
Джерри не забыл этот случай.

Вырос он большой-пребольшой, красивый-прекрасивый. Дог — одна из самых представительных собак: ростом с теленка, вес — человека. Высокий, могучий, гладкий и блестящий, как напомаженный. Одно слово — красавец!

И характер у дога — лучше не надо. Никого не обидит понапрасну. Зря не залает, не засуетится. Джерри, например, мог неделями не издать ни звука. Случалось, стоит у окошка, голова — на подоконнике (жили мы в одноэтажном низеньком домике); он любил так подолгу наблюдать за происходящим на улице, не шелохнется, как замрет; прохожие идут, непременно задержатся. «Смотри, — скажет иной. — Чучело...» И вдруг «чучело» поведет глазами — зеваку сразу от окошка отбросит, хоть Джерри ни гу-гу. Но он непременно начинал рычать, когда слышал соседа. Теперь не Джерри соседа, а сосед не на шутку боялся Джерри. Мне приходилось следить, чтобы они опять не встретились невзначай.

Бывало, Джерри лежит на ковре. Стукнула калитка. Джерри сейчас же: «ррр!» Значит, идет сосед. Джерри различал его шаги даже через стенку. До этого шли другие, пес тоже слышал, но молчал (раз мимо наших дверей — зачем поднимать шум?). А тут сразу злость, не удержаться. От Джерри я узнал, что собаки могут быть злопамятными и способны мстить.

Кто тронет такую собаку? Разве что по глупости?

Заденешь — не обрадуешься...

Раз все же, помню, попробовали, «тронули». Мы с Джерри шли поздно вечером по улице. Навстречу два хулигана. Я так и не понял, что они собирались сделать. Только один замахнулся — Джерри его опередил, прыгнул, свалил с ног. Второй бежать, но Джерри догнал и его, и тоже повалил наземь...

В первую мировую войну, когда лошадей забирали на фронт, на улицах многих европейских городов появились доги, запряженные в тележки. Парой или в одиночку, они легко тащили до полутонны груза. На мелких городских перевозках их помощь оказалась просто неоценимой.

В Голландии, Бельгии, Дании и некоторых других странах Западной Европы доги водят хозяйских детей в школу. Приведут — уйдут, потом, к часу окончания уроков, возвращаются и чинно сидят, дожидаются каждый своего ребенка, чтоб в целости и невредимости доставить его домой. Мамы могут спокойно заниматься хозяйством.

Вздумают мальчишки затеять драку — псы их уймут. Да, да! Доги — воспитатели серьезные, шутить не любят.

Так, между прочим, поступал и мой Джерри: никогда не позволял ссориться домашним. Встанет посередине и отталкивает мордой, одного в одну сторону, другого — в другую. Да еще сердится, зубы скалит. Что, мол, вы? Разве нельзя жить в мире? Перестаньте! Не послушаешься — может и укусить.

Есть доги черные, есть «тигровые», есть дымчато-голубые (мой Джерри был «мышиней» масти), есть бело-черные, пегие, или «мраморные», есть «песочные». Встречаются и белые доги. Но теперь они крайне редки, скоро, наверное, не станут их совсем.

На памятнике, который Иван Петрович Павлов поставил в Ленинграде в знак своего уваже-

ния и признательности к собаке, стоит бронзовый дог. Почему именно дог?

Всю свою долгую жизнь Павлов изучал поведение животных. Говорил, что собака была его главной помощницей. Но он не делал опытов на собаках. И все же увековечил на памятнике дога. Почему? Видимо, и ему дог показался живым олицетворением преданности и собачьего благородства — всего лучшего, что есть в этом четвероногом.

Мой дог Джерри был самым лучшим псом из всех, каких я держал. Самым умным. Самым преданным. Самым благовоспитанным. Самым благородным.

Оленья нянька

Живет в лесах Дальнего Востока пугливое грациозное создание редкой красоты — олень-цветок, пестрый пантовый олень-марал. Из рогов его — пантов — изготавливают чудодейственное дорожное лекарство — пантокрин, который возвращает людям силу, делает их здоровыми, бодрыми.

Советские животноводы решили приручить этого оленя, сделать марала домашним животным.

Постепенно олень стал жить под присмотром человека.

Но нельзя держать его взаперти. Захиреет, заскучает, пропадет. Нужна оленю воля — бодрящий лесной воздух, свежий ветер гор, пение птиц, тихий говор ручья, шелест трав... Отпусти его на свободу — а как за ним присмотреть? Человек за ним не угонится. Лошадей олени пугаются.

Вот тогда и вспомнили о собаке.

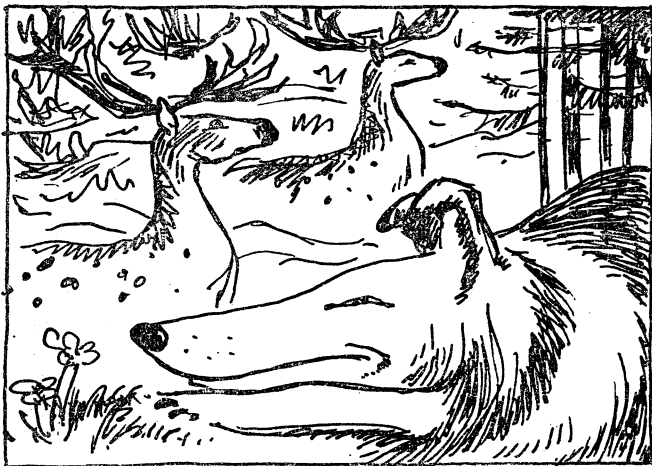
Но опять встал вопрос: а какую собаку взять?

Когда пустили восточно-европейскую овчарку (уж, кажется, всем собакам собака!) — сразу же стряслась беда. Олени шарахнулись, понеслись. Овчарка, увидев, что ее боятся, и решив, что на нее хотят напасть, в свою очередь, набросилась на оленей.

Попробовали других собак. Вышло еще хуже.

Оказалось, что только одной-единственной собаке можно доверить оленей. Это колли, собака такая же нежная и мягкая, как и сам олень-цветок. Колли не пыталась кусать оленей, зря не гонялась за ними. Высунув от жары язык и расположившись на пригорке, одна-две колли спокойно наблюдали за оленями. И постепенно дикие пугливые животные привыкли к их близости и поняли, что их не надо бояться, что это — друг...

Колли — шотландская овчарка — у себя на родине истари пасет крупный рогатый скот, гурты свиней, овец. Англичане и шотландцы считают ее незаменимым пастухом.

Колли очень доверчива к людям и зла неприемимо к хищникам, волкам. Ей можно поручить ребенка — она приглядит и за ним. Как нянька. Добрая, заботливая. В Шотландии частенько так и делают: мать занята по хозяйству, стряпает, а колли сидит и сторожит малышку. Можно быть спокойным: уж она-то не даст разбаловаться! И от несчастья убережет.

Колли — очень старая порода. Когда римские легионы завоевывали древнюю Британию, колли уже пасла там стада.

Собака очень красива: с длинной ниспадающей шерстью, образующей пушистые «штаны» и белый пышный «воротник» на шее, и обычно «трехколерная» — бело-черно-красная. Морда наподобие лисьей, но длиннее и острее, уши полустоячие.

Колли считается лучшим четвероногим санитаром. Когда армии различных государств стали обзаводиться служебными собаками, колли сразу же получила сумку с красным крестом и научилась помогать раненым на поле боя.

Колли давно уже завоевала признание во всем мире, как милая, ласковая, преданная собака, друг дома и семьи. А теперь она стала в советском Приморье и другом оленя-цветка.

Ленивый Бабай

Цирк, цирк, цирк... Кто не любит цирк?

А дрессированных собачек видели? А ленивого Бабая? Того, который учиться и работать не хочет и под партой прячется?

Бабай не всегда был такой. Когда их обучали в школе циркового искусства, он старался. Дрессировщик разложит карточки с цифрами, ткнет тростью в цифру, спросит:

— Ну, сколько тут?

А Бабай и рад стараться, тотчас ответит. Если цифра «4» — твякнет четыре раза, если «5» —

пять. Опередит всех и никогда не ошибется. Дрессировщик спросит другую собачку, а Бабай опять тут как тут: гав, гав, гав...

— Не подсказывай! Не твоя очередь!

Дрессировщик даже сердиться начал: что, в самом деле, все Бабай да Бабай, а другие когда?

Может быть, он сердился притворно, может быть, так оно и было задумано, чтоб выглядело посмешнее, кто их, дрессировщиков, там разберет? Да только вышло так: «не подсказывай» да «не подсказывай» — и стал Бабай самым ленивым в группе. Все стараются, наперебой спешат исполнять команды, один Бабай не торопится. А надоест — вообще уйдет и не дозовешься.

Он и внешне другой: больше, толще, ходит перевалку. Ленивые всегда толстые, меньше двигаются, больше едят.

Карликовые шпицы — веселые собачки, быстрые, шустрые. Беленькие, пушистенькие, со смысленными умными мордочками. Перед каждым представлением собачек моют в теплой воде с мылом, а потом подсинивают и припудривают... Белые-белые, только глаза да нос — три черные точки. А уж лаять горазды... Но, может быть, за это и любят: с ними не соскучишься!

...Близится час представления. Чисто подметен манеж. Под огромным куполом цирка — чуткая тишина, услышишь каждый шорох.

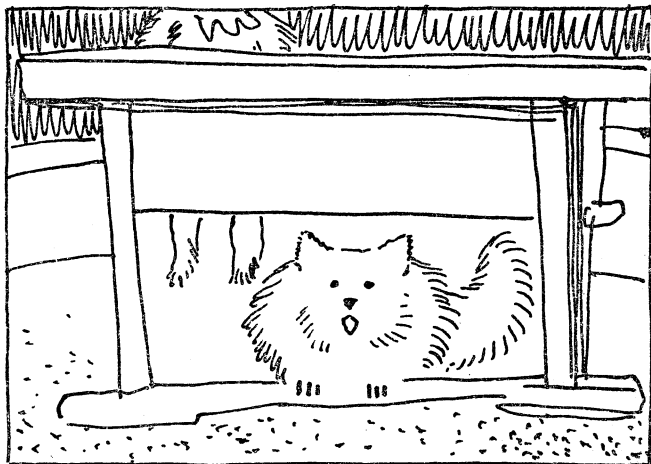
И вот вспыхнул яркий свет в зале. Быстро заполняются ряды публикой, уже не осталось ни одного свободного места. Людской гомон и шум, шарканье ног. Грянул оркестр. Пора!

На круглой, залитой светом арене, как под абажуром, разглядишь все. Тысячи нетерпеливых глаз впиваются в артистов.

Выходят слоны. Тяжелые, громадные, они неторопливо и торжественно движутся по кругу, мерно покачивая головами.

Пронесются кони. Лихие джигиты выделывают на них всяческие чудеса.

Рыжий коверный потешает публику в перерывах между номерами. Зал грохочет: смешно!

Дружной стайкой выбегают собачки. Выются у ног дрессировщика, заглядывают ему в глаза. Их повелитель артист Ермаков раскланивается с публикой. Поклон налево, поклон направо... Начали.

— Гоп! Але!

Какие умненькие собачки, все знают! Переворачиваются, ходят на задних лапках, танцуют под музыку, проскакивают сквозь кольцо... Только Бабай сидит, словно его не касается, глядит куда-то в сторону. Отлынивает. Он всегда отлынивает.

— Бабай, ко мне!

Как же, он поторопится, жди! Ой, до чего же неповоротливый да медлительный! Как его терпит Ермаков?

Собачки разыгрывают сценку из школьной жизни.

На перемене. Все прыгают через препятствие, а Бабай лезет под него. Публика хохочет.

На уроке. Все к доске, а он — прячется под партами.

Публика хохочет. Ну до чего потешный пес!

— Кто отличный ученик? — громко спрашивает Ермаков.

Все выходят вперед, а Бабай уползает на животе с манежа.

Все делают сальто-мортале в финале, а он боковой кульбит. И тут ленится... Ленился да ленился и стал самой знаменитой собакой в труппе Ермакова. Бабай? Как же, видели! Здорово! Кого ни спроси, все знают Бабая, большие и маленькие.

Смеются? И хорошо, что смеются. Наверное, так ответил бы Бабай, если б его спросили и если бы умел говорить. Такая у них служба — веселить людей.

Кончили представление. Погасли огни. Последний зритель покинул цирк. Снова тишина и полумрак в зале.

За кулисами усталые артисты стирают грим с лица, моются под душем. Животным задают дополнительные порции пищи, кому овса, кому мяса или зелени.

Ермаков разговаривает с Бабаем:

— Спасибо, дорогой. Чем тебя угостить? Ты у меня главный работник...

Соклер из Закарпатья

По внешнему виду, или, как говорят собаководы, по экстерьеру, он, пожалуй, и не привлек бы ничьего внимания. Довольно неказистый, кудлатый пес какой-то неопределенной масти, на морде, на голове шерсть торчком. Замаха какой-то, хоть, правда, и чистый: на Выставку достижений народного хозяйства не водят грязных.

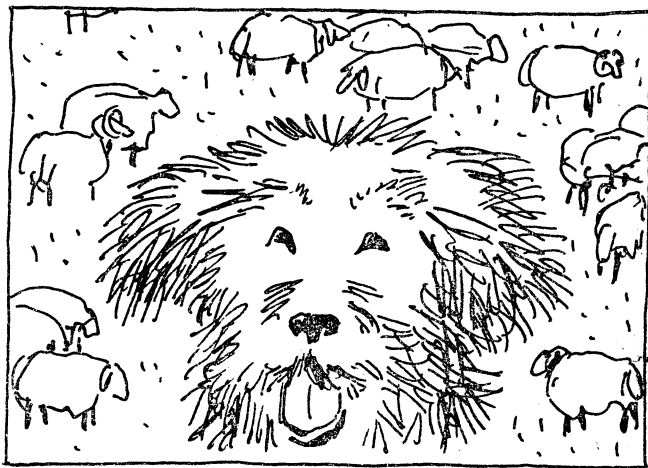
Может, он такой взъерошенный оттого, что приехал издалека?

Да нет, Соклер всегда такой. Такая порода. Пули. Это пояснил мне хозяин Соклера, чабан одного из закарпатских колхозов, усатый мужчина в расшитой гуцульской рубашке, овчинной безрукавке и в шляпе с перышком.

Итак, о Соклере из породы пули.

Пули (и близкие к ним пуми) живут в горах, на пастбищах. Их много на западе Украины и в соседней Венгрии. Они охраняют скот. И не только скот.

Хотите посмотреть, как эти взъерошенные псы работают у себя дома, на горных, благоухающих ароматом цветов, туманных поутру и солнечных в разгаре дня полянах-полонинах? Как они помогают своим друзьям-чабанам сохранять общественное добро? Поезжайте в Закарпатье. А мне посчастливилось повстречаться с одним из них в Москве.

Мы сидели у прудика, где табунами ходили большие сытые зеркальные карпы. Соклер сидел у ног хозяина. Неловким движением чабан нечаянно столкнул лежавшую на скамейке мою фуражку. Она упала в воду.

Соклер мгновенно вскочил и бултых за нею. Через минуту фуражка была у меня в руках. Соклер, отряхнувшись и обдав нас каскадом брызг, снова сел около хозяина.

— А что он еще умеет делать? — спросил я.

— А что хотите, пан-товарищ. Хотите, рыбу поймает?

Я не успел ответить, как чабан издал отрывистый свист. Соклер вновь оказался в воде. Нырнул. И когда вынырнул, в зубах у него бился карп.

Не надо. Пусть отпустит...

Отпустить? Пожалуйста. Не надо, так не надо.

В ожидании нового приказа Соклер кругами плавал около берега, не отрывая взгляда от своего хозяина.

У противоположного берега в воде копоши-

лись утки. Чабан подал знак — Соклер устремился туда. Минуты не прошло, как все крякушки оказались у нашего берега. Соклер пригнал их. Он не пугал птиц, а умело подгонял, направлял, приближаясь к ним то с одной, то с другой стороны.

— Довольно? — чабан чуть-чуть улыбался в усы.

Ему нравилось, что мне нравится Соклер.

Мы встали. Соклер последовал за нами. Утки уже опять были на противоположной стороне, копались в тине.

— Ой, я же забыл фуражку на скамейке!

И повернул было назад. Чабан остановил меня.

— Соклер! — у него отрывистое «Соклер» получилось как-то не так, как у меня. Что он еще сказал псу, я не знаю.

Соклер опрометно умчался. Вернулся, подал фуражку.

Ну и молодчина! Все знает, все умеет!

— На выставке его отметили?

— Медаль получил. А мне — диплом, пан-товарищ.

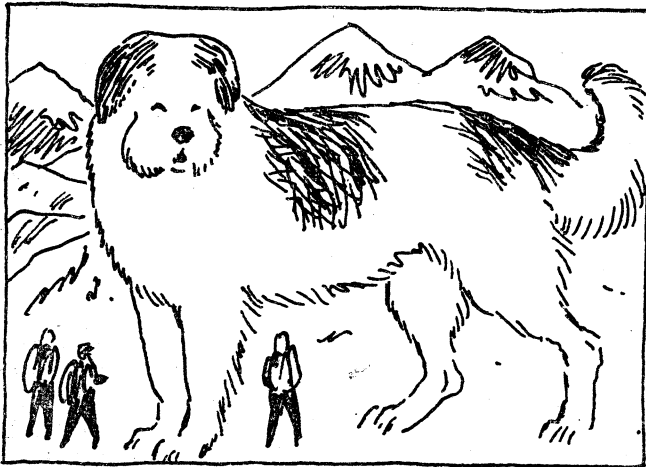
Мы попрощались. Они пошли в свою сторону, я — в свою.

Бозар, сын Бозара

Есть у меня в Москве знакомый — известный артист, назовем его Андреем Петровичем.

Как-то Андрей Петрович был в Голландии на гастролях. Он и его товарищи-артисты показывали там свое искусство, которым истари славится наша страна.

Гастроли прошли успешно. Особенный успех выпал на долю самого Андрея Петровича. И Пале до Бозар — Дворец изящных искусств в Амстердаме, где проходили спектакли совет-

ского театра, решил преподнести талантливому артисту памятный подарок.

Голландцы узнали, что ему понравились на фотографиях сенбернары, которых привозили итальянские монахи с Альп.

— Я вам подарю сенбернара, — заявил Хобокен, заводчик-голландец, занимающийся разведением сенбернаров.

Подходящего щенка в ту пору не оказалось, и Хобокен пообещал прислать щенка в Москву. И действительно, вскоре Андрей Петрович получил письмо с голландским штемпелем: готов ли он принять сенбернара «самых аристократических кровей»?

Дальше вышло непредвиденное осложнение. В Голландии или где-то по соседству с нею вспыхнула собачья чума, был наложен карантин, и высылка задержалась.

Наконец пришла телеграмма: ваша собака Бозар отправляется с таким-то самолетом, встречайте.

Поехали на аэродром встречать. Никакая собака не прибыла.

Андрей Петрович спросил у летчика:

— Где мой щенок? Должен был прилететь щенок...

Летчик ответил:

— У вашего щенка кулаки больше моих. Он в самолет не влез. Клетка 125 на 60 и на 95 сантиметров. А у нас дверь в трюме меньше...

— Ну и...?

— Подпилят клетку и пришлют с другим самолетом.

Через три дня телефонный звонок:

— Ваша собака давно прилетела, что вы ее не берете?

— Но мне сказали, что он только через неделю...

Поехали получать.

Дежурный долго водил по разным складам-пакгаузам, все найти не мог, наконец — нашел. В самом дальнем углу — ящик, и изо всех щелей торчит рыжая шерсть. Тут щенок?

Молчит что-то. Андрей Петрович сунул палец. Это «что-то» лизнуло горячим языком. Сломали верх ящика. Появилась морда и молча посмотрела. Привет, Бозар! С благополучным прибытием!

Вышел из ящика. В машину кое-как впили. Оказалось: карантин продолжался два месяца. И все это время щенок (ящик) стоял где-то на складе. Его кормили, он ел. Ел и рос. Рос, рос и заполнил весь ящик. Отправляли-то четырехмесячным, а получили уже полугодовалым. А сенбернары растут быстро.

Кошки увидят Бозара — все дыбом. Жучок, дворовый песик, живший у Андрея Петровича на даче, укусил Бозара. Тот только оглянулся. Через две недели впервые тьякнул.

Вскоре отказался жить в доме. Спал зимой

на улице. Ходил по сугробам, прокладывая грудью траншеи-коридоры. И рос, рос...

Чистокровные сенбернары редкость, в Европе их считанные экземпляры. У Бозара оказался паспорт с «мировым» номером (по списку сенбернаров мира), родословная, в которой перечислялись все его дедушки и прадедушки, и сопроводительное письмо. В письме, между прочим, говорилось: если вы хотите наказать сенбернара, сверните газету трубкой и ударьте легонько по носу. Этого достаточно... Вот ведь как. Собака огромная, а деликатная, бить ее не обязательно. И вообще собак не бьют. А если бьют, то только плохие люди.

Раз домработница прикрикнула на Бозара: мешается на дороге, не обойдешь его — гора! Он посмотрел укоризненно: «Я и так понимаю... Зачем кричишь?»

Сперва Бозар был какой-то розовый. Потом стал рыже-коричневый, с белыми пятнами. Рос, как на дрожжах. Шерсти — вагон! С такой шубой не только подмосковная зима не страшна, — не замерзнешь на Северном полюсе! Шерсть мягкая, пряжа получается превосходная, недаром из нее вяжут разные теплые вещи.

Вырос Бозарушка. Утром приходит здороваться, как хорошо воспитанный сынок. Спокойный, неторопливый. Морда квадратная, ноги толстые. Хвостом махнет — ветер подует.

Очень крупная собака. Одна из самых больших.

На родине, в Альпах, сенбернары несут человеколюбивую службу — отыскивают и спасают людей, заблудившихся во время метели в горах. К шее собаки подвязан маленький боченок с вином; найдя погибающего, она ложится около него, если его занесло снегом — отроет, полижет лицо, руки, даст отпить из боченочка, чтобы скорее отогрелся, и ведет домой. Если человек очень слаб — сбегает за помощью, приведет людей.

Добрых больших собак этих разводят монахи Сен-Бернарского монастыря, — отсюда и название породы. Каждый случай спасения людей записывается в особую монастырскую книгу.

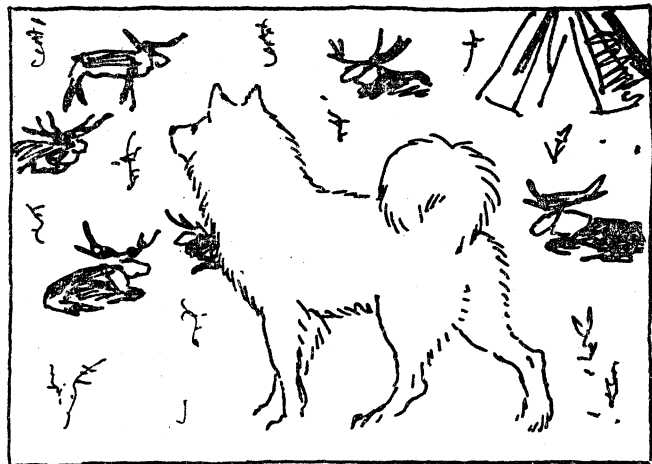
В наши дни собак оснащают противотуманными фонарями, позволяющими видеть даже в густом тумане. Это облегчает поиски. Сбившийся с дороги путник может сам увидеть собаку и позвать ее.

Самый знаменитый из сенбернаров — Барри. Он спас сорок человек.

Когда свистит ветер

Пропали олешки у Папони. Ветром сдуло.

Буря была. Налетел свирепый северный ветер-хад. Тут уж не зевай! Когда метет пурга,

не только оленей — сам себя потеряешь. Вмиг утонуло все в свистящей белой мгле, руку протяни — нет руки, шаг ступил — и нет дороги назад. Ничего не видно. Все слилось в бешеную круговерть.

Беда — потерялись олешки.

Они в тундре гуляли, ягель-мох ели. Найдут, копытом разроют, сжуют — дальше идут. А чтоб далеко не ушли, от стада не отбились, их собаки караулят. Белые лохматые собаки, ненецкие лайки.

Всю жизнь они около оленей. Одеты тепло — никакая стужа не страшна, щеки с баками, как у нынешних модников, уши торчком, заросшие, хвост помелом. Никто за ними не ухаживает, едят что попало, однако помогают людям хорошо, службу знают.

А служба трудная. Ямал — край земли, страна северных людей оленеводов-ненцев. Справа море, слева море, посередине земля. А как задует ветер-хад, завоет пурга, так ни земли, ни неба, ни моря, ни людей, ни олешков, ни редких кустиков посреди снежной пустыни, — один ветер свистит.

Ветер погнал оленей, за оленями побежали собаки.

Бежали-бежали, одна оленуха споткнулась — легла; и другие тоже стали ложиться, в кучу сбились; собаки — вокруг, как заслон. Волк, не подходи! В одиночку с ним, может, и не справиться, а если всем вместе... еще посмотрим, чья возьмет!

Едва началась пурга, Папоня сразу выскочил из чума и к оленям. А их уж нет. И собак нет. Всех сдуло.

Потерялись олешки. Беда, беда.

Северный олень — надежный друг и кормилец северного человека. Олень — это мясо, жир, прочная удобная одежда, обувь для ног, средство передвижения. Чум — островерхое жилище ненца — сделан из оленьих шкур. Без оленя никуда! Пропал!

По радию Папоня сообщил в правление колхоза о беде. Да что проку? Буря, самолету не подняться, не полететь на розыски. Сиди и жди.

Три дня и три ночи свистел-злил хад. Ни дня, ни ночи. Лишь снежная круговерть да морозная мгла.

Однако — стихло. Улеглась пурга.

Из правления сообщили: вылетел самолет. Папоня с помощниками стали на лыжи и тоже отправились на поиски.

Самолет летал-летал. Папоня ходил-ходил. Нет олешков. И собак нет. Даже признака не осталось. Все замел хад.

Летчик сверху смотрит: бугорок — раньше не было, большой сугроб намело, а из сугроба ветки торчат.

Ветер сдул снег, тундра стала серой. А тут белый холмик. А откуда ветки взялись? Вокруг ни одного деревца...

Да это не ветки вовсе, а рога, много рогов. Вот они где, олешки. Замело всех.

Прорадировал летчик в колхоз, сделал круг — улетел.

Едва затих в отдалении рокот мотора, вдруг бугор зашевелился, распался, показалась одна оленья голова, другая, из сугроба стали выбираться олени. Живые! И собаки тоже живые. Отряхиваясь, они вставали на ноги и нюхали воздух. Где дом? Куда идти?

...Понурий, возвращался к чуму Папоня, колхозный бригадир. Узкие глазки стали еще уже, почернел от горя. Как жить без олешков? Мрачные думы одолевали старого бригадира.

Глядь... Глазам не поверил! Олени гуляют вокруг чума, около них собаки, белые, пушистые ненецкие лайки. Их там ищут, в тундре, а они — здесь. Откуда взялись?

Лайки пригнали из тундры. Трое суток они не отходили от стада, ждали, чтобы кончилась непогода. И ни один олень не потерялся. Лайки и дорогу назад нашли... Чем не чудо-собаки!

Спасибо им, однако.

Бассет — королевские уши

У нас таких собак и не видывали. В прошлом их разводили при дворах французских королей, а ныне они последний «крик моды» в США. Каждый американский богач, чуть ли не каждая миллионерша-богачка мечтает завести такую собаку.

Называется эта порода — бассет.

Пожалуй, среди мелких пород бассет — одна из популярных за рубежом (у нас я его не видал).

В Англии бассет известен несколько веков. Он упоминается Шекспиром в пьесе «Сон в летнюю ночь». Бассет удобен в небольших город-

ских домах. И характер у него хороший. Не случайно во Франции бассет принимает участие в детских играх: пес активный, в то же время послушный, спокойный. И — сильный.

Бассет роста небольшого, на коротких кривоватых ножках, весь гладенький, белый с пятнами, хвост тоже гладкий, как у таксы или пойнера, тело длинное и низкое, голова большая, с выразительными, как у человека, глазами. Шкурка мягкая, как велвет, и блестящая. Но главное украшение бассета — уши. Длинные коричневые, свисающие по бокам головы. Когда пес бежит, уши развеваются, как флаги, и хлопают по носу.

Вы, небось, не видали таких ушей! Щенок еще махонький, еле ковыляет на коротеньких ножках, месяцев двух-трех от роду, а уши уже чуть не больше его самого. Хочешь, одним ухом укрывайся, другое под себя подстилай. Ест — в чашке полощутся. А идет — так бы на загровке бантиком и завязал, чтобы по полу не волочились.

Вероятно, немало трудов потратили, чтобы вывести такую длинноухую породу... Только — для чего собаке такие уши?

Было когда-то — делали башмаки с такими длинными носками, что они чуть не на метр выступали вперед. Носить их, наверное, было ой как неудобно! Но зато считалось: чем длиннее носки, тем знатнее господин. Или пришивали такой шлейф к платью, что его несли десять человек. Знатная дама идет, а за нею — пять человек с одной стороны, пять с другой — бережно несут подол ее платья... Правилось! Нет теперь ни башмаков с метровыми носами, ни таких платьев, а вот бассет остался.

Уши у него вроде шлейфа. Выходит, тоже знатная особа!

Вообще-то бассет охотничья собака. Он ловок, с хорошим чутьем, охотно гонит дичь. В Англии его и сейчас многие держат как охотничью. У этих бассетов, по-моему, уши короче.

Длинные уши у бассета появились, когда им короли заинтересовались. Рассказывают, будто спас бассет французского короля...

Было, говорят, так. Одна фрейлина, дама, прислуживающая королеве, держала бассета. Как-то раз он провинился у нее, что-то сделал не так, и, чтоб избежать наказания, убежал от хозяйки. Спрятался за портьерой, лег, головушку буйную на передние лапы положил и горюет. Уши на полу лежат.

В ту пору во дворец проникли заговорщики, которые хотели убить короля. Вы думаете, бассет поднял шум, зачуяв чужих? Нет, совсем не так!.. Вот тихохонько крадутся они в королевскую опочивальню. Острые шпаги наготове, туфли с бантами под мышкой, чтоб не заскрипели, не выдали раньше времени. Миновали один покой, другой, уж совсем немного осталось. Ночь темна, стража заморилась — спит, король в своей широченной кровати под балдахином тоже похрапывает, ничего не подозревая...

И вдруг — вой, визг на весь дворец! Стража проснулась, схватилась за алебарды, тревога, крики, звон оружия, пробудились король с королевой. Заговорщиков схватили.

Оказалось, один из них, когда проходили последние двери, ненароком ступил на ухо бассету... Вот так и выручил бассет короля Людовика... какого там по счету, не знаю.

Вроде бы и не спасал, а спас. Уши помогли.

После того французские короли и воспылали любовью к бассету. Всегда боялись они тайных интриг, заговорщиков. И длинные уши им были нужны, чтоб лучше слышать. Наверное, чем больше уши, тем острее слух?

Впрочем, может, это все сказки, чьи-то выдумки. За что купил, за то продаю. Может, и правда — просто для оригинальности вывели. У кого длиннее собачьи уши? Тоже ведь гордость!

Эх, ты, мяляга-бассет! Смотрит на меня с заграничной открытки, голову на лапы положил, уши опять по полу расстелил, вид грустный-грустный. Кажется, так и хочет сказать: «Приделали мне такие уши... а теперь как я?» Боится: опять наступят!

Быстрая — как ветер

Иногда сравнивают эту собаку со стрелой, выпущенной из лука. Видели кинофильм «Война и мир»? Помните, как по полю, через осенние желтые перелески и ложбины несутся за волком, распластавшись над землей и делая громадные прыжки, высоченные, длинноногие остроногие собаки? Теперь такую охоту можно увидеть только в кино... Грозные псы, правда? Пасти зубастые, как у щуки, силища такая, что

поймает волка за шею, прижмет к земле и держит, пока не подбежит доезжачий или борзятник.

Наверное, к такой собаке лучше не подходить — разорвет или живьем проглотит... Ан, и ошиблись! К человеку борзая настроена миролюбиво, можно подходить безбоязненно.

Один писатель сказал: надо человеку лететь быстрее ветра — пошлет собаку... Наверное, это он сказал про борзую.

Русская псовая борзая — наша национальная гордость, во всем мире она ценится очень высоко. От нее пошло выражение «борзый конь». Значит, очень быстрый, резвый, скорый.

Посмотрите, как сложена борзая — вся узкая, «быстроходная». А как ступает! Залюбуешься! Спина как пружина, ноги мускулистые. Шерсть мягкая, волнистая или в крупном завитке.

Есть борзые афганские, английские. Кроме того, на Западе выведены крохотные борзые, с фокса. Гладкие, очень изящные, быстро бегают. Однако с нашими не сравнить.

Наши красивы, когда даже просто гуляют в поле. Гляньте: молниеносные повороты, стремительные воздушные прыжки... Чудо!

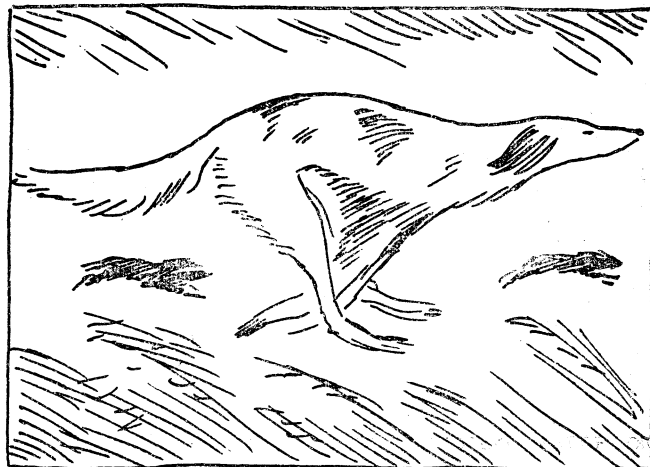
В древней Руси самый дорогой подарок был — борзая собака. На торжище за нее отдавали несколько лошадей.

...В Большом Полуярославском переулке, в Сыромятниках, что в Москве около Курского вокзала, я знал дом, где враз жили пять борзых. Представляете, пять таких громадин в одной квартире! Любушка, самая молодая. Рада-Рогнеда, мать. Ася, бабушка. Любим, внук. И Загар. Держала их одна любительница, обожавшая борзых. Ветеринарный врач.

Утром является соседская девчужка, лет семи:

— А Загар гулять пойдет?

И вместе с Загаром отправляется на прогулку. Загар — ее приятель. Девчужка очень гор-

дится этой дружбой: как же, он такой большой, а она такая маленькая! А вместе им — хорошо. Гуляют они ежедневно: если нет дождя. Девочка держится за ошейник. Идут солидно.

Держать в квартире больших животных трудно. Зато уж если пошли зимой на лыжах — весело. С удовольствием бегут впереди, но до первой кошки, собаки. Надо успеть увидеть раньше их, иначе беда. А зоркость у них отличная, травинка шевельнулась — уже видят. За триста метров.

Ловчая собака не может спокойно видеть, чтоб кто-то убежал от нее. А в комнате спокойно, день-деньской лежат — спят, оживляются, когда хозяйка начинает надевать старую шубу. Значит — гулять. На улице — только на поводке.

Примутся играть — молча прыгают и хватают. Лают редко.

У хозяев обширная переписка. Нет-нет, да и опять письмо с заграничной маркой. Все насчет борзых.

Пишет из Чехословакии известная владелица собачьего «завода»: помогите получить борзую. У нее их четыре, хочет еще.

Запрос шлет Финляндия. Туда послали — фурур! Удалой всех привел в восхищение! Чехословакия, Финляндия, Швейцария очень интересуются нашими борзыми. Их собаки — все от наших, когда-то привезенных.

Пишут: «Говорят, в вашей стране не осталось борзых. Правда ли это?» Чудаки. А это что, не борзые? Заграница думала: не стало помещиков — не стало и борзых.

Измучались, что в войну сохранили, что на собак выдавали паек, «Это только могло быть в вашей стране!»

В Англии и некоторых других странах устраиваются собачьи бега. В них участвуют борзые. Они бегут за зайцами, но заяц этот не живой — механическая игрушка. За границей часто и тренируют борзых по искусственному зайцу, хотя псовой охоты на зайца там давно нет. Не стало ее и у нас.

Во многих краях перевелись и серые разбойники — волки. В Англии, Франции, Соединенных Штатах Америки... Извели всех, а теперь жалеют.

Знаете, какая вышла история во время съездов «Войны и мира»? Выпустили собак на волка, а они не бегут и не ловят. В чем дело? Отвыкли. Пришлось их приучать к их же ремеслу заново.

И все-таки не остается борзая без дела.

В одном доме, тоже в Москве, жил борзой пес — Дерзай. Ночью хозяева проснулись — оказалось, что-то упало. Зажгли свет. Глянули в соседнюю комнату и ужаснулись.

Вор вырезал окно — и сразу попал в пасть Дерзаю. Дерзай взял его в полной тишине, стис-

нул челюсти. Не было ни борьбы, ни шума... Милиция потом благодарила, — попался крупный жулик.

Говорят, это не типично, обычно борзая так не делает. А я думаю: собака есть всегда собака. Какая собака не сторожит дом? Покажите мне ее. А?

Верно одно: лучше с борзой не связываться.

Английский характер

Когда-то, в дни своей юности, приехал я в питомник за щенками эрдель-терьерами. Начальник питомника, симпатичный добродушный мужчина и ярый поклонник эрделей, показывая мне своих питомцев, сказал:

— Эрдель-терьер национальная собака англичан. И характер у него, соответственно, настоящий английский: сам первый драться не полезет, но если тронут, задаст вдвойне...

Не знаю, доподлинно ли таков английский характер, но что эрдели именно такие — это точно. Эрдель-терьер — самый большой из терьеров. Он, так сказать, глава племени: вообще-то терьеров много, и они очень разные.

Что главное у эрделя? Если говорить о внешности, то — борода. Представляете: бородатая собака! А если о способностях, то умение ориентироваться на местности.

Одну эрдельку увезли на дачу. А хозяин остался в городе. Она подождала-подождала, видит, хозяина нет, шмыг в дверь — и поминай, как звали. Хватились, а ее и след простыл! Пришла на железнодорожную станцию, залегла в кустах, смотрит. От людей прячется — заметят, вернут. Как подошел поезд — забралась в вагон, потом под скамейку. Поехали! Шито-крыто!

Вечером является домой. Хозяин удивился: «Ты с кем приехала?» Оказывается, ни с кем. Одна. Соскучилась!

Увезли опять. Она через сутки вернулась снова. Снова одна. Так и не могли заставить собаченцию жить на даче без хозяина...

В дни блокады Ленинграда — пока собаки были в городе — любительские эрдели разносили донесения между штабами противовоздушной обороны.

Эрдель-терьер — отличная служебная собака. Он и связист, он и сани потащит, будет ходить в разведку, принесет боеприпасы. Трудяга. Среди эрделей почти не бывает трусов. Но — упрям. Если заартачится, не сдвинешь нипочем. А поговоришь — образумится. Тоже «английский характер»?

На выставках, где эрдели, — всегда тишина, порядок. Никто не лает, не возмущается. Раз надо, значит, надо.

Эрдели — рыжие, курчавые, с темной спиной, хвост короткий, шерсть жесткая, как проволока. Кажется, что эрдель мягкий, словно бы плюшевый. А проведешь рукой — ого, впору занозиться!

И еще: эрдели не линяют. Их выщипывают. Да, да! Каждую весну и осень, когда у других собак начинается линька, эрделя с помощью особого ножичка, соединенного с гребенкой, начинают «тримминговать». Нет, конечно, волоски выдираются не с корнем: обрываются недалеко от основания. Выщипал, помыл — и пес чистый, и в квартире ни ворсинки. Удобно! Выщипанный эрдель мягкий, гладенький... пока снова не обрастет. Благодаря своей проволокообразной упругой одежке эрдель не боится ударов, а теплый густой подшерсток хорошо греет его зимой.

Спорят Гавана с Манилой...

Спорят два острова...

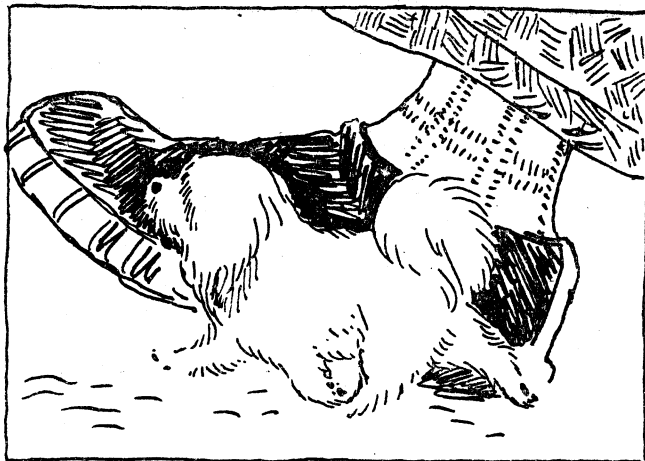
Есть у берегов Америки остров Куба, а на нем большой красивый город — Гавана. А за тысячи километров от Кубы, в Тихом океане, есть другой остров — Лусон, главный из Филиппинских островов, со столицей Манилой. Уже давно они спорят между собой о том, кто вывел «кофейную» болонку. Кому принадлежит эта честь?

А предмет спора... Право, собака ли это?

Одна женщина решила подарить сыну болонку. Купленного щенка ей принесли на службу. Мужчина принес, в портфеле. По виду портфеля даже нельзя было догадаться, что в нем кто-то есть. Открыли портфель, а там — живое существо...

Передавая щенка, мужчина наставительно сказал...

— Кормить понемногу, чтоб не перекормить. Можно мясного фаршику... А больше не давать. Чтоб сильно не росла.

И показал... Птицам зерна дают больше!

До конца рабочего дня болоночка сидела в кресле, повернутом к окну, спинкой в комнату. Хозяйка заглянет — песик либо спит, свернувшись уютно, либо сидит молча, поглядывает вокруг. Уменький. Терпеливый. Комочек белой шерсти да три блестящие черные точки — два глаза и нос.

Дома мать сказала сыну:

— Я тебе принесла сюрприз. — И пустила болонку на пол.

Белый пушистый комочек забегал, засуетился. Мальчик смотрел на него широко раскрытыми восхищенными глазами.

— Ой, какой интересный сюрприз!

Потом взял на руку и побледнел:

— Это живой?! Я думал — заведенный...

И после, бывало, выйдут на улицу гулять, прохожие смеются: «Каким ключиком заводите?» Да каждый еще обязательно хочет взять, потискать, удостовериться — в самом ли деле не игрушка, а живой пес? Так и переходит с рук на руки.

Хозяйка говорит:

— Столько народа, а у тебя всего два зуба... Не стыдно, Чижик? — А Чижик отворачивается, видно, и впрямь стыдится.

Вдруг как залетит лаем — не понравился какой-то гражданин! Серьезный пес.

Выросла болоночка. Прямо скажем, не слишком велика. В длину вместе с хвостом сантиметров сорок, ростом — в половину. Меньше кошки. А веса вообще никакого. Один пух.

Семенит по асфальту быстро-быстро. Как шарик катается. Вместо хвоста веселый смешной султанчик покачивается, на голове тоже длинные спутанные, свисающие на лоб и глаза волосы. Болонка всегда смотрит на мир сквозь сетку своих волос. От этого у нее и коричневые полоски-потеки от уголков глаз: волосы лезут в глаза. Болонки всегда «плачут». А глаза живые, озорные.

Впрочем, по мнению людей сведущих, болон-

ки «плачут» еще и от питания. Иногда вся морда коричневая; потом — проходит, делается нормальной. Периодами. Отчего? Говорят, когда дают больше мяса — больше коричневого. «Тяжелая» пища.

Как утверждает знаток болонок Лейтон, обе разновидности комнатных болонок — и гаванские, и манильские — происходят от древних мальтийских собачек, выведенных на острове Мальта, что в Средиземном море. Потом их долго культивировали во Франции, при дворе французских королей. Настоящая французская болонка всегда чисто белая.

Болонок часто моют и подсинивают. Чуть-чуть. Как подсинивают белье, чтоб оно имело красивый синеватый оттенок, чтоб не было желтизны. Смешно, не правда ли? Подсинивать собаку...

Не шутите: болонка способна на очень серьезные поступки. Собака — всегда собака, каких бы размеров она ни была. Когда одна моя знакомая пошла купаться и, отплыв от берега, сделала вид, что тонет, ее малютка Люля немедленно кинулась ее спасать. Хотя сама до этого ни реки, ни озера никогда не видела... Вот вам и болонка! И вправду серьезный пес.

Болонке вливали глюкозу — заболела, надо было полечить. После этого, когда приходит врач, она садится в углу и весь вечер на него лает. Памятливая!

Теперь болонки не так-то редки. И даже совсем не редки. Редкостью, пожалуй, считается «кофейная» болонка. «Кофейная» болонка — не белая, а слегка коричневая, будто подкрашенная.

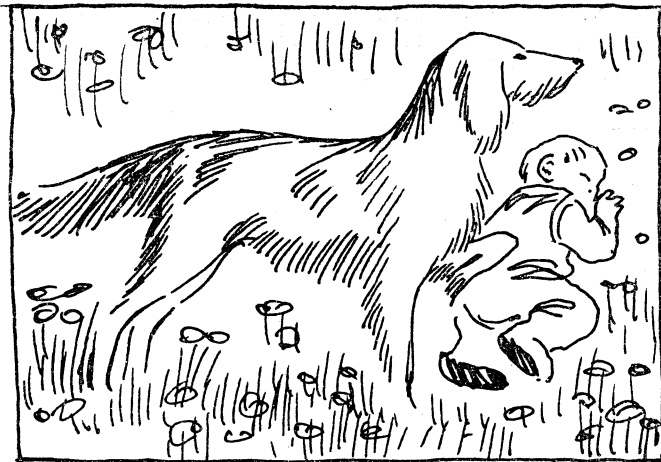
Когда-то болонка жила во дворцах, возлежала на плюшевых подушках или на богато убранном ложе под балдахин с позолоченной короной наверху. Она была своеобразным знаком аристократичности, подчеркивала древность рода и высокое положение своего владыки. Ее держали сановные особы, дворяне.

Теперь она живет у нас, с нами, в малометражных квартирах. Как будто ее нарочно для малометражных квартир и создали. Места занимает капельку, пьет-ест с наперсток. Удобная собака. Годится для любой семьи.

Кайзер находит дом

Откуда он взялся, толком никто не знал. Говорили, какой-то охотник привез Кайзера с собой на курорт и, когда его не пустили с собакой в санаторий, уезжая, бросил. Горемыка Кайзер! Он скитался по помойкам, жался к людям, но люди бывают жестоки — они гнали его. Кому нужен бездомный пес?

Кайзерами называли германских императо-

ров. Увы, у Кайзера-сеттера жизнь была совсем не царская.

Сеттер — собака добрая, мягкая, приветливая. У Кайзера, кроме того, в поведении было что-то виноватое. «Вы уж не сердитесь, что я такой. Я не виноват...» — казалось, хотел сказать он, повилывая хвостом, поймав на себе чей-то взгляд или когда моя квартирная хозяйка Настасья швыряла ему под нос объедки со стола.

Буквально в первый же день по приезде в Кисловодск я познакомился с Кайзером. Настасья только наружно выглядела грубой и резкой. В душе она была добрая женщина, подкармливала Кайзера, и его часто видели на ее чистом, всегда аккуратно прибранном и подметенном дворике.

Настасья была солдатка, вдова. Нет, муж погиб не на войне, война давно кончилась. Он служил в советской воинской части в ГДР и погиб там, спасая немецких детей на пожаре. Настасья осталась одна с двумя ребятишками. И, я думаю, она понимала Кайзера лучше, чем другие: тоже чувствовала себя сиротой.

При своей бездомной, голодной жизни Кайзер был совсем не вороват. Бедняга! Разве собака бросают на произвол судьбы? Если уж она стала тебе не нужна, ну передай кому-нибудь, найди хорошие руки...

Англичане говорят: не обязательно в каждом доме иметь собаку, но у каждой собаки должен быть свой дом.

— А ведь он породистый, — сказал как-то прохожий, тоже приезжий, как я, останавливаясь и разглядывая Кайзера, который грыз кость под забором. — С ним можно на охоту ходить....

Еще бы! Сеттер отличная охотничья собака. Жаль, что я был не охотник. Впрочем, нет, не жаль: надо ли, чтоб все были охотниками? Жаль, что я не мог взять Кайзера: дома своя собака.

Как-то сосед Настасьи прихватил Кайзера с собой в лес. Вот обрадовалась собака! Пес как ополоумел: носится, хвостом размахивает, даже повизгивает от удовольствия. Потом вдруг враз посolidнел, потянул носом воздух и сделал стойку — переднюю лапу поднял, сам стоит, как врос: птицу зачуял.

Удивительно, как он изменился. Преобразилась, кажется, каждая черточка его тела, стать, как говорят охотники. Он весь сделался точно струнка, глаза засверкали, оживились.

После этого и стали замечать: Кайзер не сидит без дела. Глядь, сделал стойку под чинарой. Оказалось, воробьишка выпал из гнезда. Птенца подняли и посадили на дерево.

Раз пропал Кайзер. Ищут его — у Настасьи накопилась царская гора объедков. А он в закутке, у куриного гнезда. Ждет, когда пеструшка снесет яйцо в лукошке. Последнее время яйца стали теряться, Настасья уверяла — хорек ворует. Неужели же это Кайзер... Не поверили!

Увели его. А назавтра — опять. Подсмотрели: как яйцо выкатилось, он его за щеку, не разбил и понес. Куда? Неужто под забор? Это честнейший-то Кайзер!!!

А он, Кайзер-то, и не думал красть. Принес и положил у порога. Натё, мол, чтоб опять не потерялось. Вот ведь какой! У меня отлегло от сердца.

Настасья опасалась, что он все-таки разобьет яйцо. Кокнет невзначай одно, другое... убыток! Не стала пускать его к лукошку. Так пес, как закудахчет пеструшка, сам тянет хозяйку туда. Когда возьмут яйцо, успокоится.

Дружба завязалась у него с Валеркой, старшим сынишкой Настасьи, пяти лет. Валерка сидит на горшке, пришел Кайзер, в зубах носок (Валерка где-то обронил), сел перед малышом.

Мальчуган ему:

— Касер ... — «Кайзер» не получалось. — Касер, ты зачем мой носок сосешь? Я твой поводок только раз сосал, а ты мой носок все время сосешь...

А поводка-то у Кайзера вовсе и нет. Раз ремень старый подобрал на дороге и принес: вспомнил, наверное, дни, когда у него были и ошейник, и поводок, и вся прочая сбруя.

Жалко пса. Хороший пес! Неужто так и сохнет под забором? И не быть бы счастьем, да несчастье помогло.

Потерялся Игорек, младший Валеркин братишка. Куда запропастился? Настасья, ища сына, с ног сбилась. Не мог он далеко уползти — два года парню, недавно ходить научился. Настасья сразу с лица спала, извелась, глаза дикие...

День прошел, нет Игоря. В милицию заявили. Сказали дружинникам. Ищет ребенка весь город.

Он во дворе играл, потом на улицу выполз,

соседи сказывали. Настасья в это время на работе была, в санатории. Она там уборщицей.

Солнце уже за дальнюю гору начинало садиться, когда явился Кайзер. Прибежал какой-то озабоченный, сразу к Настасье, лает (а обычно не лаял), куда-то за собой зовет. Видит, что не понимают, схватил Настасьин подол зубами, тянет, дергает так — вот-вот порвет...

— Да ты что, рехнулся? — начала было Настасья, отталкивая пса. — До тебя ли сейчас... — И вдруг умолкла и бросилась за Кайзером. Соседи, я — за ними.

Кайзер привел нас на заросший густой, высокой травой и кустарником откос, полого сбегавший к реке. Там, в зеленой мураве, лежал Игорь. Кто-то завел его туда, сам он так далеко уйти не мог. Завел — и бросил.

Надо было видеть радость матери, которой вернули сына. Уж она и причитала, и смеялась, и целовала Игоря. Потом взялась собаку ласкать. То Игоря, то Кайзера. Принялась кормить пса. Сует ему в нос котлетку рубленую, которую утром жарила для себя, намазала хлеб маслом с палец толщиной... А Кайзер будто понимает — не до еды сейчас, хвостом эдак стеснительно помахивает, вроде говорит: «Да будет... не надо... Всякий на моем месте сделал бы то же...»

— Кайзерушка, Кайзерушка, — повторяла сквозь слезы Настасья. — Да я тебя теперь никому не отдам! Кайзерушка... — И больше не могла сказать ничего.

...Я уезжал из Кисловодска с легким сердцем: Кайзер больше не беспризорный, есть у него и дом, и хозяева.

● Однополчане Ильича

● Запели заводские гудки

Протокол собрания красноармейцев третьего Оренбургского крепостного полка 24-й Железной дивизии отыскивали ребята из клуба «Искатель» профтехучилища связистов № 11 Оренбурга. Из протокола явствует, что на собрании в марте 1920 года принято решение избрать Владимира Ильича Ленина почетным красноармейцем. Следопыты узнали фамилию и пригласили на встречу людей, ездивших с делегацией к Ленину, чтобы передать Ильичу мандат.

● Музей, созданный всей планетой

В 1917 году Калатинский медеплавильный завод встал на консервацию. Перестали дымить трубы, замолчали паровозные гудки... Рабочие взяли за оружие, чтобы защитить Советскую республику.

● Как фамилия инженера?

Но прошло время, и нужно было восстанавливать заводы. Молодая советская промышленность нуждалась в отечественной меди. Совет Народных Комиссаров обратился к рабочим-медеплавильщикам: восстановить Калатинский завод! Рабочие выходили на субботники. Большевистские агитаторы и синемлуники вели свою разъяснительную работу. На заводских корпусах появились лозунги: «Наш ответ Керзону!» На Калатинском заводе восстанавливались корпуса, вновь отстраивалось депо узоколейки.

● Герои революции не умирают!

5 мая 1922 года Урал выдал первую отечественную черную медь! Вновь запели заводские гудки.

Историю восстановления первых советских медеплавильных заводов в подробностях изучили ребята школы № 1 города Кировграда Свердловской области.

ВВВВВВВВ

Музей в школе хутора Ильич, расположенного у отрогов Скалистого хребта на Северном Кавказе, вместил в себя настоящую интернациональную Лениниану. Когда он создавался в 1957 году, отсюда, из школы, шли письма в столицы разных государств; теперь сюда, в школу, идут письма из разных стран мира... Здесь есть полное собрание сочинений Ленина на самых редких языках, хранятся письма и подарки из Лондона и Улан-Батора, Парижа и Варшавы, Рима и Токио... Музей на хуторе известен всему миру.

ни Вадим. Когда в 1939—1940 годах в этих местах прокладывалась железная дорога, он возглавлял строительство здесь, на участке. Уже шла в Европе война, и дорога имела не только экономическое, но и стратегическое значение. Но судьба не дала ему закончить работу: Вадим трагически погиб... И все, кто работал под его началом, не успели узнать ни его адреса, ни родных.

Кто он, Вадим? Как его фамилия? Школьники хотят установить ее.

...Весной 1919 года бандинский отряд атамана Булак-Булаховича занял Гдов. Бандиты расправлялись с большевиками. Был схвачен на квартире член Гдовского уездного исполкома комиссар социального обеспечения Яков Артемьевич Ветров. На крыльце дома, принадлежащего местному купцу, атаман распорядился сделать виселицу. Видя неминуемую смерть, Яков Ветров сам накинуд петлю на шею: «Вешайте, мерзавцы! Но знайте, за нас отомстят!»

ВВВВВВВВ

Станция называется Вадим. И школа на этой станции в Каланчакском районе Херсонской области называется Вадимовская. Следопыты школы расскажут вам очень многое об инженере по име-

О жизни и судьбе Якова Артемьевича Ветрова собрали материал следопыты школы № 1 города Сланцы.

СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф

«ХУХРИК»

**Сергей
КАЗАНЦЕВ**

*Рисунок
В. Бубенщикова*

— Но вы знаете: он очень трудный подросток, — сказала заведующая детской комнатой милиции и даже передернула тонкими плечиками, на которых матово отсвечивали две лейтенантские звездочки. — Справитесь?

— Справимся! — уверенно выпалил Коля Озерин, комиссар студенческого строительного отряда. И в ту же минуту, посмотрев на пятнадцатилетнего Саньку Ежова, поймал насмешливо высверкнувший его взгляд и услышал безнадежный вздох молодой лейтенантши, перехватившей эту насмешку. Нахмурившись, Коля подтолкнул подопечного к выходу:

— Пошли!..

Санька был рад, что дело кончилось обоюдным согласием. Все равно надо куда-то деваться на лето... Неделю назад арестовали их вожака — девятнадцатилетнего Петьку: во время ночного налета на уличный киоск тот не сумел, как всегда, скрыться и свалить всю вину на малолетних дружков и, как он сам выразился, «вошел в дело». Всех остальных «хухриков» Петькиной шайки перепуганные мамы загнали в пионерские лагеря. Из всей компании Санька один остался во дворе.

«Ладно, — согласился в душе Санька, — поработаем...» И тут же, «не отходя от кассы», надумал держаться независимо. Он блатным, с хрипотцой голосом сказал:

— Ты, фрайер, закурить дай!

Комиссар «дал». Санька почесал зазвеневшую от крепкого подзатыльника макушку и рванул было назад, наябедничать, но Коля круто развернул его к себе, пригнул к стенке и выдохнул прямо в мальчишечьи злые глаза:

— Ду-у-ура!.. А мотоцикл хочешь?

Ап! — захлопнулись готовые было заорать Санькины губы. Тут комиссар в самую точку вlepил. Даже дешевенький мотоцикл стоит больше двух сотен рублей, таких денег Санька отродясь не видел... Скучной бабкиной пенсии хватало едва на двоих, а бывшим Санькиным родителям, обзаведшимся новыми семьями, не было дела до Саньки — не то что до его мечты. Правда, алименты они платили исправно, но бабка все их, до последней копейки, откладывала на сберкнижку. Каждый раз, унося их на почту, бабка приговаривала: «Это тебе на черный день». Чудные эти старухи!.. На «черный» день! Да не бывает их нынче, черных-то. Сейчас такие времена, что вот... рассыпсы их дом по кирпичику — и то люди пропасть не дадут. «Эх, бабка, устроила бы ты мне лучше красный день!..»

Веселый комиссарский голос вернул Саньку в реальность. У цистерны с пивом, на которой испокон веков стояла надпись «Квас», толпились длинноволосые и улыбающиеся парни. Санька хотел было уже расплыться в ответной улыбке, но быстренько сообразил, что рады они вовсе не ему, шкету, а дружку ихнему, комиссару.

— Знакомьтесь, — подтолкнул его Коля. — Наш воспитанник будет.

Парни переглянулись и дружно загоготали. У Саньки от злости и обиды загорелись уши. Тогда один из них пробасил дружелюбно:

— Не обижайся, пацан, мы всегда такие... Веселые. — И состроив строгие глаза, устрашающе спросил: — Пиво пьешь?!

Что там пиво! Санька уже к вину не раз прикладывался. Но, как на грех, сегодня ни гроша не звенело у него в кармане. Он крепко-накрепко зарубил в памяти суровую мужскую заповедь, которой научил его Петька: «Настоящий мужик в долг ничего не берет. Лучше свистни у какого-нибудь раззявы, но чтоб в долг — никогда!» Раззявой чаще всего оказывалась подслеповатая бабка или сопливые малыши, у которых молча выворачивал Санька из стиснутых кулачков «десятчики» и «пятнадцатки», отпущенные на киношку или мороженое. Но сегодня с утра просидел он полдня в детской комнате, и потому не было у него сейчас ни копейки.

Санька недовольно засопел и отвернулся. А парень, легко раскусив причину, протянул ему полную кружку:

— В порядке исключения и для равноправия. А в отряде «сухой закон». Там ни-ни!

— Ладно, — буркнул Санька, нахохлившись, — дальше-то что?

Комиссар по-быстрому объяснил, что завтра надо быть ровно в восемь ноль-ноль на вокзале, при ватнике и с вещами. Пришлепнув жесткой ладонью по острым Санькиным лопаткам, направил его домой: — «Дуй!»

«Дунул» Санька, конечно же, не до дому. Походил, попромышлял возле кинотеатра и, набрав полтинник, отправился обедать, а заодно и завтракать и ужинать. Домой Санька вернулся за полночь и, буркнув бабке: «Завтра в семь разбудишь», завалился спать. Сны в эту ночь Саньке снились нехорошие. То пьяный Коська-сосед не подпускал к своему мотоциклу. То давешний насмешник поливал его из шланга пивом и приговаривал: «Пей-наливайся! В отряде у тебя все нутро сохнет!»

Последний этот сон так запомнился Саньке, что утром он с неприязнью высматривал на вокзале вчерашнего знакомого. Но так и не высмотрел, потому что ни одного длинноволосого в отряде не оказалось. Даже красивая врачиха Натка выглядела как мальчишка... Натку Санька сразу заприметил в толпе зеленорубашечников. Он здорово поразился, что она будет в их отряде, и решил поскорее познакомиться с нею поближе, чтобы потом небрежно рассказывать своим друзьям, как влюбилась в него в отряде красивая взрослая девчонка. В вагоне Санька всячески старался обратить на себя внимание врачихи. И та, в конце концов, удостоила:

— Сколько тебе лет, мальчик?

Санька ошетинился:

— А самой-то?

— Двадцать один, — спокойно ответила Натка.

— Ух ты! — обрадовался Санька. — Очко! — И, вспомнив, ловко выхватил из рюкзака старенькие карты: — Сыграем?

Один из ребят — Санька вмиг вблизи признал вчерашнего насмешника — брезгливо двумя пальцами взял карты и швырнул их в раскрытое вагонное окно. Разлетелись цветастые картинки, осели на придорожные кусты, словно диковинные бабочки...

— Ну хорошо!.. — с ненавистью выдохнул Санька. — Сочтемся!

— Что, что? — будто не расслышав, дурашливо наклонился к нему обидчик.

— Три рубля! — чувствуя, как закипают в глазах от бессильной ярости слезы, выкрикнул Санька.

— Ну-у? — насмехаясь, протянул парень. — Может, ты мне, как студенту, по льготному тарифу уступишь?

— Алексей, прекрати! — тихо, но твердо сказала Натка.

На следующий день после приезда в село на утренней линейке распределили всех по бригадам. Санька попал в бригаду, которой командовал Алексей. Ясно дело, построено нарочно...

Санька в общем-то не лентяй. Работать он умел — все-таки какой ни есть, а мужчина, хозяин в доме. Умел, но не любил. И тут он решил, что без указки ни за что братья не будет. Однако повернулось все по-другому. Расставив ребят по местам, Алексей сказал Саньке:

— Ты пока приглядывайся. А как что понравится...

словом, выбирай сам. Полная тебе свобода действий.

Сказал и отошел. Надо же!.. До сих пор все только и делали, что Санькину свободу на ключ запирали — и бабка, и учителя, и милицейская лейтенантша. А тут выбирай! А если он возьмет да и выберет — в тени полежать, под кусточком? «О! — ухватился Санька за такую мысль. — Так и порешим». Ушел за барак-временку, растянулся на траве, глаза прикрыл, блаженствует. Со стройки звуки разные доносятся. Вот лопата металлическим тонким голоском вскрикнула — по камню проехалась. Это знакомо. Молотки застучали вразнобой, то глухо, то звонко — кто по гвоздю попадает, а кто мимо. А вот... Ух, как завывало, зафырчало что-то механическое! Не выдержал Санька, вскочил и побежал на этот призывный, разжигающий любую мальчишечью душу машинный рокот...

Рядом с большой четырехугольной ямой, на месте которой студенты затеяли поставить не то птичник, не то коровник, на высоких деревянных подмостках катилась, бежала на месте большая железная «груша». В ее утробе что-то аппетитно перемалывалось, погромыхивало и причмокивало. Поглядел Санька на эту «грушу», бочком придвинулся к бригадиру и, толкнув того локтем, пробурчал:

— Слышь... Я туда хочу.

Алексей обернулся, глянул. Уточнил:

— На бетономешалку?

И закричал коренастому светловолосому парню, орудовавшему на подмостках:

— Эй, Витек, принимай помощника!

Витек помахал рукой и ссыпался навстречу Саньке: — Бери лопату и пристраивайся к тем двум молодцам...

Молодцы подвинулись, освобождая место у железного короба между кучами песка и кулями цемента. А Витек поучал дальше:

— Черпаешь песочек, с горкой, не на доньшке, и третьим по очереди рассыпаешь его по скипу.

Он попинал по коробу и повернулся было идти, но тут увидел, как разочарованно поползли вниз уголки губ у пацана. «Ах, же ты, не додумался сразу!» — мысленно выругал себя Витек:

— Надо же, чуть не забыл! Вот голова еловая... Ты еще, как песок кончишь кидать, гляди на меня. Махну рукой — нажимай эту кнопку.

— И что? — вяло спросил Санька.

— А там увидишь! — И Витек запрыгал к себе на верхотуру.

Без большой охоты покидал Санька песок, по команде «Хорош!» отставил лопату и поспешил к кнопке. Витек махнул сверху рукавицей — Санька нацелился и ткнул пальцем в черный кружок.

Рррах! — глухо рывкнуло что-то над головой, восторженным поросычьим визгом отозвались металлические колесики, и короб пополз наверх, к выходящей склонившейся «груше». Дополз, опрокинулся, высыпав ей прямо в глотку песок, перемешанный с цементом, и замер.

— Ну, что ты?! Давай вторуюю!.. — крикнул Витек.

Тут Санька нажал вторую кнопку, коричневую.

Рррах! — снова отозвалось наверху, и короб пополз вниз, остановился, ожидая новой порции песка.

Так Санька махал лопатой и «ррражал» до самого вечера. А перед отбоем перетащил свою раскладушку из дальнего угла, куда демонстративно задвинул ее утром, вплотную к Витино и заявил:

— Тут буду.

— Располагайся, старик! — согласился Витек. — За жизнь поговорим.

За жизнь с Санькой, кроме Петьки, никто еще не говорил. Он до полуночи жадно слушал неторопливый Витин рассказ об институте, о ребятах отряда, слушал, не отрываясь, до тех пор, пока сердитый шепот комиссара не заставил обоих полуночников нырнуть под одеяла.

А утром на линейке командир скомандовал:

— Бетонщики, на флаг!

— Есть на флаг! — четко отрапортовал Витек, и ребята пошли.

«А ты что?» — Саньку кто-то подтолкнул, кто-то потянул за рукав и выволок в маленькую группу, стоящую на виду у всего лагеря. Из рядов стройотрядовцев попал прямо в него одобрительный Наткин взгляд, и Санькины губы сами собой расплылись в улыбке.

Дни не шли, не тянулись, как боялся того прежде Санька, — они летели. Птичник-коровник, который оказался телятником, рос-подрастал, выше головы подынялись его кирпичные стены, до края кладки уже не достать было вытянутой рукой, даже приподнявшись на цыпочках.

Санька познакомился и подружился со всеми ребятами. И только к Алексею, которому уже, кажется, простил и карты, и насмешки, относился по-прежнему настороженно. А однажды Санька услышал, как он высказался на штабной планерке: «Рано радуетесь, воспитатели!.. Смотрите — не сорвался бы...»

...Сорвался Санька. Да когда! — в комиссаров день рождения...

С утра настроение у всех было приподнятое. Каменщики «ухнули» в честь комиссара чуть ли не полуторную норму, и бетонщики, и плотники от них не отстали. С работы вечером шли оживленные, гадая, чем их удивят за ужином? Повариха предупредила, что ждет сюрприз...

Сюрприз оказался свежей молодой морковкой. Целая миска!.. Грызли морковку медленно, с чувством, наслаждаясь первой в это лето «свежинкой». Откуда-то вынырнула вдруг сухонькая деревенская бабка, потянувшись к командиру с жалобой: мелькнуло в скороговорке «грядка... хулиганы!» — и вдруг осеклась. С минуту бабка оцепенело глядела на торчащий из комиссарского рта морковный хвостик, горько вздохнула: «И-их, ироды!» — и, махнув рукой, отошла от стола.

Тихо-тихо стало за столом.

А Саньки уже не было. Он убежал за барак, уткнулся лбом в дощатую стенку.

Затопали рядом тяжелые твердые шаги. Санька глянул исподлобья: к нему шел комиссар. Коля оперся о стенку над Санькиной головой, и Санька от этого движения инстинктивно пригнулся...

— Слушай. Ты ведь не пацан уже. Думать надо, что делаешь. Бабка живет одна-одинешенька, мужа и обеих сыночек на фронте убила. А ты на грядку ее позарился...

После этого Алексей в наказание снял Саньку с бетономешалки, приставил к себе подсобником. Работа у них шла трудно: оба хмуры молчали, старались не глядеть друг на друга, и не завязывалось меж ними хорошее взаимопонимание, как с ребятами-бетонщиками. Санька то запаздывал с подноской кирпича, то громоздил рядом с каменщиком такую кучу, что она мешала кладке. В конце концов бригадир отправил его обратно в Витину бригаду, строго наказав «держат Ежова в ежовых рукавицах».

Витек принял Саньку сочувственно. Ну, разболталась гайка у мальчика, бывает... Однако нельзя же так круто закручивать — резьбу можно сорвать. И Санька, почувствовав, что ему не собираются каждую минуту напоминать злополучную морковку, остервенело набросился на песок, доказывая, что человек он еще не конченный...

Миновала третья неделя целинной студенческой жизни. Телятник уже подвели под крышу. Мощно рыкающий автокран уложил бетонные плиты перекрытия, ребята раскатали по ним длинные ленты рубероида и принялись заливать их сверху черным вязким варевом — гудроном. Раствора теперь требовалось совсем немного, и, сделав с утра пару замесов, Витина бригада приходила на помощь кровельщикам. Саньке, поднаторевшему в обращении с механизмами, доверили подъемник, и он под командой: «Вира!» «Майна!» ловко отправлял на крышу ведра с гудроном и рулоны рубероида.

Санька помогал Алексею заводить угол низкой телятничковой пристройки, ловко вкладывая в протянутую руку каменщика то кирпич, то инструмент. И вдруг рука бригадира замерла, не приняла кирпичный обломок, идущий на забутовку. Санька поднял глаза, повернулся в ту сторону, куда напряженным взглядом уставился Алексей, и

увидел милицейскую лейтенантку, беседующую с комиссаром. О чем, Санька не слышал. Но что тут было гадать...

— А дальше что? — донесся голос комиссара.

— Дальше? — повторила, задумавшись лейтенантка. — Дальше следствие покажет.

— Я с ним поеду! — решительно сказал комиссар.

В кабинете следователя собралась вся Петькина компания. Сам Петька, развалившись на стуле и сбросив по-блатному чубчик на правый глаз, встретил Саньку вызывающе:

— А-а-а, поймался! Что ж ты, фрайер, на меня все сыпал?.. Гражданин следователь, у кого хотите спросите — это все они, мальки...

«Мальки», испуганно съживившись, сидели в ряд у стенки, сосредоточенно разглядывая сцепленные на коленках руки.

— Ну-ка, — сказал следователь, — выйдите все пока в коридор. А вы, молодой человек, — это комиссару, — оставайтесь.

В коридоре Петька привалился плечом к Саньке, отвернулся для маскировки и быстро зашептал:

— Санька, кореш, бери все на себя... Ты несовершеннолетний, а меня если зацепят — хана, по этапу пойду... По гроб должником твоим буду, Санька!.. — Медленно, словно нехотя, Петька занес над головой сжатый кулак и картинным жестом, резко распрямив пальцы, пригладил встрепанные волосы.

Санька напрягся весь, закаменел... Словно лопнула в нем какая-то струна, пусто и холодно стало в голове. С тем же леденящим сердце равнодушием Санька аккуратно развернул к себе оторопевшее Петькино лицо и изо всех сил хлестнул его раскрытой ладонью.

На шум в коридоре первым бросился из кабинета следователь, с порога закричал: «Прекратите!» Коля выскочил следом и увидел: известково-бледный, с закушенной губой и остановившимся взглядом Санька размеренно, как каменщик, кладущий кирпич, взмахивал рукой... Коля отшвырнул Саньку, но не успел сделать и шага к своему, врезавшемуся в стену подопечному, как на него кошкой кинулся один из пацанов:

— Пусть!.. Пусть он набьет этого гада! — Мальчик кричал то на следователя, то на Колю: — Надо ему! Надо ему!.. Так и надо! Это он все сделал, он...

Мальчишки разбушевались. Они наперебой, вперемешку с угрозами своему бывшему хозяину, рассказали всю правду. Мальчишками занялся следователь. Петьку увели умыться. А Коля подошел к Саньке, уткнувшемуся лицом в стенку, молча подождал, пока уймется под его пальцами мелкая нервная дрожь:

— Тихо, тихо, Санек... Ладно, обойдется.

Следователь, записав показания пацанов, решил, что больше нет необходимости задерживать Саньку.

— Но штраф с родственников придется взять, — сказал он на прощание.

— Сколько? — осведомился Санька. Он быстро прикинул в уме, раскидал все по полочкам: столько по возвращению из отряда на домашний обед, столько — пацанам на конфеты... Ничего! И со штрафом у него оставалось, чтобы водить всю компанию целый месяц в кино... А на мотоцикл у Саньки все равно не выходило.

— Уплачу, — сказал Санька. — Сам уплачу!

На улице, у входа в прокуратуру, смущенно топтались бывшие Петькины «хухрики». Дожидались Саньку. Он подошел к ним, пошептался немного с ребятами. Догнал комиссара, нерешительно вздыхая.

— Сказать что хочешь? — Коля остановился.

— Дело такое... Тут парень один, Бориска, просится в отряд на следующий год. Как думаешь, возьмут?

Коля сделал вид, что задумался. Но долго не выдержал, заулыбался:

— Ну, если ты походишь, то, может, и возьмут!

г. Североуральск,
Свердловская область.

Ура, Урал!

В годы первых пятилеток популярным был «Марш ударников» композитора Покрасса.

Гудит, ломая скалы,
Ударный труд.
Прорвался лентой алой
Ударный труд.
В труде нам слава и почет.
Для нас кирка породу бьет.

Любопытно, что слова марша были написаны... венгерским поэтом Анталом Гидашем

В 1931 году началось строительство Челябинского тракторного завода. Когда надо было срочно, в рекордно короткий

срок закончить какой-либо объект, проводились своеобразные трудовые праздники — так называемые «бетонные вечера». Бригады работали всю ночь, под духовой оркестр, весело...

На одном из «бетонных вечеров» побывал в 1931 году писатель-коммунист Луи Арагон. Возвратившись домой во Францию, он написал книгу «Ура, Урал!» и сочинил стихи, которые назвал «Вальс Челябинского тракторостроя». В них есть строки:

Льются звуки вальса старинного,
Ритм другой, но то же звучание.
И не верится,
Что под вальса дыхание
Бетономешалка вертится.

Самый емкий журнал

В нашей стране для специалистов и ученых издается Реферативный журнал — в год он публикует до одного миллиона документов. А через десять лет этот огромный поток публикаций еще и удвоится! Как журналу сохранить оперативность?

Всесоюзный институт научной и технической информации разработал проект автоматизированной справочно-информа-

ционной системы по науке и технике, которую назвали сокращенно «Ассистент». Электронно-вычислительная машина займется сбором, обработкой, хранением, поиском и распространением всех опубликованных в стране документов по науке и технике. В будущем компьютер сможет отвечать на вопросы абонентов по телефону и письменно — с помощью фотонаборной машины «Дигисет».

Идет — щепки летят

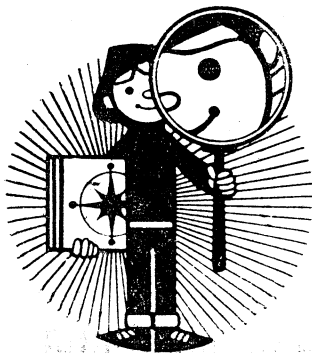
Эта машина расчищает путь вездеходам. Она идет по толстым пням, срезая их и превращая в щепу.

Такую корчевальную технику фирмы

«Вик Барлет» можно было увидеть на информационно-технической выставке американского штата Вашингтон, состоявшейся в Хабаровске.

М И Р

на лагони

Волга впадает... в водопровод

Конечно, это шутка. Сток Волги уменьшился не столько из-за растущих потребностей городов в воде, сколько из-за гидроэлектростанций. Волга по-прежнему впадает в Каспийское море, снижающийся уровень которого необходимо повысить, подняв уровень слабеющей реки.

Переброска северных рек в Волгу дает морю около тридцати кубических километров воды в год. Но этот проект — дальняя перспектива. Есть другой — более реальный. Уже ведется его техническая разработка. Это отделение от Каспия расточительных мелководий, испаряющих много воды. Только сооружение перед Кара-Богаз-Голом плотины позволит ежегодно удерживать в море пять миллионов кубических километров воды.

Пыльца тысячелетий

Все чаще у ботаников можно видеть эти коллекции пыльцы древних растений. Как ее отыскивают, с какой целью?

Еловые леса, например Швеции, дают в год огромное количество пыльцы — семьдесят пять тысяч тонн. Так было и миллион лет назад. Пыльцу находят во всех геологических отложениях, она там прекрасно сохраняется. В грамме торфа содержится сто тысяч пыльцевых зерен и спор. Это надежные документы, по которым ученые-палинологи определяют изменения растительности и климата в ходе тысячелетий. Многие вымершие растения мы знаем только по пыльце.

Споро-пыльцевой анализ родился в начале нашего века, его основоположники — русские исследователи.

Язык Мохенджо-Даро

Развалины этого древнего города в долине Инда были открыты давно — в 1856 году. Многие десятилетия жители «добывали» здесь готовый кирпич. Но вот в 1922 году археологи сделали второе открытие: оказалось, что Мохенджо-Даро (на языке синдхи это означает Холм Мертвых) — центр древнейшей цивилизации, насчитывающей 5 тысяч лет.

Еще раз Мохенджо-Даро прогремел, но уже печально, в наши дни. Древнейшему памятнику человеческой культуры грозит разрушение. Сейчас под эгидой ЮНЕСКО ведутся работы по спасению его.

В Мохенджо-Даро были обнаружены ценнейшие археологические находки, в том числе и печати со знаками письменности, не расшифрованной до сих пор. Сделать это решил выпускник филологического факультета Московского университета Анатолий Платонов — одаренный лингвист, в свои 28 лет знающий 20 языков. Темой дипломной работы он выбрал письменность Мохенджо-Даро.

Друг манси

В Ивдельском краеведческом музее на самом видном месте висит эта картина. Старый добрый учитель стоит у классной доски, рядом с ним — девочка-мансийка.

В 1918 году Иван Евлампиевич Уваров приехал в мансийские поселения Северного Урала, стал другом охотников и оленеводов, прожил среди них всю жизнь — 40 лет он учил манси грамоте.

И. Е. Уваров основал в Ивделе и краеведческий музей. Гордость его сейчас — зал, где экспонируются орудия производства, одежда и утварь манси. Портрет самого Уварова, нарисованный художником В. Марковым, тоже ценный экспонат музея.

Фото Алексея Нагибина

Мой мальчик исполнит...

В 1894 году в одной русской газете была опубликована любопытная заметка. В ней процитирован текст афиши, появившейся в 1794 году во Франкфурте-на-Майне. Извещалось от имени одного жителя, что он намерен устроить концерт, в котором будут участвовать его дети — сын и дочь. Афиша же была такая...

«Мои дети, дочь 12 и сын 7 лет, исполнят музыкальные произведения величайших маэстро на клавесине, а мальчик мой, кроме того, исполнит несколько пьес на скрипке. Мало того, мой сын сыграет несколько пьес на клавесине, прикрыв предварительно клавиши скатертью, и так хорошо исполнит, как по незакрытым клавишам. Издали, как и вблизи, он одинаково скоро и безошибочно определит всякий аккорд и каждый звук, произведенный на клавесине колоколом и всяким другим музыкальным инструментом. В заключение он, по требованию присутствующих, исполнит столько музыкальных фантазий, сколько того пожелают, притом на клавесине, скрипке и органе, в любом тоне, — это для него безразлично».

«Любопытно имя мальчика-концертанта, которого касалась реклама — бессмертный Моцарт».

Так нарочито бесстрастно, но в расчете на сенсацию заканчивается заметка в старой русской газете. И стоит добавить: отец Моцарта, высоко ценивший талант сына, вынужден был, однако, чтобы привлечь внимание широкой публики к исполнительскому мастерству будущего композитора, прибегать к таким откровенно рекламным трюкам.

Свет морской звезды

Большинство морских животных вида иглокожих, за исключением ежей, светятся. Цвет свечения — зеленовато-голубой. Если морские звезды зажигаются, то это им зачем-то нужно...

Есть среди многих гипотез и такая: свечение — сигнал тревоги, испускаемый животным в беде. В этом ученых убеждают наблюдения. Иглокожие светятся от прикосновения рук, от капель пресной воды или формалина.

Коты в лесу

Не одичавшие, а дикие кошки живут на Западной Украине и в Молдавии. Осторожных зверей очень

трудно не только увидеть, но и услышать — и то лишь в мартовские ночи...

В нашей стране охота на лесных котов запрещена повсеместно, они включены в список редких и исчезающих животных.

В декабре 1960 года на аукционе в Нью-Йорке почтовая марка стоимостью в 24 цента была продана за 9200 долларов.

Вот краткая история этой необыкновенной почтовой марки.

В мае 1918 года какой-то американец купил лист марок, на которых самолет оказался перевернутым. Обнаружив дефект и опасаясь, что марки нельзя будет использовать, он вернул их почтовому

чиновнику. Случайно оказавшийся здесь клерк вашингтонской биржи Робей купил лист за 24 доллара. Он сообразил, что марка уже стала раритетом.

Спустя неделю Робей продал лист за 15 тысяч долларов — фантастическую, как ему казалось, сумму.

В каталоге за 1970 год одна такая марка оценивается уже в 80000 долларов.

Из «соседних штатов»

Джорж Кеннан — один из первых иностранцев, с разрешения русского правительства осмотревший все места ссылки и каторги в Сибири.

На одной из сибирских станций Кеннан долго не мог втолковать пьяному старосте, что он гражданин Соединенных Штатов и тот вписал в станционную книгу: «Гражданин соседних штатов».

В Сибири Кеннан встречался с заключенными, которые прошли этапом через всю Сибирь 16 раз — по этапу и совершая очередной из 16 побегов. Высчитав их путь, Кеннан увидел, что эти отчаянные люди уже два раза обошли по экватору вокруг земного шара.

Однажды Кеннан увидел на лугу лошадь, закованную в кандалы. И хотя он знал, что самым первым ссыльным, отправленным в Сибирь, был угличский колокол, который сек-

ли кнутом и приговорили к ссылке, он тем не менее удивился, увидав кандалы на лошади.

Оказалось, что местные крестьяне покупают у беглых каторжан кандалы и, подобрав ключи, стреноживают ими лошадей — удобно и надежно. И вот один из крестьян, пустив на луг лошадь, потерял ключи от кандалов.

Для своей будущей книги «Сибирь и каторга» Дж. Кеннан сумел раздобыть несколько важных и секретных документов. Чтобы вывезти их из России, он упрятал их в доску, на которой был нарисован портрет кого-то из декабристов.

— Таким образом, — говорил Кеннан, — спустя даже много лет после того, как никого из них не осталось в живых, декабристы помогли разоблачить царское правительство.

Работа учителя-костореза С. Н. Пестерева

Якутские косторезы

Резьба по кости исстари была любимым занятием охотников, оленеводов и рыбаков Севера. Якутские умельцы делают из мамонтовой кости самые разнообразные предметы домашнего обихода: курительные трубки, мундштуки, кубки-чороны, стрелы, охотничьи ножи, а также и художественные произведения.

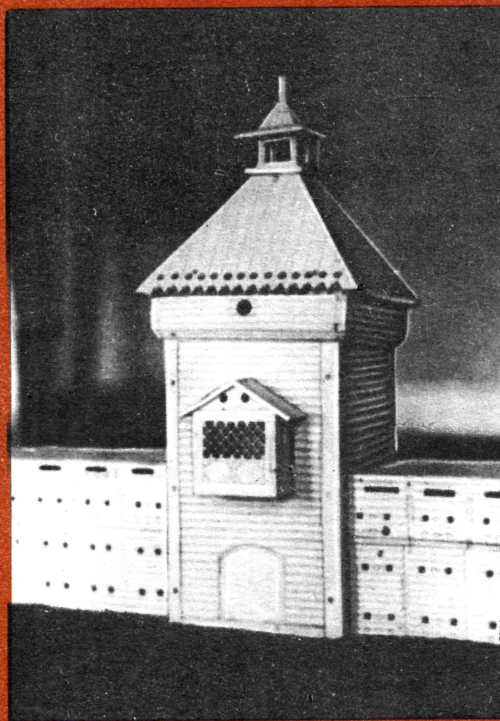
Якутский косторез Иван Федорович Мамаев на маленькой пластинке, немногим больше 40 квадратных сантиметров, вырезал целую картину — освещенные северным сиянием горы, лес, заводы, оленевода, собачьи упряжки, рыбака и охотника. Тонкость рисунка, красивая орнаментовка делают это произведение уникальным.

А вот работа учителя-костореза Семёна Николаевича Пестерева «Охота на оленей». Из одного куска бивня мамонта он сделал великолепное произведение искусства — на пластинке пять оленей и охотник.

Любопытно произведение неизвестного якутского мастера прошлого столетия — шкатулка филигранной работы.

Особенно ценна работа неизвестного якутского костореза XIX века — модель старинного якутского казачьего острога, находящаяся в Якутском краеведческом музее. Она собрана из десяти тысяч кусочков мамонтовой кости. Этот экспонат демонстрировался на Нижегородской художественной выставке 1896 года.

Многие произведения якутских косторезов побывали на Всемирных выставках в Париже, Канаде, хранятся в московском Историческом музее, в Эрмитаже.

Фрагмент из работы неизвестного якутского костореза XIX столетия «Башня якутского острога».

Филигранная работа XIX века — шкатулка.

МОЕ ОКНО. Линогравюра
Н. ДОМРАЧЕВА (г. Свердловск).

«ТОЛЬКО НЕ ТУТ-ТО БЫЛО. ОН ОБЕРНУЛСЯ КО МНЕ. ВЗГЛЯД ИЗУМЛЕННЫЙ И НОС ЗДОРОВО ПРИПЛЮСНУТ. ОБЕРНУЛСЯ И, ГАВКНУВ, ВЗМАХНУЛ РУКОЙ...

ПОСЛЕДНЕЕ, ЧТО Я УВИДЕЛ, ДВЕ УЗКИЕ ПОЛОСКИ — ЖЕЛТУЮ И БЕЛУЮ: ПЕСОК И ВОДУ.

И ЭТИХ ТРЕХ НЕГОДЯЕВ — ОНИ ПОЧЕМУ-ТО ВВЕРХ НОГАМИ СТОЯЛИ...» — РАССКАЗЫВАЕТ СЕМЕН ПАСТУХОВ, ГЕРОЙ НОВОЙ ПОВЕСТИ ВАЛЕНТИНА САФОНОВА «ЛЕНИВОЕ ЛЕТО», КОТОРАЯ БУДЕТ ОПУБЛИКОВАНА В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ ЖУРНАЛА